

УЧРЕДИТЕЛЬ: Коллегия Адвокатов г. Челябинска

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ВОРОНИН Ю. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, почетный сотрудник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДЕНИСОВА А. В.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДЕНИСОВИЧ В. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДОБРОБАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДУНДУКОВ М. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института проблем безопасности СНГ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, заведующий кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **МАЯКОВА А. С.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия); **МИХАЙЛОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ; **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва); **ПЕТРОВ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); **ПЕТРОВ П. К.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности Челябинского государственного университета (г. Челябинск); **СЕРОВА О. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); **ЯКУПОВ В. Р.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск).

Шеф-редактор **П. К. Петров**. Ответственный секретарь **В. В. Денисович**. Верстка **В. Н. Хазарова**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала **73848**

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области

Регистрационный номер серии ПИ № ТУ74-01474 от 11 октября 2023 г.

Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Тел./факс +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. E-mail: problemiprava28@mail.ru

Сайт журнала: <http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

© «Проблемы права», 2003—2026

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

3' 2026

18+

FOUNDERS JOURNAL: Chelyabinsk Bar Association

CHIEF EDITOR

V. V. KUDINOV, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **Yu. A. VORONIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **V. Yu. GOLUBOVSKY**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow); **S. M. DAROVSKIKH**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. V. DENISOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow); **V. V. DENISOVICH**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **M. B. DOBROBABA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **M. Yu. DUNDUKOV**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the CIS Security Research Institute (Moscow); **S. S. ZENIN**, Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK**, Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University Palackého in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **M. F. KOSTYUK**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **V. I. KRUSS**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN**, Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A. V. MAYFAT**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY**, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **A. S. MAYAKOVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russia); **V. I. MIKHAILOV**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **I. I. MUSKET**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV**, Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **A. V. PETROV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (St. Petersburg); **P. K. PETROV**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **N. A. PODOLNY**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsky (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **O. A. SEROVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Pskov State University (Pskov); **N. I. UTKIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan); **V. R. YAKUPOV**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk).

Editorial Director **P. K. Petrov**; Executive Editor **V. V. Denisovich**; Layout by **V. N. Khazarov**

Address of the editors office: 454091, Room 15/10, 12, Pushkin St., Chelyabinsk, Russia
Phone/Fax +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. problemiprava28@mail.ru
<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

В НОМЕРЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— **9** —

Киселева Н. В.

Олигархическая и демократическая модели современной меритократии

— **17** —

Космачев С. В.

Зарубежный опыт охраны интеллектуальной собственности
(на примере Соединённых Штатов Америки и Великобритании)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— **26** —

Аббасова Е. В., Васильев В. А.

Труд несовершеннолетних работников: история и современное видение

— **31** —

Гайдуков И. Ю.

Институт цифровых технологий в прокурорской деятельности:
понятие, предмет, метод и место в системе права и науке

— **40** —

Иванов А. Ю.

Административная ответственность фактического владельца транспортного средства
за правонарушения в области дорожного движения, выявленные техническими средствами,
работающими в автоматическом режиме

— **45** —

Миллеров Е. В., Миллерова Е. А.

Сексуальная эксплуатация человека: понятийные аспекты
в контексте юридической ответственности

— **51** —

Огородов И. Д.

Ответственность сторон по договору оказания облачных услуг
по предоставлению удалённого доступа к функционалу программного обеспечения

— **58** —

Томашевский К. Л., Бельская А. И.

Платформенная занятость и модели её правового регулирования в России и Китае
(сравнительный анализ)

— **67** —

Числов А. И.

Эволюция специализированных служб МВД России за последние сто лет:
организационно-правовой и хронологический аспект

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— 76 —

Данилов Д. В., Котельников М. Г.

Особенности государственных закупок
в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ
«О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг
для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и его практика применения

— 83 —

Мехдиева Н. Г.

Государство как наследник по закону

— 86 —

Смолин Д. В.

Авторское право в эпоху искусственного интеллекта:
проблемы признания прав на сгенерированное музыкальное произведение

— 92 —

Якупов В. Р.

К вопросу о возложении по договорам аренды и безвозмездного пользования на лиц,
оказывающих муниципальным образовательным учреждениям услуги
по организации питания учащихся, обязанности по возмещению расходов,
связанных с использованием помещений этих учреждений

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 100 —

Майоров А. В.

Феномен рейдерства в сфере культурных ценностей

— 109 —

Кадырова Н. Н.

Основания ресоциализации: постановка проблемы

— 114 —

Капошко Д. Г.

Установление причинно-следственной связи при расследовании и рассмотрении
в суде первой инстанции уголовных дел по халатности (ст. 293 УК РФ)

— 122 —

Леванов С. М.

От формальной верификации к реконфигурации познания: качество взаимодействия следователя
с лицами, обладающими специальными знаниями, как детерминанта объективности,
всесторонности, полноты в расследовании финансовых преступлений

— 133 —

Маякова А. С.

Спорные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений
в сфере незаконного оборота и контрабанды наркотиков

— 142 —

Муратова Н. Д.

Понятие и структура биометрических персональных данных для целей уголовного закона

— 149 —

Никитин В. В.

Совершенствование правового регулирования сроков исполнения запросов
следователя органов Федеральной службы безопасности

— 156 —

Петров А. В.

Значение судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса:
гарантия справедливости и гуманизм судопроизводства

— 162 —

Петров П. К.

Проблемы механизма расследования и наказания преступлений
против половой свободы и половой неприкосновенности

— 168 —

Подольный Н. А.

Технико-инструментальное сокрытие цифровых преступлений:
латентность следа и потребность в специальных знаниях

— 175 —

Тазетдинов Р.

Психолого-криминологический анализ преступности несовершеннолетних
через призму социальной профилактики
(зарубежный опыт)

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 9 —

Kiseleva N. V.

Oligarchic and Democratic Models of Modern Meritocracy

— 17 —

Kosmachev S. V.

Foreign Experience of Intellectual Property Protection
(on the Example of the United States of America and United Kingdom)

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 26 —

Abbasova E. V., Vasiliev V. A.

Labour of Underage Workers: History and Modern Vision

— 31 —

Gaydukov I. Yu.

Institute of Digital Technologies in Prosecutorial Activity:
Concept, Subject, Method and Place in the System of Law and Science

— 40 —

Ivanov A. Yu.

Administrative Liability of the Actual Owner of a Vehicle
for Offenses in the Field of Road Traffic, Detected by Technical Means Operating
in Automatic Mode

— 45 —

Millerov E. V., Millerova E. A.

Sexual Exploitation of a Person: Conceptual Aspects
in the Context of Legal Liability

— 51 —

Ogorodov I. D.

Liability of the Parties Under the Cloud Services Agreement
for Provision of Remote Access to Software Functionality

— 58 —

Tomaszewski K. L., Belskaya A. I.

Platform Employment and Models
of Its Legal Regulation in Russia and China (Comparative Analysis)

— 67 —

Chislov A. I.

The Evolution of Specialized Services of the Ministry of Internal Affairs
of Russia Over the Past Hundred Years: Organizational, Legal and Chronological Aspects

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 76 —

Danilov D. V., Kotelnikov M. G.

Features of State Procurement in Accordance with Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013
“On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Work, and Services for the Affordability
of State and Municipal Needs” and Its Practical Application

— 83 —

Mehdiyeva N. G.

State as an Heir by Law

— 86 —

Smolin D. V.

Copyright in the Era of Artificial Intelligence:
Issues in Recognizing Rights to AI-generated Musical Works

— 92 —

Yakupov V. R.

On the issue of Imposing, Under Lease and Gratuitous Use Agreements, on Persons Providing Municipal
Educational Institutions with Services for Organizing Meals for Students, the Obligation to Reimburse
Expenses Associated with the Use of the Premises of These Institutions

CRIMINAL LAW SCIENCES

— 100 —

Mayorov A. V.

The Phenomenon of Corporate Raiding in the Sphere of Cultural Assets

— 109 —

Kadyrova N. N.

Resocialization Bases: Problem Statement

— 114 —

Kaposhko D. G.

Establishing the Causal Link in the Investigation and the First-Instance Trial of Criminal Cases
of Negligence in Office (Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation)

— 122 —

Levanov S. M.

From Formal Verification
to Cognitive Reconfiguration: the Quality of Investigator-Specialist Interaction as a Determinant
of Objectivity, Comprehensiveness, and Completeness in the Investigation of Financial Crimes

— 133 —

Mayakova A. S.

Disputed Issues in the Criminal Assessment
of Crimes Involving Illegal Traffic and Drug Smuggling

— 142 —

Muratova N. D.

The Concept and Structure of Biometric Personal Data
for the Purposes of Criminal Law

7

— 149 —

Nikitin V. V.

Improving the Legal Regulation
of Time Limits for Executing Requests of an Investigator of the Federal Security Service

— 156 —

Petrov A. V.

The Significance of Judicial Control at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings:
a Guarantee of Fairness and Humanism of Legal Procedure

— 162 —

Petrov P. K.

Problems of the Mechanism for Investigating and Punishing Crimes
Against Sexual Freedom and Sexual Integrity

— 168 —

Podolnyy N. A.

Technical and Instrumental Concealment of Digital Crimes:
Trace Latency and the Need for Special Knowledge

— 175 —

Tazetdinov R.

Psychological and Criminological Analysis of Juvenile Delinquency
through the Lens of Social Prevention (Foreign Experience)

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-9-16

УДК 342.9

Киселева Н. В.

ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ МЕРИТОКРАТИИ

Аннотация. В статье анализируются исторически сложившиеся и реализующиеся на современном этапе основные концепции меритократии. Определены характерные черты олигархической меритократии, отражающие особенности государств западного типа. В контексте исторически динамичной концепции меритократии рассмотрены правовые нормы и организационно-политические мероприятия современного российского государства по формированию кадров государственных служащих, в том числе программы «Лидеры России» и «Время героев». На этом основании предлагается включение в научный оборот понятия о демократической меритократии как исторически новом типе меритократии и целевой установке развития современной российской государственной и общественно-политической системы.

Ключевые слова: меритократия, олигархия, демократия, государственная служба, критерии замещения должностей, типы меритократической политики

Для цитирования: Киселева Н. В. Олигархическая и демократическая модели современной меритократии // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 9–16. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-9-16

Kiseleva N. V.

OLIGARCHIC AND DEMOCRATIC MODELS OF MODERN MERITOCRACY

Abstract. The article analyzes the basic concepts of meritocracy that have historically developed and are currently being implemented. The characteristic features of oligarchic meritocracy are determined, reflecting the peculiarities of Western-type states. In the context of the historically dynamic concept of meritocracy, the legal norms and organizational and political measures of the modern Russian state for the training of civil servants, including the “Leaders of Russia” and “Time of Heroes” programs, are considered. On this basis, it is proposed to include in scientific circulation the concept of democratic meritocracy as a historically new type of meritocracy and the target setting for the development of the modern Russian state and socio-political system.

Keywords: meritocracy, oligarchy, democracy, public service, criteria for filling positions, types of meritocratic policy

For citation: Kiseleva N. V. Oligarchic and Democratic Models of Modern Meritocracy. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 9–16. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-9-16

В течение многих веков человечество стремится осмыслить феномен публичной власти, формулируя более или менее це-

лостные концепции, объясняющие происхождение и сущность государственности как признаваемого права на власть

и различных типов осуществления власти. Философия античности сформировала базовый понятийный аппарат, который был впоследствии уточнен и обогащен трудами выдающихся мыслителей. В недрах конфуцианства как философско-этической доктрины зародилось учение о «заслуженной власти», о «правлении лучших», которое можно рассматривать как основу концепции меритократии.

В современную эпоху термин «меритократия» первоначально имел ироничный оттенок, поскольку появился в контексте публикаций сатирической направленности (Х. Арендт «Кризис образования» 1954 г., М. Янг и П. Вильмонт «Возвышение меритократии», 1958 г.), где в гротескном стиле антиутопии говорилось об отборе правящей элиты на основе оценки интеллектуального коэффициента (IQ) претендентов.

В последующий период западная политология стала шире использовать понятие «меритократия», рассуждая о достижении кем-либо высокого социального статуса на основе таланта, способностей и личных качеств, при этом тенденциозно подчеркивая, что именно западная общественно-политическая система создает условия равных возможностей «вертикальной» социальной мобильности. Советское обществоведение безоговорочно уступило понятие «меритократия» идейно враждебной западной философии. Об этом свидетельствует обращение к советскому энциклопедическому словарю, в котором меритократия определена как «разновидность технократической утопии, согласно которой капитализм трансформируется в общество, где утвердятся принципы выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех слоёв» и делается вывод, что такой подход «оправдывает социальное неравенство, разделение на элиту и управляемые массы» [1].

Но было бы правильнее признать, понятие меритократии в каждую эпоху наполнялось своим содержанием, поскольку менялось представление о власти и о критериях определения тех «лучших», которым можно доверить осуществление власти и управления. Целью данной статьи является выявление исторически сложившихся в XX веке основных типов меритократии, понимаемой как система привлечения во власть и государственное управление тех, кто по своим личностным и квалификационным характеристикам в наибольшей степени соответствует за-

дачам, выдвигаемым обществом и государством.

Каждая эпоха порождала свое представление о тех лицах, которые признавались носителями власти. Ключевым критерием кадрового отбора в государствах Древнего мира и Средневековья была наряду с общей образованностью демонстрация верности господствующим догмам, то есть подтверждение полной лояльности существовавшей монархической власти.

В период буржуазных революций понятие о «лучших людях», которым можно доверить реализацию власти, стало формироваться на принципиально иных и в то же время сходных с прежними началах: теперь речь шла о горячем отрицании прежних догм и ярких высказываниях в духе новых идеалов личной свободы и равноправия. Государственные деятели революционной эпохи, как правило, не обладали необходимой квалификацией для осуществления грамотного управления, но компенсировали это энтузиазмом и решительностью. В процессе развития буржуазных государств группы политических единомышленников создавали более или менее организованные политические партии с целью обеспечения своего влияния в государственно-политической жизни. Средством закрепления такого влияния было продвижение в состав органов власти и управления своих надежных сторонников, способных решать политические и управленческие задачи. Таким образом в постреволюционный период формировалась государственно-политическая система, на основе «партийного выдвиженчества» на государственные должности.

Классическим примером такой системы является Вестминстерская модель в Великобритании, которая предполагает назначение премьер-министра и формирование правительства партией, победившей на выборах в палату общин и, соответственно, наполнение всех государственных структур, по возможности, своими политическими сторонниками. Такая модель стала внедряться и другими государствами. По Конституционным законам Третьей республики во Франции назначение на государственные должности также могло осуществляться только из числа лиц, получивших поддержку Палаты депутатов, т. е. на основе сложившегося в этой палате партийного большинства или, в крайнем случае, межпартийного компромисса. По конституциям Четвертой и Пятой

республики Франции по-прежнему именно партийная поддержка в конечном счете определяет состав высшего чиновничества. Весьма ярко партийное выдвиженчество на государственные должности представлено в США. В Японии и в ФРГ, чьи конституции возникли под оккупационным влиянием США, действует этот же механизм.

Партийно-политическая система преопределила, что властные структуры и руководящая часть аппарата государственных учреждений, относящаяся к категории правительственной службы, формируются именно на основе принадлежности к победившей на выборах политической партии, назначаются на соответствующие должности пришедшим к власти на основе победы «партийным» президентом и покидают свой пост вместе с ним. В отношении этой категории управленческой элиты реализуется принцип «командной солидарности», т. е. верности установкам своей партии.

Никуда не деться от того факта, что главными политическими игроками в буржуазных странах стали политические партии, представляющие интересы определенных олигархических групп и аккумулирующие их финансовые ресурсы в борьбе за влияние. Отбор на государственные должности проводится в форме одобрения кандидатур, выдвинутых победившей на очередных выборах политической партией. Критерием данного отбора являются соображения политической конкуренции. В условиях имитационной демократии именно партии, легально и нелегально лоббируя свои интересы, определяют кадровые решения в публичных и непубличных структурах власти и высших звеньях управления. Показательно, что отрицать олигархический характер государства уже не могут даже сами представители олигархической элиты. Все обратили внимание на то, что в прощальной речи 16 января 2025 г. президент США Дж. Байден заявил, что в США имеет место «опасная концентрация власти в руках очень небольшого числа ультра-богатых людей» [2].

Другой категорией являются должности гражданской службы, которые замещаются профессионалами, не обязанными уходить в отставку при смене партийного лидера на посту президента. В отношении этой категории сформировались достаточно четкие правила конкурсного отбора, основанные на оценивании квалификации и личных качеств кандидата. Западная политология утверждает, что этим в буржуаз-

ном обществе вполне реализуется принцип меритократии, что возможность проявить себя предоставлена каждому и личные достижения зависят только от способностей и трудолюбия, что все должности любого уровня в равной мере доступны для граждан. Образцом такого «общества равных возможностей» представляются США, страны Европейского Союза, идущие в их русле государства Азии. Действительно, буржуазная государственность, декларирующая либеральную идеологию и признание прав человека, создала гораздо более широкие, чем прежде, возможности для вовлечения граждан в систему государственной власти и управления на основе оценивания их личных качеств, на основе межличностной конкуренции и в рамках олигархической государственности в значительной степени реализуется меритократическая модель отбора в сферу государственной службы. Показательным примером можно считать механизм, выработанный в США, внедрение которого было задано Законом о реформе государственной службы 1978 г. Было заявлено, что кадровая политика государства состоит в том, чтобы обеспечить народ Соединенных Штатов компетентными, добросовестными и эффективно действующими федеральными служащими, отражающими разнобразие нации и улучшающими качество государственной службы; управление федеральными кадрами должно осуществляться в соответствии с принципами «системы заслуг» и не должно нарушать требований о запрещенной кадровой практике [3].

Основы государственной политики в данной сфере изложены в § 3301 пятой главы Свода законов США — Государственная служба. Должности федеральной государственной службы в США подразделяются на три категории: патронажные, исключительные, конкурсные. К категории «патронажных» должностей отнесены те, назначение на которые производится президентом по его усмотрению при довольно формальном согласии Сената — помощники, советники, секретари, доверенные лица. В сущности, «патронажные» — это вспомогательные должности для реализации полномочий президента, и отбор на эти должности осуществляется на основе его личного доверия. «Исключительные» должности имеют особый статус, это должности в силовых структурах (ФБР, ЦРУ и др.) и в сфере международных отношений (Госдепартамент США, представитель-

ства США в международных организациях и др.), назначение на них осуществляется президентом с соблюдением специальных требований и процедур. К категории конкурсных относятся те должности, которые замещаются в соответствии с принципом «системы заслуг», то есть именно на основе оценки квалификации и личных качеств конкурсанта. Набор на конкурсные вакантные должности проводится заинтересованными ведомствами либо в «открытой» форме, когда должность может быть занята на конкурсной основе любым лицом, либо в «закрытой» форме, когда должность замещается в порядке карьерного роста лицом, уже работающим в данной системе. Установившаяся процедура конкурсного приема на государственную службу предусматривает проведение экзаменов или собеседования с претендентом, а также проверку его благонадежности. Квалификационные требования устанавливаются главой ведомства в соответствии с теми нормами, которые разрабатываются Управлением по делам государственной службы США. Общими критериями оценки в соответствии с § 3392–3393 Свода законов США служат:

- 1) опыт управленческой деятельности;
 - 2) успешное участие в программах повышения квалификации, созданных Управлением по делам государственной службы;
 - 3) наличие особых знаний и опыта, которые дают основания полагать, что государственный служащий будет успешно справиться с возложенными на него обязанностями [4].
- Льготные условия при поступлении на государственную службу законодательно установлены для ряда категорий: для бывших военнослужащих, инвалидов, представителей национальных меньшинств. Принятый на государственную службу первоначально работает в условиях испытательного срока.

Одним из принципов провозглашено равенство возможностей граждан при поступлении на государственную службу. Но нужно сделать поправку на два обстоятельства. Во-первых, нужно учесть реальное влияние партийно-олигархических групп внутри государственных ведомств, которое связано с лоббизмом. Во-вторых, следует обратить внимание на реализацию в кадровой политике ведомств актуальных в американском политическом пространстве трендов, связанных с политикой господствующей олигархической группы. Например, что в 2020–2024 гг. позиция властвующей партии привела к тому, что

в конкурсном отборе служащих стали учитываться требования гендерной и расовой пропорциональности, инклюзивности и т. п. В 2025 г. в результате победы другой партии эти подходы при конкурсном отборе были отброшены. Это полностью в русле того, что определено § 3301 «Государственная служба» Свода законов США, которым к полномочиям президента США отнесено установление правил приёма на государственную службу в исполнительную ветвь власти [4].

Специализированными федеральными органами по управлению государственной службой являются Управление по делам государственной службы, Совет по вопросам «системы заслуг» и Специальная комиссия по вопросам защиты «системы заслуг», которые формируются президентом США с согласия Сената и, в основном, занимаются выявлением случаев недопустимой кадровой практики и защитой прав государственных служащих. В штатах система государственной службы устроена примерно так же.

В странах западной либеральной цивилизации олигархические группы, конкурирующие за власть, опираются в решении управленческих задач на профессиональных управленцев-менеджеров. Именно эти управленцы составляют бюрократическое «тело» государства. В отдельные периоды их поведение приобретает существенное самостоятельное значение, и возникает ситуация противодействия государственной бюрократии очередному президенту, т. к., являясь представителем одного из олигархических кланов, лидер пытается освободиться от влияния другого олигархического клана, сформировавшего на предыдущем этапе государственную бюрократию. Критерий «клановой верности», т. е. ангажированности политиков и управленцев политическими группами, представляющими интересы олигархических кланов; является очевидной чертой системы «олигархической меритократии». Понятие благонадежности государственного служащего в этом случае определяется, исходя из политических установок очередного партийного лидера. Смена «партийных» президентов порождает более или менее выраженное сопротивление (в форме бюрократического саботажа) выполнению намеченных им задач и кадровые изменения в государственном аппарате для продвижения очередным политическим лидером «своих людей» на значимые посты. Характеризуя черты «олигар-

хической меритократии», следует добавить, что рекрутирование государственных служащих происходит в условиях буржуазного общества на сравнительно узкой социальной основе, т. к. социальное неравенство исключает возможность государственной службы для огромной части граждан в силу их неравных возможностей в сфере образования и приобретения профессиональной квалификации.

Трагический для нашей страны опыт 1990-х годов привёл к пониманию того, что критическая слабость государства, порожденная спекулятивной деятельностью внутренней и международной олигархии, а также криминалитета, может иметь необратимые негативные последствия и привести к утрате суверенитета и государственности вообще. Современная Россия болезненно вырабатывала нормы, ограждающие государственно-политическую и государственную управленческую деятельность от олигархического и иностранного влияния. Результатом законодательной деятельности стало закрепление в Конституции и федеральных законах положений, которые рассматриваются как гарантии демократического механизма продвижения граждан во власть и государственное управление и в то же время — как гарантии от продиктованных частными интересами злоупотреблений лиц, осуществляющих государственную власть и управление.

Конституция России утверждает право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления (ст. 32.1, 32.2). С целью обеспечения гражданам равных возможностей получения образования и профессиональной квалификации государство гарантирует гражданам «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях» (ст. 43.2), а также право «на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии» (ст. 43.) [5]. Отбор на избираемые государственные должности осуществляется путем участия граждан в выборах, конкуренции между кандидатами. В результате выборов политические должности замещаются на основе выраженного доверия граждан.

Для должностей государственной гражданской службы, замещаемых в результате назначения, предусмотрен конкурсный порядок на основе установленных квалификационных требований к претенденту: «к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, профессиональному уровню (ст. 12.1). Квалификационные требования для замещения должностей гражданской службы устанавливаются в соответствии с категориями и группами должностей гражданской службы, областью и видом профессиональной служебной деятельности гражданского служащего (ст. 12.2, ст. 12.7). Оценка профессионального уровня осуществляется с участием подразделения государственного органа, в котором учреждена соответствующая должность (ст. 12.10). Конкурсный отбор осуществляется и в отношении судей. Прозрачные выборы и конкурсные процедуры назначения являются важным элементом справедливого меритократического отбора кадров для государственной власти и управления, для этого созданы необходимые правовые предпосылки.

Гарантиями от незаконного вмешательства в осуществление государственной власти и управления является система запретов и ограничений, нацеленная на то, чтобы исключить влияние на служащего тех или иных заинтересованных групп. В соответствии с Законом о государственной гражданской службе Президент РФ (ст. 81.2.), высшие должностные лица субъектов РФ (ст. 77.3), депутаты Федерального собрания (ст. 95.4, ст. 97.1), Председатель Правительства РФ [ст. 110.4], руководители федеральных государственных органов (ст. 78.5), Уполномоченный по правам человека (ст. 103.1е), судьи (ст. 119), прокуроры (ст. 129.2), государственные служащие (ст. 16.6, ст. 16.7) не могут иметь иностранного гражданства или вида на жительство на территории иного государства, не могут являться иностранным агентом (ст. 16.13) [6].

Государственным служащим всех уровней не разрешено совмещать государственную и предпринимательскую деятельность, чтобы свои силы и знания служащие отдавали именно государственному служению, не пытаясь извлекать выгоду из своего положения (ст. 17.3, 17.6–17.11) [6].

В начале XXI века в российской политологии обсуждалась идея о переходе

к «партийному правительству» на основе парламентского большинства, т. е. формирования правительства партией или коалицией партий, завоевавших на выборах в Государственную Думу свыше половины депутатских мандатов, т. е. по западному типу [7]. Данная идея не получила поддержки. Победило представление о беспартийном правительстве и государственной администрации вообще. Законом о государственной гражданской службе Российской Федерации также установлен беспартийный характер деятельности служащих в органах власти и государственного управления, запрет их участия в деятельности какой-либо политической партии (ст. 17.13, ст. 17.14) [6]. Такая система запретов и ограничений направлена на обеспечение независимости лиц, работающих в органах власти и государственного управления, от любого постороннего влияния.

Россия переживает процесс перехода от олигархического типа меритократии к демократической меритократии. Сложившееся в 1990-х годах положение приводило к восприятию всякой принадлежности к государственной власти и управлению как права на привилегии. В современной России участие в государственной власти и управлении понимается как служение. Специальными программами привлечения на государственную службу является так называемая «школа губернаторов», осуществляемая Высшей школой государственного управления РАНХиГС, а также специальные программы привлечения во власть и государственное управление новой элиты, которую в послании Федеральному Собранию Президент охарактеризовал так: «подлинная, настоящая элита — это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди» [8].

Программа «Лидеры России», осуществляемая с 2017–2018 гг. — это всероссийский открытый конкурс, который дает возможность получить грант на дальнейшее образование, стажировку и войти в число лучших управленцев страны, перспективных руководителей. Конкурсный отбор участников проводится на основе многоступенчатой системы оценочных мероприятий, с помощью которой определяется уровень развития способностей и управленческих компетенций. Ежегодно в конкурсе принимают участие сотни тысяч человек из всех регионов России и зарубежных стран, по-

бедителями становятся более ста, которые получают назначения на ответственные государственные должности. Всего за годы проведения конкурса «Лидера России» в нем приняли участие более 1 млн человек, из них 14 тыс. дошли до полуфиналов, 521 — стали победителями суперфиналов. Более 470 участников первых четырех конкурсов «Лидеры России» заняли посты в государственных органах и бизнес-структурах. Четверо из участников конкурса стали впоследствии губернаторами (Дмитрий Артюхов, Василий Орлов, Роман Бусаргин, Виталий Хоценко), семь — заместителями федеральных министров, восемь — мэрами [9]. Опыт реализации программы «Лидеры России» воспринимается другими государствами: в феврале 2025 г. в период избирательной кампании по выборам президента Абхазии было объявлено, что здесь принята аналогичная российской программа «Команда Абхазии».

Новой программой формирования государственной элиты стала Программа «Время героев», нацеленная на развитие потенциала участников специальной военной операции в сфере государственной власти и управления. Она реализуется по поручению Президента Высшей школой государственного управления РАНХиГС.

Нужно признать, что меритократия как тип осуществления власти и управления теми, кто признается наиболее достойными людьми и компетентными профессионалами, является оптимальным вариантом организации политико-государственной сферы. Представляется, что в современном мире наиболее перспективной является модель, основанная на сочетании меритократических и демократических черт и термин «демократическая меритократия» был бы вполне адекватным.

В концепции демократической меритократии властная и управленческая деятельность рассматриваются именно как доверенная обществом миссия, полномочия на которую даются обществом на основе признания не только профессиональных, но и личных качеств гражданина. Демократическими условиями современной меритократии является конституционная гарантия доступности властных и управленческих позиций для граждан, социальная политика государства, направленная на создание равноценных стартовых жизненных позиций для молодежи, прозрачный механизм выборов в органы власти, которые дают вотум доверия на властную

деятельность, а также наличие возможностей демократического контроля властной и управленческой деятельности. Меритократический подход реализуется через удаление бизнес-структур от власти и пресечение олигархического влияния, открытые конкурсный отбор на должности государственной службы, непартийный подход в деятельности властных органов, ответственность служащего. Современная демократическая меритократия таким образом создаёт равные возможности для развития способностей и равный доступ к высшим эшелонам власти и к государственной службе. В рамках демократической меритократии сущность демократии реализуется в как в ценностном, так и в процедурном её значении. Политические должности замещаются исключительно на основе выраженного доверия граждан, а критериями отбора лучших являются

патриотическая гражданская позиция (определяющая цель властной и управленческой деятельности), готовность служения (как мотивация деятельности гражданина в сфере власти и управления), оцениваются квалификация и личные волевые качества (как условия успешной реализации доверенных обществом полномочий).

Народовластие, осуществляемое через институты выявления и реализации непосредственной воли граждан или через их опосредованное представительство в сочетании с правлением лучших, уполномоченных обществом на основе честной конкуренции и отбора — это характеристики идеальной модели демократической меритократии. Для её осуществления следовало бы по крайней мере осознать её как целевую установку развития современной российской общественно-политической системы.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь. Издательство «Советская энциклопедия». М., 1980. 801 с.
2. ТАСС. Байден заявил о зарождении в США олигархии, угрожающей демократии. 16 января 2025 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22892477> (электронный ресурс).
3. Закон США о реформе гражданской службы. 1978 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=7720>
4. Свод законов США, гл. 5 Государственная служба //Cornell Law School Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/3392-3393> (электронный ресурс).
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&intelsearch=%CA%EED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9> (электронный ресурс).
6. Федеральный закон О государственной гражданской службе Российской Федерации Принят Государственной Думой 7 июля 2004 года. Одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 года. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102088054> (электронный ресурс).
7. Фонд Общественного Мнения (ФОМ). База данных. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pow_gov/government_kasianov/dd031829 (электронный ресурс).
8. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (электронный ресурс).
9. Фадеичев С. История конкурса «лидеры России» / ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/6209790> (электронный ресурс).

References

1. The Soviet Encyclopedic dictionary. Publishing house "Soviet Encyclopedia", 1980. — 801 p.
2. TASS. Biden announced the emergence of an oligarchy in the United States that threatens democracy. January 16, 2025 URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22892477>
3. The United States Civil Service Reform Act. 1978 URL: <https://constitutions.ru/?p=7720>
4. The Code of Laws of the USA, Chapter5 Public Service //Cornell Law School Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/3392-3393>
5. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&intelsearch=%CA%EED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9>

6. The Federal Law On the State Civil Service of the Russian Federation was adopted by the State Duma on July 7, 2004. Approved by the Federation Council on July 15, 2004. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102088054>
7. Public Opinion Foundation (FOM). The database. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pow_gov/government_kasianov/dd031829
8. The President's Message to the Federal Assembly. February 29, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585>
9. Fadeichev S. The history of the "Leaders of Russia" contest / TASS. URL: <https://tass.ru/info/6209790>

Сведения об авторе

Киселева Н.В. — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону. E-mail: nvkiseleva@rambler.ru

Information about the author

Kiseleva N.V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don. E-mail: nvkiseleva@rambler.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Космачев С. В.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Аннотация: В статье рассматривается зарубежный опыт уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. На примерах США и Великобритании показано формирование государственной политики в области охраны интеллектуальной собственности, в том числе уголовно-правовыми методами. Представлен анализ современного опыта (с 2000-х гг. по настоящее время) государственной и правовой политики для осуществления эффективного противодействия преступности в указанной сфере. Рассматриваются вопросы разработки современных концепций и стратегического планирования, выстраивания взаимодействия между различными ведомствами правоохранительной направленности и экономическим сектором, включая государственные и коммерческие организации, работу с населением. Отмечается изменения в расширении круга охраняемых объектов, усилении норм уголовно-правовой ответственности, на фоне современных вызовов преступности. Рассмотренный положительный опыт может быть полезен при выстраивании государственной политики по противодействию преступности и совершенствованию охраны в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, посягательство на интеллектуальную собственность, уголовная ответственность, стратегия противодействия преступности, сравнительное право.

Для цитирования: Космачев С. В. Зарубежный опыт охраны интеллектуальной собственности (на примере Соединённых Штатов Америки и Великобритании) // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 17–25. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-17-25

Kosmachev S. V.

FOREIGN EXPERIENCE OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION (ON THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES OF AMERICA AND UNITED KINGDOM)

Abstract: The article considers foreign experience of criminal law protection of intellectual property. The examples of the USA and Great Britain show the formation of state policy in the field of intellectual property protection, including criminal law methods. An analysis of the modern experience (from the 2000s to the present) of state and legal policy to implement effective crime prevention in this area is presented. The issues of developing modern concepts and strategic planning, building interaction between various law enforcement agencies and the economic sector, including state and commercial organizations, and working with the population are considered. There are changes in the expansion of the circle of protected objects, the strengthening of the norms of criminal law, against the background of modern crime challenges. The reviewed positive experience can be useful in building a state policy to counter crime and improve protection in the field of intellectual property in the Russian Federation.

Keywords: *intellectual property, infringement of intellectual property, criminal liability, crime prevention strategy, comparative law.*

For citation: Kosmachev S. V. Foreign Experience of Intellectual Property Protection (on the Example of the United States of America and United Kingdom). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 17–25. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-17-25

Неотъемлемой частью успешного прогресса современных государств является управление интеллектуальной собственностью. В документах стратегического планирования различных государств отмечается прочная взаимосвязь между правовой охраной интеллектуальной собственности, инновационной деятельностью, экономическим развитием и улучшением благосостояния населения [11, с. 148]. В международном пространстве усиливающаяся конкуренция стран, возводит указанную сферу в контекст национальной безопасности. В современных документах стратегического развития Российской Федерации¹ в рамках долгосрочного планирования, также указывается, что прорыв инновационной деятельности в науке, промышленности, образовании, здравоохранении и культуре является фундаментом конкурентоспособности на мировой арене, усилением престижа страны и увеличением благосостояния граждан. В современном мире повышается значимость правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, в том числе, авторского права и смежных прав на произведения, инновации в области научно-технического творчества, коммерческие обозначения и др.

Преступность в сфере интеллектуальной собственности наносит не только репутационный урон, но и значимый экономический ущерб, что консолидирует усилия государственной политики по защите национальных интересов. Изучение положительного опыта зарубежных стран в указанной сфере может быть полезен при выстраивании государственной политики по противодействию преступности и совершенствованию охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

В первой четверти XXI века в российской научной среде повысился интерес к вопросам охраны интеллектуальной собственности и противодействию преступности в указанной области. Отдельные

вопросы зарубежной теории и практики в области охраны интеллектуальной собственности и противодействия преступности рассматривались в работах Е. О. Дедюриной, С. И. Ивановой, С. И. Кирилова, С. Ю. Козаченок, С. В. Космачева, Г. Е. Мелконян, М. Н. Кочеткова, Д. Г. Ломсадзе, С. Н. Титова, О. В. Шумилова и др.

Авторы настоящей статьи, разделяют точку зрения авторитетного исследователя зарубежного опыта в указанной области С. Н. Титова, который отмечает: «Россия обладает меньшим опытом построения высокоэффективной системы правовой охраны в сфере интеллектуальной собственности по сравнению с рядом иностранных государств» [13, с. 188–189]. Как утверждает А. В. Наумов, компаративистские исследования позволяют найти общее и особенное в зарубежной практике, выявить и сопоставить причинно-следственные связи, с различных позиций проанализировать имеющийся опыт российского государства, что способствует поиску новых подходов и повышению эффективности в указанной сфере [9]. Вышеуказанное обуславливает актуальность выбранной темы статьи.

Интеллектуальное пиратство, контрафактная продукция имеют обширную географическую распространенность. Государства стремятся выстраивать системную политику в указанной сфере, с целью минимизации экономического ущерба правообладателей и защиты потребителей от контрафактной продукции. Контрафактом — это подделка или незаконная копия товара (продукта). Правовая суть контрафакта — ущемление авторских прав и других интеллектуальных прав в результате создания такого товара. Основными признаками контрафактной продукции является незаконное использование товарного знака (бренд), не соответствие качеству оригинала, подделка упаковки, подделка документации, продажа вне официальных каналов (например, реализация через сомнительные интернет-ресурсы, неофициальные торговые точки). С одной стороны — это материальный ущерб для правообладателя. С другой — фальсификация, нивелирующая социально-психологиче-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/401425792/>

скую значимость автора, то есть несет репетиционный ущерб и минимизирует «ценность» продукта-оригинала.

В важности пресечения и противодействия распространению контрафактной продукции является не только сам факт нарушения авторских и смежных прав, непосредственно экономический ущерб, но и изменяющийся характер общественной значимости контрафакта. В настоящее время у потребителей формируется тренд на экологически чистую, созданную на основе натуральных ингредиентов парфюмерно-косметическую продукцию. Спросом пользуются товары, прошедшие сертификацию для подтверждения соответствия установленным требованиям качества безопасности. В действительности указанный сегмент содержит значительный процент фальсифицированной продукции. В предотвращении распространения контрафактной продукции, к примеру, на территории Евразийского экономического союза (ЕАЭС) действует технический регламент Таможенного союза (ТР ТС) 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» [2].

Но если «подделки» люксовой парфюмерии, косметики, одежды, обуви, аксессуаров, ювелирных изделий, в основном отрицательно отражаются только на «кошельке» потребителей, то рост масштабов контрафакта в сфере питания, алкогольной продукции, товаров для детей или фармацевтики имеют высокий риск для здоровья потребителя, в некоторых случаях — летальный исход. Одним из «традиционных» сегментов контрафакции, имеющих высокий риск нанесения вреда здоровью и жизни потребителей, является распространение лекарств-подделок. В ряде африканских стран, с низким уровнем экономического развития, 60–80 % фармацевтических препаратов является подделками. То есть использование контрафакта может привести к смерти потребителя такой продукции.

Во многих странах африканского континента объем от реализации торговли «пиратскими» товарами приносит доход не только криминальным группам, но вносит ежегодный «вклад» в ВВП (внутренний валовой продукт) страны. К примеру, экономика Королевства Марокко по итогам 2024 года считается для стран африканского региона развивающейся, имеющей три сферы стабильного роста (сельхозпродукция, экспорт фосфатов, туризм). Но в силу того, что импортная про-

дукция имеет высокие цены, ассортимент фальсифицированных товаров весьма широк. По оценкам некоторых экономических исследований, проводимых в течение последнего десятилетия, контрафактная продукция (теневая экономика) составляет почти 1,5 % ВВП Королевства Марокко [17].

Широкому «спросу» на контрафактную продукцию способствует заниженная цена для непритворного потребителя. А широкому распространению контрафактной продукции — отсутствие системных и эффективных мер противодействия со стороны правоохранительных органов и несоответствие уголовного законодательства современным реалиям. В ряде зарубежных стран накоплен положительный опыт эффективного противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности, как с точки зрения проработанности законодательных актов, так и методов правоохранительной деятельности в указанной области [18].

Проблема контрафакта существует и для вполне «благополучных» государств Северной Америки и Европейского союза с развитой экономикой и отлаженным механизмом правовой защиты на объекты интеллектуальной собственности [6]. В мировом масштабе ежегодный оборот контрафактной продукции составляет более 460 млрд долл. США. Для стран Европы экономический ежегодный ущерб исчисляется в 120 млрд долл. США. Ещё до недавнего времени, самым масштабным производителем «подделок» считался Китай и значительно отстающая от него Турция [10].

В динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее — АТР), вопросы, связанные с охраной интеллектуальной собственности, актуализировались в 60–90 годы прошлого века, когда на международную арену вышла Япония и «азиатские тигры» Сингапур, Тайвань, Гонконг (Сянган), Южная Корея [1, с. 99]. В настоящее время по многим позициям лидирует Китай. По данным Глобального инновационного индекса (ГИИ) 2025 года, опубликованного Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), в топ-10 стран мира по инновационному развитию входят США, Китай, Южная Корея, Сингапур² и др. Политика в сфере правовой охраны интеллектуальной

² Глобальный инвестиционный индекс 2025: URL: <https://isek.hse.ru/news/1085304545.html> (дата обращения 25. 04. 2026)

собственности, в том числе методами уголовного права, в указанных странах, имплементировала положительный опыт западных стран и базируется на тех же направлениях деятельности, что будут рассмотрены далее в настоящей статье на примере США и Великобритании, подтверждая универсализм некоторых эффективных практик.

Научно-практический интерес вызывает накопленный положительный опыт США и Великобритании в организации системных методов, консолидации усилий, государственной платформы деятельности, разработка и отбор эффективных практик, но также их направления и цели изучения зарубежного опыта. В частности, следует отметить, что наблюдается прагматичная заинтересованность с другой стороны — от геополитических конкурентов к опыту России и её партнеров по странам БРИКС (неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой) в сфере инновационной деятельности и правовой охраны интеллектуальной собственности [4]. Так, например, в исследовании А. Фриман анализируется текущее положение и перспективы будущего, связанные с выходом на мировые рынки инновационных продуктов России и Китая, а также других стран, входящих в БРИКС, и какие конкурентные риски это несет западным странам [15].

Рассмотрим подробнее опыт Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) и Соединенных Штатов Америки (далее — США) в сфере охраны интеллектуальной собственности.

Первое упоминание о выдаче королевского патента в Великобритании относится к 1517 году, когда был выдан патент на издание грамматики по латинскому языку. Таким образом, в Великобритании авторское право зародилось примерно на сто лет ранее, чем в других странах Европы. Первым полноценным законом об авторских правах, регулирующих охрану интеллектуальной собственности, считается «Статут королевы Анны» датированный 1710 годом [3, с. 33]. В 1862 году впервые Законом о товарных знаках в Великобритании введена уголовная ответственность за имитацию товарного знака другим лицом (с целью введения в заблуждение для получения материальной выгоды). Промышленная революция XVIII века расширила сферу формирования института интеллектуальной собственности, созда-

вая устоявшиеся традиции, которые были восприняты и в Новом свете — США.

Как известно, «в странах англо-саксонской системы права многие правовые вопросы регулируются прецедентным правом, а статутное право не претерпевает каких-либо существенных изменений на протяжении значительного промежутка времени» [5, с. 68]. В законодательной системе Великобритании и США отсутствует единый кодифицированный закон (кодекс), в котором систематизированы правовые нормы в области интеллектуальной собственности. По сложившимся традициям в Великобритании правонарушения охраны интеллектуальной собственности относятся к экономической сфере. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в Великобритании осуществляется посредством включения уголовного запрета непосредственно в отраслевой законодательный акт.

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против объектов интеллектуальной собственности, закреплены в специальном Законе Об авторских, дизайнерских и патентных правах (1988). Уголовный запрет за нарушение исключительных прав на товарный знак включён в Закон о товарных знаках (1994). За нарушение авторских прав предусмотрены санкции в виде различных размеров штрафа или тюремное заключение, или оба наказания. Так нарушение авторских прав в интернете («онлайн» преступления) влечёт наказание в виде лишения свободы до двух лет, а нарушение авторских прав на материальные ценности («офлайн» преступления) до десяти лет.

Особенностью уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в Великобритании является разделение правонарушений. Так, посягательство на предмет авторского права является основным нарушением, а, например, совершение сделки между нарушителем авторского права и третьими лицами в отношении контрафакции — вторичным. Владение или изготовление техники, позволяющей производить контрафактную продукцию установлен в виде самостоятельного состава преступления [14, с. 215–216]. Поиски комплексных методов и согласованных мероприятий по борьбе с преступлениями в сфере интеллектуальной собственности относятся к началу 2000-х годов. В 2004 году в Великобритании принята Стратегия противодействия преступлениям в сфере интеллектуальной собствен-

сти (далее — Стратегия) действующая по настоящее время.

В Стратегии отмечается увеличение контрафактной продукции в масштабах мировой экономики, что отражается и на Великобритании, имеющей торговые отношения с рядом государств, основные направления товарообмена сосредоточены на странах Северной Америки, странах Европейского союза, странах глобального юга (страны африканского континента, Индия, арабские государства Персидского залива и др.) Преступность в сфере интеллектуальной собственности становится ощутимой для национальной экономики Великобритании, угрожает развитию предпринимательских идей и бизнесу, интересам потребителей.

Неблагоприятный прогноз, указывается в Стратегии, усиливается за счет: использования современных технологий в преступных целях; скорости доставки контрафакта до потребителя; трудности выявления правонарушения; существующие санкции и нормы ответственности, воспринимаются преступниками, как «не пугающие»; в современном мире влияние криминальных групп и транснациональной преступности увеличивается. В Стратегии аргументирована необходимость выработки единых подходов в противодействии интеллектуальному пиратству и распространению контрафакции.

Выбор стратегических приоритетов и направлений деятельности в контексте комплексного подхода и консолидированного противодействия доказали свою эффективность на практике. Следующий шаг включал создание рабочей группы (далее — Группа), включающей непосредственных исполнителей, представителей различных государственных ведомств и коммерческих организаций в целях противодействия распространения контрафакта и защиты интеллектуальной собственности правообладателей. Группа была создана в 2004 году и действует по настоящее время, что подтверждает эффективность такой работы. Из государственных ведомств и организаций к работе в Группе привлечены: Министерство науки, инноваций и технологий; правоохранительные органы; патентное бюро и др.

Функциональное назначение Группы включает:

- координацию стратегических действий по борьбе с контрафакцией и интеллектуальным пиратством;

- доступность актуальной информации о преступлениях, обмен наилучшими практиками противодействия;

- создание строгой системы учёта преступлений в сфере интеллектуальной собственности путём составления ежегодного отчёта о преступлениях, что позволяет проводить сбор, анализ и предоставление информации для представления о масштабах и проблемах в сфере интеллектуальной собственности;

- деятельность Группы позволяет разрабатывать модули и гибко реагировать на происходящие изменения ситуации, в соответствии с выявленными правонарушениями;

- работа Группы делает процесс консолидированного противодействия преступности в указанной сфере управляемым и контролируемым.

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни граждан. Так, Группа через представителей, вышеуказанного Бюро по охране интеллектуальной собственности, при обсуждении в парламенте Закона о цифровой экономике (2010; 2016 гг.) внесло предложение об изменении уголовно-правовых норм за правонарушения совершенных «онлайн», а именно штраф увеличить в 2 раза, то есть до 50 тыс. фунтов, а сроки лишения свободы до десяти лет. Целью являлось устранение сложившегося дисбаланса между уголовными санкциями за преступления совершенными «онлайн» и «офлайн».

В Соединенных Штатах Америки в уголовно-правовых аспектах охраны интеллектуальной собственности наблюдаются как общемировые тенденции, так и сформировавшиеся национальные особенности в законодательстве, квалификации преступлений и практике применения уголовно-правовых норм. О важности охраны интеллектуальной собственности свидетельствует тот факт, что она входит отдельным положением в Стратегию национальной безопасности США. Как отмечает С. Н. Титов [12, с. 48], при разработке законодательства в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности большинство стран мира ориентируются на США.

Уголовно-правовая политика США в сфере охраны интеллектуальной собственности отражена в ряде нормативных актов. Уголовная ответственность за нарушение авторских прав предусмотрена Законом об авторском праве (1976). За умышленное нарушение авторских прав

с целью коммерческой выгоды или финансовой прибыли предусматривается уголовное наказание в виде штрафных санкций или лишение свободы до десяти лет, или оба наказания. Закон о тяжких преступлениях в области авторского права (1992) ввёл уголовные наказания за массовое пиратство всех типов произведений, защищённых авторским правом (включая компьютерные программы) [8].

Закон о защите интеллектуальной собственности и поправках к судам (2004) расширил перечень уголовно наказуемых преступлений с целью криминализировать торговлю контрафактными произведениями («онлайн»), защищёнными авторским правом. В Своде законов США, законодательные акты расположены в тематическом порядке, к рассматриваемой теме относятся раздел 15 — «Коммерция и торговля», раздел 17 — «Авторское право», раздел 18 — «Преступления и уголовный процесс» («Преступное нарушение авторских прав»), раздел 35 — «Патенты». Преступления против интеллектуальной собственности помещены в главы «Хищение» и «Преступления против собственности», что подчёркивает их экономический характер [16].

Следует отметить, что в законодательстве США уголовная ответственность предусмотрена за действия лица, которое контролирует нарушителя. Важно отметить, что Законодательство США не исключает уголовной ответственности и потребителя за нарушение исключительных прав, если лицо, использующее охраняемый объект для личных целей, было осведомлено, что оно приобретено без согласия правообладателя.

Масштабные и целенаправленные операции правоохранительных органов США по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафакцией начались с 2000-х годов. США «озвучили» государствам-торговым партнерам намерение беспощадно бороться с интеллектуальным пиратством и контрабандой контрафактной продукции, наносящим огромный ущерб бизнесу и национальной экономике. В первую очередь требования к наведению «закона и порядка» относились к государствам-соседям Латино-Карибской Америки.

В это же время в США был создан Национальный координационный центр по охране прав интеллектуальной собственности (далее — Центр), действующий по настоящее время. Центр функционирует как целевая группа, в которую входят

представители 19-ти федеральных ведомств США: Министерство торговли США, Ведомство США по патентным и товарным знакам, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США, Управление по международному обеспечению прав интеллектуальной собственности, Федеральное бюро расследований (ФБР) и др., а также представители 4-х международных организаций (Интерпол и др.). Центр работает под эгидой следственного сектора иммиграционной и таможенной полиции США (федеральное правоохранительное агентство при Министерстве внутренней безопасности США), что, усиливает практическую результативность его деятельности. Таким образом, Центр создает синергетический эффект координационной деятельности по противодействию преступлениям в сфере интеллектуальной собственности.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

1. Законодательство США и Великобритании относится к англо-саксонской правовой системе, традицией которого выступает наличие статутного и прецедентного права. Отсутствует единый кодифицированный закон (кодекс), в котором систематизированы правовые нормы в области интеллектуальной собственности. По сложившимся традициям охрана интеллектуальной собственности в законодательстве США и Великобритании относятся к экономической сфере, что подчеркивает ее прагматичный характер и финансовую заинтересованность правообладателя.

2. В российском уголовном законодательстве ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» относится к Гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека», делая акцент на свободе самореализации, а не на социально-экономической природе интеллектуальной собственности, что вызывает затруднения в правоприменительной практике. Представляется, что логичнее указанную статью закрепить в Гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» [7, с. 91–92].

3. Разработка на государственном уровне документа Стратегического противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности является важным шагом повышения эффективности в указанной области. Проведенный анализ опыта работы Национального координационного центра (США) и Группы (Велико-

британия) показывает, что организация их деятельности, на основе комплексного подхода, позволяет консолидировать усилия нескольких государственных ведомств, коммерческих организаций, обладать полнотой и своевременностью информацией, проводить глубокий анализ, не дублировать функции. Усиливается поддержка со стороны гражданского общества, просветительская работа направлена на укрепление связей сотрудничества между правоохранительными органами и гражданским обществом, путем сообщения гражданами о случаях торговли контрафактными товарами и др.

4. В сфере охраны интеллектуальной собственности наблюдаются как общемировые тенденции, так и сформировавшиеся национальные особенности в законодательстве, квалификации преступлений и практике применения уголовно-правовых норм. Анализ опыта США и Великобритании рассмотрен на фоне стран Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона, что фокусирует внимание на транснациональном характере преступности и наиболее успешных стратегиях противодействия правоохранительных структур, имеющих консолидированную поддержку со стороны государства и общества.

Литература

1. Дунаева О. Н., Гайкин В. А. Приоритетные направления стратегического развития и инновационного потенциала Республики Корея в интеграции экономики, образования и культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 98–107.
2. Калмырза Ф. М., Алаева Г. Т., Аралбаева А. А., Исмагулов К. И. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: ответственность правоприменительная практика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2025. Т. 80. № 1. С. 164–174. DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_164
3. Карпухина А. Д. Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 30–37. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-30-37
4. Кафтулина Ю. А., Горшкова М. А. Страны БРИКС на мировом рынке объектов интеллектуальной собственности // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. № 1 (65). С. 21. — URL: <https://eee-region.ru/article/6521/> DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-21
5. Кириллов С. И., Кочеткова М. Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Великобритании и Соединенных Штатов Америки в сфере защиты авторских прав в сети интернет // Право: история и современность. 2017. № 1. С. 67–76.
6. Космачев С. В., Иванова С. И. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности (на примере Бразилии и Португалии) // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 119–128. DOI: 10.24412/2075-7913-2025-4(100)-119-128
7. Космачев С. В. Особенности объекта преступления в области защиты авторских прав в условиях цифровизации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. 3 4 (74). С. 86–93.
8. Мелконян Г. Е. Формы защиты интеллектуальной собственности в США // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94–4. С. 118–121. DOI: 10.18411/trnio-02-2023-214
10. Наумов А. В. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 30–36. DOI: 10.12737/jfcl.2022.046
11. Николаев А. М. Деятельность таможенных органов КНР по защите прав интеллектуальной собственности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (80). С. 98–107. DOI 10.17238/ISSN1815-0683.2017.3.98
12. Салимов Р. И., Волков Ю. А., Винокуров А. А. Международный опыт развития рынка интеллектуальной собственности: интеллектуальная собственность и национальный рост экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2. № 3. С. 148–151.
13. Титов С. Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в странах Запада // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 41–53. DOI: 10.12737/jzsp.2023.021
14. Титов С. Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности как составная часть обеспечения национальной безопасности // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2024. № 4. С. 187–191.
15. Торопыгин О. Ю. Уголовное законодательство зарубежных государств по охране объектов интеллектуальной собственности (сравнительно-право-

вое исследование) // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 213–225.

16. Фриман А. Политика БРИКС в сфере интеллектуальной собственности: почему она необходима и как может выглядеть // Современная мировая экономика. 2024. Т. 2. № 4. С. 124–137. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-4-124-137

17. Шумилов О. В. Некоторые институты интеллектуальной собственности по праву США // Внешнеэкономический бюллетень. 2005. № 5. С. 67–76.

18. Эль Малики А. Исследование экономического воздействия контрафакции в Марокко: краткие замечания (Материалы Восьмой сессии Постоянного комитета по защите прав ВОИС. Женева, 19–20 декабря 2012 г.). URL: www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=224164 (дата обращения: 25.04.2026).

19. Mohamed K., Wahid R. Fighting counterfeiting: Importance of enforcement of intellectual property rights // Journal of International Commercial Law and Technology. 2014. Vol. 9. No. 4. P. 251.

References

1. Dunaeva O. N., Gaikin V. A. Priority areas of strategic development and innovative potential of the Republic of Korea in the integration of economy, education and culture // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023. № 3 (473). S. 98–107.

2. Kalmyrza F. M., Alaeva G. T., Aralbaeva A. A., Ismagulov K. I. Criminal liability for illegal use of trademarks: law enforcement practice // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2025. T. 80. № 1. S. 164–174. DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_164

3. Karpukhina A. D. Historical and legal analysis of copyright protection in the UK // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3 (103). S. 30–37. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-30-37

4. Kaftulina Yu. A., Gorshkova M. A. BRICS countries in the world market of intellectual property // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2021. № 1 (65). S. 21. URL: <https://eee-region.ru/article/6521/> DOI: 10.24412/1999-2645-2021-165-21

5. Kirillov S. I., Kochetkova M. N. Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, Great Britain and the United States of America in the field of copyright protection on the Internet // Law: history and modernity. 2017. № 1. S. 67–76.

6. Kosmachev S. V., Ivanova S. I. Foreign experience in criminal law protection of intellectual property (on the example of Brazil and Portugal) // Problems of law. 2025. № 4 (100). S. 119–128. DOI: 10.24412/2075-7913-2025-4(100)-119-128

7. Kosmachev S. V. Features of the object of crime in the field of copyright protection in the context of digitalization // Legal science and law enforcement practice. 2025. 34 (74). S. 86–93.

8. Melkonyan G. E. Forms of intellectual property protection in the USA // Trends in the development of science and education. 2023. № 94–4. S. 118–121. DOI: 10.18411/trnio-02-2023-214

9. Naumov A. V. On the specifics of the content and orientation of the comparative legal method of the science of criminal law in modern conditions // Journal of foreign legislation and comparative law. 2022. T. 18. № 4. S. 30–36. DOI: 10.12737/jflcl.2022.046

10. Nikolaev A. M. Activities of the customs authorities of the PRC to protect intellectual property rights // Customs policy of Russia in the Far East. 2017. № 3 (80). S. 98–107. DOI 10.17238/ISSN1815-0683.2017.3.98

11. Salimov R. I., Volkov Yu. A., Vinokurov A. A. International experience in the development of the intellectual property market: intellectual property and national economic growth // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2019. VOL. 2. NO. 3C. 148–151.

12. Titov S. N. Criminal law protection of intellectual property in Western countries // Journal of foreign legislation and comparative law. 2023. VOL. 19. № 2. S. 41–53. DOI: 10.12737/jzsp.2023.021

13. Titov S. N. Criminal law protection of intellectual property as an integral part of ensuring national security // Main directions for improving the national security system. 2024. № 4. S. 187–191.

14. Toropygin O. Yu. Criminal legislation of foreign states on the protection of intellectual property (comparative legal study) // Issues of Russian and international law. 2016. № 3. S. 213–225.

15. Freeman A. BRICS policy in the field of intellectual property: why it is necessary and how it can look // Modern world economy. 2024. VOL. 2. № 4. S. 124–137. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-4-124-137

16. Shumilov O. V. Some institutions of intellectual property under US law // Foreign Economic Bulletin. 2005. № 5. S. 67–76.

17. El Maliki A. Study of the economic impact of counterfeiting in Morocco: brief remarks (Proceedings of the Eighth Session of the Standing Committee on the

Protection of WIPO Rights. Geneva, 19–20 December 2012). URL: www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=224164 (access date: 25.04.2026).

18. Mohamed K., Wahid R. Fighting counterfeiting: Importance of enforcement of intellectual property rights // Journal of International Commercial Law and Technology. 2014. Vol. 9. No. 4. P. 251.

Сведения об авторе

Космачев Сергей Валерьевич — генерал-лейтенант полиции, начальник ГУ МВД по Челябинской области. Заслуженный юрист Челябинской области. Челябинск.

Information about the author

Kosmachev Sergey V. — Lieutenant General of Police, Head of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-26-30

УДК 34.400

Аббасова Е. В., Васильев В. А.

ТРУД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОТНИКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ

Аннотация. Правовую защиту трудовых прав несовершеннолетних работников не всегда отличала необходимая последовательность. Правовые акты прогрессивной направленности периодически изменялись или отменялись с возвращением защиты несовершеннолетних на прежний уровень. Катализаторами законотворческой деятельности в значительной степени являлись акции протеста работников: забастовки, требования представительных органов коллективов. В настоящее время просматривается тенденция к увеличению рабочего времени. Не всегда учитываются последующие негативные последствия.

Ключевые слова: труд, трудовые права, труд несовершеннолетних, права детей, трудовые права детей

Для цитирования: Аббасова Е. В., Васильев В. А. Труд несовершеннолетних работников: история и современное видение // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 26–30. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-26-30

Abbasova E. V., Vasiliev V. A.

LABOUR OF UNDERAGE WORKERS: HISTORY AND MODERN VISION

Abstract. Legal protection of the labor rights of underage workers did not always distinguish the necessary sequence. Progressive legal acts were periodically changed or canceled with the return of juvenile protection to its previous level. The catalysts for legislative activity were largely protests of workers: strikes, demands of representative bodies of collectives. Currently, there is a tendency towards an increase in working hours. Subsequent negative consequences are not always taken into account.

Keywords: labor, labor rights, labor of minors, children's rights, labor rights of children

For citation: Abbasova E. V., Vasiliev V. A. Labor of Underage Workers: History and Modern Vision. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 26–30. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-26-30

26

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Российское законодательство о труде несовершеннолетних несёт в себе многие черты права различных периодов в жизни страны. Исторически сложилось, что не достигшим совершеннолетия предоставляли различной степени льготы при использовании их труда.

В последующем ситуация несколько изменилась.

Так, закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» предусматривал дифференцированный подход к трудоустройству, использованию труда малолетних работ-

ников. Был запрещён труд детей до 12 лет. Несовершеннолетним работникам от 12 до 15 лет сократили продолжительность рабочего дня. Не допускалось их использование в ночные смены, на работах в воскресные и праздничные дни. Запрещалось привлечение работников от 15 до 17 лет к труду с вредными и опасными условиями

Они способствовали выстраиванию диалога владельцев бизнеса с рабочими. В последующем, когда время для эффективных представительских отношений было упущено, страна была поражена не прекращающейся чередой террористических актов [2]. Особое внимание организации труда несовершеннолетних работников в России уделялось после Октябрьской революции 1917 г. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. — кодекс военного коммунизма — предусматривал обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан. Трудовая повинность не распространялась на подростков, не достигших 16 лет. Пятого марта 1979 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была ратифицирована Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 138 «О минимальном возрасте для приёма на работу» (1973 г.) Она определила, что такой возраст не может быть ниже возраста окончания обязательного школьного образования и, во всяком случае не должен быть ниже 15 лет [1].

Так, в марте 2026 г. предприниматель О. Дерипаска предложил ввести в стране рабочую неделю с 12-часовым рабочим днём — «от восьми до восьми, включая субботу» [4, с. 98]. При всей неординарности предложения, о котором идёт речь, его нельзя отнести к числу новых. Около 130 лет тому назад в России для взрослых рабочих была установлена максимальная продолжительность рабочего дня — одиннадцать с половиной часов. Это предусматривалось законом от 2 июня 1897 года «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности».

После прихода к власти большевиков 25 октября 1917 г. был принят декрет Совета народных комиссаров о 8-часовом рабочем дне. Предложение об увеличении рабочего времени не согласуется с первоочередной задачей — сбережением людских ресурсов. В настоящее время в стране умирает россиян больше, чем рождается. По данным Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) в России до 2036 года ожи-

дается дальнейшее сокращение рождаемости и рост доли старшего поколения [4]. На публичных обсуждениях предложения, о котором идёт речь, одним из доводов о необходимости его отклонения является: «Наши деды отвоевали 8-часовой рабочий день, а мы своим детям можем оставить 12-часовую рабочую смену».

Выходом из сложившейся ситуации может быть приобретение и использование работодателями современной техники и технологий. Недостатком правового регулирования трудовых отношений с несовершеннолетними работниками является отсутствие эффективной системы представительства их интересов в том числе в решении управленческих вопросов. В условиях, когда в стране около 7 миллионов подростков от 14 до 18 лет, вопрос о представительстве их интересов при трудоустройстве, осуществлении трудовых функций не может не быть актуальным. Как показывает зарубежный опыт привлечение работников к управлению производством проявило себя положительно [1, с. 51].

Более 120 лет в России представительство интересов работников в основном осуществляется профсоюзами. В 1905 г. в стране насчитывалось более сотни созданных ими объединений. В тот период «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемые для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий», принятые в России в 1909 году, исключали объединение работников, а также работодателей и их представителей в одних организациях [3, с. 4]. В настоящее время ситуация изменилась. В одной профсоюзной организации наряду с рядовыми работниками могут быть представители менеджмента. Конвенция МОТ № 98 «О применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров» от 28 июня 1951 г. не предусматривает создание общих профсоюзов. В ней речь идёт о том, что организации работников и работодателей пользуются надлежащей защитой против любых актов вмешательства со стороны друг друга. В условиях названной общности профсоюзов, сокращения защитных функций органов местного самоуправления, о чем будет сказано позже, защита трудовых прав несовершеннолетних нуждается в использовании дополнительных мер. Речь идёт о расширении практики создания в организациях молодёжных представительных органов. Такие общественные

формирования создаются, как правило, на крупных промышленных предприятиях. Они участвуют в решении социально значимых вопросов в сфере труда и быта. На Челябинском металлургическом комбинате (ОАО «Мечел») по инициативе Совета молодёжи в коллективном договоре закреплено право призывников на получение денежных выплат при призыве на воинскую службу. За ними сохраняется рабочее место после демобилизации. На это предприятие ежегодно поступают на работу более 200 демобилизованных военнослужащих, в основном бывших работников.

Молодёжные советы созданы на Челябинских механическом и кузнечно-прессовом заводах, Магнитогорском металлургическом комбинате. Анализ деятельности названных органов свидетельствует о перспективности их правозащитной деятельности, участия в управлении организациями. Вместе с тем практика свидетельствует, что в работе, о которой идёт речь, не следует ограничиваться сложившимися стереотипами, без учёта современных реалий. Правительством РФ 17 ноября 2023 г. принято Распоряжение № 3233-р «О плане мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в РФ на период до 2030 г.» К числу поставленных задач относится ориентация на «содействие трудовой и предпринимательской деятельности несовершеннолетних» и «выявление и внедрение лучших практик в сфере адресной поддержки семей с детьми...» (п. 2, 24).

Представительство несовершеннолетних работников способствовало бы реализации названных мероприятий при вовлечении в эту деятельность. В настоящее время ему уделяется недостаточное внимание. Более того, прослеживается тенденция к его сокращению. Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 259-ФЗ внесены изменения в ст. 63 Трудового кодекса (ТК РФ). Определено, что для трудоустройства подростков, достигших 14 лет, согласие органов опеки и попечительства больше не требуется. Достаточно в этих случаях согласия родителей. Возобладала точка зрения, в соответствии с которой трудоустройство несовершеннолетних — это семейное дело, с чем трудно согласиться. Каким быть подрастающему поколению завтра — это и забота государства.

Органы опеки и попечительства, не давая согласия на трудоустройство подрост-

ка, одновременно через службу занятости могли помочь ему в трудоустройстве с учётом не только его здоровья, но и способностей, интересов.

Молодежные советы в организациях при наделении их необходимыми полномочиями в уставных документах могли бы активно способствовать стабильности кадров — тех, кто начинает трудовую деятельность. Правовое положение молодёжных представительных органов в российских организациях, как правило, достаточно конкретно не определено. По сути, не исполняется Федеральный закон от 14 апреля 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», предусматривающий наличие у них уставных документов с определением конкретных прав и обязанностей общественных формирований, порядка урегулирования возникающих в ходе сотрудничества с администрацией разногласий. К полномочиям общественных формирований, о которых идёт речь, следует также отнести осуществление контроля за соблюдением правовых норм, регулирующих труд несовершеннолетних работников, решение вопросов, связанных с предоставлением мест в общежитиях, выдачей кредитов на жильё и другие.

В настоящее время практикуется использование несовершеннолетних на несложных, сравнительно неплохо оплачиваемых работах, например, по доставке продуктов. По достижении совершеннолетия, или несколько позже они чаще всего увольняются в связи с непереносимостью трудовой деятельности. Не имея другой востребованной специальности, они нередко пополняют безработных. Актуально предупреждение таких увольнений, организуя их переобучение, чему могли бы способствовать Молодежные советы.

Стимулирование молодых работников к добросовестному исполнению обязанностей в общественной жизни является одной из задач государственной политики. Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». Период с 2018 по 2027 объявлены Десятилетием детства (раздел II, п. 6). Важна ориентация общественных молодёжных организаций как на решение производственных, так и бытовых вопросов. Например, многие спортивные комплексы переданы структурам, которые

на коммерческой основе осуществляют оздоровление населения. Подростки, особенно из многодетных семей, лишены возможности заниматься спортом из-за финансовых трудностей. Иногда условием сдачи спорткомплексов в аренду является возложение на арендаторов обязанностей оказания спортивных услуг работникам организаций, школьникам на безвозмездной основе. Но, во-первых, количество их строго ограничено. Во-вторых, время спортивных занятий часто совпадает со временем обучения в школе, что исключает тренировки. Общественная деятель-

ность, о которой идёт речь, не стала массовой. Многие из тех, кто делает первые шаги в сфере труда, не могут рассчитывать на регулярную поддержку представителей менеджмента. Забота о несовершеннолетних работниках, а также, как отмечают учёные, поддержка семей с детьми, по-прежнему не встроена в сердцевину экономического механизма — воспроизводство населения выведено за рамки интересов экономики при видимом декларировании всей значимости материнства, отцовства и детства [2, с. 51].

Литература

1. Васильев В. А., Аббасова Е. В., Аббасов П. Р. Труд несовершеннолетних работников: традиции и новации. Сб. ЮТУ. 2023. № 23 (39). С. 54–56.
2. Васильев В. А., Аббасова Е. В., Аббасов П. Р. Времена и право: развитие представительства в управлении организациями // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24, № 3. С. 51–55.
3. Ильченко С. В. Исследование зарубежного опыта мотивации трудовой деятельности персонала // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 1 (21). С. 4–10.
4. Лаврентьева И. В., Черненко А. Ф., Владыкина Л. Б., Руденко Д. С. Родительский труд как основа воспроизводства человеческих ресурсов в национальной экономике // Вестник ЧелГУ. 2021. № 6 (452). Серия «Экономические науки». Вып. 73. С. 97–104.
5. Стариков Н. В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2012. С. 54–63.

References

1. Vasiliev V. A., Abbasova E. V., Abbasov P. R. Labor of underage workers: traditions and innovations. Sat. YUTU. 2023. № 23 (39). S. 54–56.
2. Vasiliev V. A., Abbasova E. V., Abbasov P. R. Times and law: development of representation in the management of organizations//Bulletin of SUSU. "Right" series. 2024. VOL. 24. № 3. S. 51–55.
3. Ilchenko S. V. Study of foreign experience of staff motivation//Business and revue design. 2021. № 1 (21). S. 4–10.
4. Lavrentieva I. V., Chernenko A. F., Vladykina L. B., Rudenko D. S. Parental labor as the basis for the reproduction of human resources in the national economy//Bulletin of ChelS U. 2021. № 6 (452). "Economic Sciences" series. No. 73. S. 97–104.
5. Starikov N. V. Who finances the collapse of Russia? From the Decembrists to the Mujahideen. St. Petersburg: Peter, 2012. S. 54–63.

Сведения об авторах

Аббасова Е. В. — кандидат юридических наук, доцент Челябинского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинск. E-mail: vaslena@mail.ru

Васильев В. А. — кандидат юридических наук, доцент Южноуральского технологического университета, заслуженный юрист РФ, Челябинск. E-mail: vaslena@mail.ru

Information about the authors

Abbasova E.V. — Candidate of Law, Associate Professor of the Chelyabinsk Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: vaslena@mail.ru

Vasiliev V.A. — Candidate of Law, Associate Professor of the South Ural Technological University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: vaslena@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Гайдуков И. Ю.

ИНСТИТУТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, МЕТОД И МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА И НАУКЕ

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что к настоящему времени сложился институт цифровых технологий в прокурорской деятельности. На основе концепции содержательного компонента институционализации и анализа динамики ведомственного правотворчества показано, что совокупность правовых норм, регулирующих разработку, применение, обеспечение работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, приобрела все признаки правового института. Определены предмет и метод правового регулирования данного института, обосновано его место в системе права в качестве института отрасли прокурорского права, дан прогноз о скором формировании правовой базы для включения внешнефункциональной сферы прокурорской деятельности в его предмет правового регулирования. Дана полная классификационная характеристика института: по объему регулируемых отношений, предметно-отраслевому признаку, способу регулирования, структуре, функциональной роли и форме закрепления норм. Сформулировано понятие корреспондирующего указанному институту института науки о прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорская деятельность; прокурорское право; цифровые технологии; правовой институт; предмет правового регулирования; метод правового регулирования; институт цифровых технологий

Для цитирования: Гайдуков И. Ю. Институт цифровых технологий в прокурорской деятельности: понятие, предмет, метод и место в системе права и науке // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 31–39. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-31-39

Gaydukov I. Yu.

INSTITUTE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PROSECUTORIAL ACTIVITY: CONCEPT, SUBJECT, METHOD AND PLACE IN THE SYSTEM OF LAW AND SCIENCE

Abstract. The article substantiates the conclusion that the institute of digital technologies in prosecutorial activity has been formed by now. Based on the substantive-component concept of institutionalization and the analysis of the dynamics of departmental rule-making, it is shown that the set of legal norms governing the development, application, operability and safe operation of digital technologies in the bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation has acquired all the features of a legal institute. The subject and the method of legal regulation of this institute are defined, and its place in the system of law as an institute of the branch of prosecutorial law is substantiated, and a forecast is given that a legal framework for including the external functional sphere of prosecutorial activity in its subject of legal

31

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

regulation will be formed in the near future. A complete classification characteristic of the institute is given: by the scope of regulated relations, the subject-branch criterion, the method of regulation, the structure, the functional role and the form of consolidation of norms. The concept of the institute of the science of prosecutorial activity corresponding to the said institute is formulated.

Keywords: prosecutor's office; prosecutorial activity; prosecutorial law; digital technologies; legal institute; subject of legal regulation; method of legal regulation; institute of digital technologies.

For citation: Gaydukov I. Yu. Institute of Digital Technologies in Prosecutorial Activity: Concept, Subject, Method and Place in the System of Law and Science. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 31–39. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-31-39

В настоящее время наблюдается активное формирование новых правоотношений в сфере цифровых технологий в деятельности прокуратуры Российской Федерации, что неизбежно влечет увеличение количества правовых норм, регулирующих данные отношения. При этом экстенсивный рост норм права без их научного осмысления и создания соответствующей системы ведет к хаосу как в теории права, так и в законодательстве, влечет за собой проблемы в сфере совершенствования правового регулирования и правоприменения.

По мнению Е. А. Киримовой, «эффективность правового регулирования общественных отношений достигается не только посредством совершенствования законодательства, но и за счет усиления взаимодействия структурных элементов системы права, ее совершенствования, находящейся в зависимости от удачной структуры взаимодействующих элементов, и, в частности, правовых институтов» [1, с. 29]. Как справедливо отмечает О. В. Танимов, «всю сложную систему общественных взаимосвязей можно постигнуть лишь при помощи диалектики» [2, с. 11]. В данном случае применим диалектический закон перехода количественных изменений в качественные, сформулированный Ф. Энгельсом, согласно которому «в известных точках количественного изменения внезапно наступает качественное превращение» [3, с. 125].

Количественный рост правовых актов в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности позволяет выдвинуть тезис о фактически сложившейся институционализации правового регулирования таких правоотношений как результате диалектического качественного изменения. Для проверки данного тезиса необходимо обратиться к теоретическим положениям о правовом институте и определить достаточность совокупности норм, регулирую-

щих данные общественные отношения, для отнесения их к отдельному правовому институту.

В теории права под правовым институтом понимается сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений [4, с. 150].

Е. А. Джалилова определяет правовой институт как единую структурно взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также связанные общим законодательным замыслом [5, с. 23].

Е. А. Киримова характеризует рассматриваемое явление через такие признаки, как относительная самостоятельность, специфичность способа правового регулирования, наличие или принципиальная возможность формирования общих понятий в рамках видовых явлений [1, с. 67].

В зависимости от критерия институционализации правовых норм в науке сформировалось два подхода — концепции формализации и содержательного компонента. Если в первой концепции таким критерием является форма (например, федеральный закон, устанавливающий правовые предписания в отдельной сфере правоотношений) и первичными представляются действия законодательного органа по отношению к теории, то при втором подходе создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя: они формируются и развиваются параллельно с нормативными правовыми актами, в отдельных случаях определяя их структурные особенности [5, с. 26]. Таким образом, в соответствии с концепцией содержательного компонента первичным для выделения правового института является сам факт регулирования правовыми нормами однородных общественных отношений, а при-

ведение указанных норм в систематизированный правовой акт представляет собой реакцию государства на сложившуюся в науке и обществе потребность в придании правовому институту формы, то есть форма для правового института вторична.

Нами полностью разделяется концепция содержательного компонента; тем не менее наличие более одной нормы права, регламентирующей однородные общественные отношения, является обязательным условием для правового института, так как институционализация представляет собой своеобразный метод систематизации, предполагающий наличие определенной совокупности элементов, отличной от единицы. Такого же мнения придерживается А. В. Курочкин, который отмечает в качестве негативной проявившуюся в работах некоторых ученых тенденцию к признанию институтами даже таких правовых явлений, которые вовсе не получили четкого правового закрепления [6, с. 66].

История правового регулирования рассматриваемых общественных отношений берет свое начало в 1973 г. с изданием руководящих документов высшего руководства СССР о проведении научных исследований возможности применения цифровых технологий в прокурорской деятельности и связана с разработкой Технического задания на разработку отраслевой автоматизированной системы управления «ОАСУ — прокуратура», утвержденного в 1975 г. (далее — Техническое задание 1975 г.) [7]. Несмотря на концептуальный характер данного документа, в период его реализации (1973–1984 гг.) массового правового регулирования проблемы указанной сферы общественных отношений не получили. Впоследствии, с отказом от реализации Технического задания 1975 г., вопросы правового регулирования длительное время оставались практически без внимания, а ведомственные правовые акты носили несистемный характер до утверждения в 2017 г. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (далее — Концепция до 2025 года)¹. Имевшиеся правовые акты в своей совокупности нельзя было рассматривать в качестве отдельного правового

института, поскольку они регулировали разрозненные аспекты деятельности прокуратуры и не имели общности предмета и метода.

С принятием названной Концепции количество норм права, связанных с рассматриваемым явлением, существенно возросло: если в период с 1992 по 2016 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации издано чуть более 30 правовых актов в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности, то с 2017 по 2025 г. — более 200 актов, регулирующих различные стороны рассматриваемых отношений. Организационно-распорядительные документы, направленные на регулирование отношений в сфере цифровизации, издаются как в Генеральной прокуратуре РФ, так и в прокуратурах регионального звена, происходит структурирование данного направления. Таким образом, рассматриваемый институт формально определился лишь в 2017 г., что связано с возвратом к концептуальному способу регулирования общественных отношений.

Примечательно, что само применение цифровых технологий началось значительно раньше, что еще раз подтверждает первичность общественных отношений перед их правовым регулированием и тем более систематизацией.

Из изложенного следует, что общественные отношения в сфере цифровых технологий в прокурорской деятельности фактически сложились, а отдельные их стороны урегулированы существенным объемом правовых норм, что позволяет рассматривать вопрос об их институционализации.

При этом необходимо разделять понятия института в науке и законодательстве. Основой института права в законодательстве являются правовые нормы. Вместе с тем в правовой науке конкретный правовой институт представляет собой более комплексное явление и состоит из терминологической основы, теоретических положений о целях и задачах, объекте, предмете и методе правового регулирования, классификаций и других элементов, необходимости в законодательном определении которых отсутствует, а также из системы взглядов, идей и представлений о законах, регламентирующих отношения в рассматриваемой области, о его социальной обусловленности и эффективности, о закономерностях, реформировании и тенденциях развития законодательства, о принципах, истории и перспективах раз-

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. — 2017. — № 12.

вития. В этом ключе примечательна позиция А. Ф. Малого и С. О. Логуновой, согласно которой если институт законодательства сфокусирован на форме выражения совокупности правовых норм, то институт права — на их содержании [8, с. 93–94].

Говоря о месте указанного правового института в системе юридических наук, можно заключить, что он входит в структуру науки о прокурорской деятельности, которая в настоящее время является направлением исследований в системе публично-правовых (государственно-правовых) наук. В качестве самостоятельной отрасли юридической науки прокурорскую деятельность выделяет К. Н. Голиков [9, с. 11]. А. Ю. Винокуров, формулируя теоретическое обоснование науки о прокурорской деятельности, отмечал, что она состоит из шести блоков: теория организации работы в прокуратуре Российской Федерации; теория управления в прокуратуре Российской Федерации; теория функций и иных направлений деятельности, осуществляемых органами прокуратуры; теория компетенций и полномочий прокуроров; история формирования и развития прокурорской деятельности в России и науки о ней; теория организации и осуществления прокурорской деятельности в зарубежных странах [10, с. 129].

Принимая во внимание характер общественных отношений, связанный с совершением собственноручной деятельности прокуратуры, а также субъектный состав участников правового регулирования, преимущественно состоящий из органов, организаций прокуратуры и прокурорских работников, рассматриваемый институт в настоящее время носит внутрифункциональный (внутриотраслевой) характер и может быть отнесен к теории организации работы в прокуратуре.

Вместе с тем цифровые технологии активно используются органами прокуратуры и во внешнефункциональной деятельности, однако эта практическая сторона деятельности пока не получила широкого нормативного закрепления (на уровне федерального законодательства к рассматриваемой категории можно отнести только п. 4 и 5 ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», вступающие в силу с 1 января 2027 г.), в связи с чем не может рассматриваться в качестве составляющей правового института. Представляется, что применение цифровых технологий во внешнефункциональной деятельности прокуратуры в скором времени

получит нормативное закрепление, в связи с чем встанет вопрос о его институционализации.

С учетом исторического многообразия правовых актов и научных изысканий проблемы становления и развития цифровых технологий в прокурорской деятельности уже сейчас могут изучаться в рамках истории формирования и развития прокурорской деятельности в России и науки о ней, а зарубежный опыт — в рамках теории организации и осуществления прокурорской деятельности в зарубежных странах. Таким образом, институт цифровых технологий в деятельности прокуратуры России является институтом науки о прокурорской деятельности и разделом нескольких ее блоков, что подтверждает его комплексный характер.

Для дальнейшего рассмотрения признаков институционализации правоотношений в сфере цифровизации прокуратуры необходимо выявить такие элементы правового института, как предмет и объект правового регулирования. Предмет правового регулирования — это та сфера общественных отношений, на которую распространяется право: «это не предмет в смысле вещи или личности человека, или действия, это отношения людей по поводу вещей, лиц и действий» [11, с. 27]. Структуру предмета правового регулирования составляют субъекты, объекты правового регулирования, социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений, а также практическая деятельность людей [1, с. 11]. Объект правового регулирования является структурным элементом предмета — это предметы, явления окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес [1, с. 71]. Как справедливо отмечает Е. В. Свинин, одним из основных факторов, определяющих предмет правового института, является однородность регулируемых общественных отношений [12, с. 126].

Однородными в структуре общественных отношений в рассматриваемой сфере являются специальные субъекты — органы и организации прокуратуры, а также их работники, и объект — цифровые технологии, а также их взаимосвязь при осуществлении прокуратурой России своей деятельности. Анализ правовых норм, регулирующих данные общественные отношения, показывает, что их можно подразделить на нормы, регулирующие разработку и внедрение цифро-

вых технологий (например, Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года)², применение уже разработанных и внедренных технологических решений (например, приказ Генерального прокурора РФ от 30.09.2024 № 712 об использовании автоматизированного информационного комплекса «Надзор-WEB»³), обеспечение работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий (относится к вспомогательной сфере деятельности прокуратуры. Например, отдельные положения приказа Генерального прокурора РФ от 27.11.2019 № 830 по вопросам информационной безопасности и инженерно-технической защищенности⁴), а также нормы, регулирующие иные отношения, связанные с цифровой трансформацией (например, организационного характера — Положение о Главном управлении правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ).

Учитывая изложенное, под предметом правового регулирования рассматриваемого института предлагается понимать нормативно регулируемые общественные отношения, складывающиеся при разработке и внедрении, применении, обеспечении работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий в деятельности органов, организаций прокуратуры Российской Федерации и их работников, а также непосредственно связанные с ними отношения.

Вместе с тем согласно положениям правовой науки определить предмет правового регулирования недостаточно, чтобы выделить сферу общественных отношений в правовой институт. Как отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, в основе деления права на институты лежат два критерия — предмет и метод правового регули-

рования: «предмет является главным, материальным критерием разграничения норм права по отраслям, поскольку он имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений и не зависит в принципе от воли законодателя. Метод же служит дополнительным, юридическим критерием, так как произведен от предмета» [4, с. 152]. При этом для определения метода правового регулирования необходимо установить место института цифровых технологий в деятельности прокуратуры в системе права, так как, согласно позиции О. С. Иоффе, под методом как критерием разграничения понимается специфический способ применения общетраслевого метода к регулируемому виду общественных отношений [13, с. 58].

Несмотря на наличие споров в научном сообществе, в настоящее время, по мнению многих исследователей, правовые нормы о прокурорской деятельности выделяются в отдельную отрасль права, однако дискуссионными остаются предмет правового регулирования данной отрасли и, как следствие, ее наименование. Так, В. Г. Даев и М. Н. Маршуннов именovali данную отрасль прокурорско-надзорным правом [14, с. 54]; аналогичный вывод ввиду особого специфического механизма реализации прокуратурой полномочий делал В. И. Рохлин [15, с. 7]. По мнению А. Ф. Смирнова и А. А. Усачева, «многообразие отраслей права, регламентирующих деятельность прокуратуры, установление в законе предмета ее деятельности и определенного круга субъектов создают некий синергетический эффект и позволяют сформулировать утверждение о существовании самостоятельного прокурорского или прокурорско-надзорного права» [16, с. 26]. Е. Р. Ергашев обосновал наличие отрасли прокурорского надзорно-охранительного права, нормы которой находятся в различных нормативных правовых актах, относящихся к множеству отраслей права, однако имеют свои особенные предмет и метод правового регулирования и, следовательно, составляют единую совокупность, особую автономную ветвь, звено права, отличающееся от любой другой совокупности» [17, с. 26]. В. Ю. Шобухин выделял прокурорское право, которое «представляет собой совокупность юридических норм, институтов, регулирующих статус прокуратуры и прокурорских работников, а равно общественные отношения, возникающие при осуществлении функций про-

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Законность. — 2025. — № 11.

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.09.2024 № 712 «Об использовании автоматизированного информационного комплекса „Надзор-WEB“ в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // ИСОП (дата обращения: 15.03.2026).

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Законность. — 2020. — № 1.

кураторы», относя к предмету правового регулирования отрасли и отношения внутриорганизационного характера [18, с. 44]. О выделении прокурорского права в качестве самостоятельной отрасли высказывался и А. Ю. Винокуров [19, с. 84]. Данную позицию в разное время разделяли В. И. Батюк, Ю. Е. Винокуров, В. К. Галузо, В. К. Звирбуль, В. Ф. Крюков, Н. В. Ласкина, В. Д. Ломовский, В. Г. Мелкумов, В. С. Тадевосян и другие ученые.

Вместе с тем указанная позиция разделяется не всеми. Против выделения соответствующей отрасли выступали С. С. Алексеев [20, с. 101] и А. Ф. Козлов [21, с. 45], отмечавшие неоднородность правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся при осуществлении прокурорской деятельности, а также тот факт, что нормы, регулирующие прокурорскую деятельность, относятся к различным отраслям права. О. В. Воронин указывает, что прокурорский надзор, во-первых, «не обладает самостоятельным предметом и методом правового регулирования», поскольку общественные отношения, составляющие его предмет, в действительности принадлежат другим отраслям права, а во-вторых, признание прокурорского надзора самостоятельной отраслью права «является искусственным», так как в его основу кладется только одна сторона деятельности прокуратуры — надзор — при игнорировании других аспектов и направлений прокурорской деятельности [22, с. 43].

По нашему мнению, с опорой на приведенные исследования ученых, правовые нормы о прокурорской деятельности имеют признаки однородности, поскольку в своей основе регламентируют деятельность органов, организаций и должностных лиц прокуратуры Российской Федерации, имеют свои научно обоснованные предмет и особый метод правового регулирования, который, например, по мнению Е. Р. Ергашева, представляет собой «тот юридический инструментарий, посредством которого прокуратура оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений» [17, с. 23]. Второй аргумент О. В. Воронина, на наш взгляд, вовсе не опровергает выделение указанной отрасли права, а, напротив, лишь указывает на необходимость включения в нее не только правовых норм о надзорной деятельности прокуратуры, но и норм об иных функциях и направлениях деятельности, а также норм, регулиру-

ющих внутрифункциональную и вспомогательную деятельность.

Таким образом, мы придерживаемся позиции о самостоятельности отрасли прокурорского права, включающего в себя нормы, регулирующие функции и иные направления деятельности, а также внутриорганизационные отношения прокуратуры Российской Федерации. С учетом изложенного общественные отношения, связанные с цифровыми технологиями в деятельности органов и организаций прокуратуры, в настоящее время могут иметь институциональное значение именно в рамках прокурорского права, при этом в будущем, при совершенствовании, например, уголовно-процессуального законодательства, связанного с осуществлением прокурорами надзорной функции и функции уголовного преследования, могут приобрести внутриотраслевой смешанный характер.

Как отмечает В. Ю. Шобухин, главенствующее место в системе методов прокурорского права занимает императивный метод, однако применяются и другие методы — диспозитивный, метод поощрения и наказания, дозволения, запрета, предписания [18, с. 45]. С учетом специфики организации прокуратуры России на основе подчинения нижестоящего прокурора вышестоящему и Генеральному прокурору РФ, а также принимая во внимание позицию Н. И. Матузова и А. В. Малько, можно выделить метод субординации и властного приказа, позволяющий эффективно регулировать управленческую, служебную, оперативную и иную деятельность государственных органов и должностных лиц [4, с. 154]. Указанный метод является основополагающим в правовой регламентации института цифровых технологий в прокурорской деятельности: наибольшее количество правовых актов в рамках данного института носят ведомственный характер и реализованы в форме приказов и указаний Генерального прокурора РФ, Главного военного прокурора и прокуроров регионального звена. Регулирование правоотношений преимущественно посредством ведомственных правовых актов в прокурорском праве отмечает и В. Ю. Шобухин [18, с. 43].

В рамках рассматриваемого института применяются также методы запрета, дозволения, предписания и наказания. Характерным примером применения метода запрета являются п. 5.7 Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информа-

ционных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации, согласно которому «передача личных паролей пользователем запрещена», и п. 12.2, устанавливающий для пользователя перечень запретов⁵. За нарушение указанных требований установлена дисциплинарная (ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 192 Трудового кодекса РФ), гражданско-правовая (глава 59 Гражданского кодекса РФ) и уголовная (глава 28 Уголовного кодекса РФ) ответственность, что является примером метода наказания (санкции). Примером методов дозволения и предписания служит раздел 12 названной Инструкции «Обязанности и права пользователя». Таким образом, совокупность правовых норм в сфере регулирования общественных отношений, связанных с цифровыми технологиями в прокурорской деятельности, обладает всеми признаками правового института в системе права.

Изложенное позволяет охарактеризовать указанный институт с точки зрения сложившейся в науке классификации, взяв за основу классификационные признаки, предложенные Е. А. Киримовой [1]. По объему регулируемых общественных отношений рассматриваемый институт является специальным, так как касается не всех видов общественных отношений, присущих прокурорскому праву, а лишь связанных с цифровыми технологиями. По предметно-отраслевому признаку институт в настоящее время, с учетом внутрифункциональной и вспомогательной направленности, является строго отраслевым, однако в будущем неизбежно появление совокупности нормативных правовых актов, регулирующих применение цифровых технологий при реализации возложенных на прокуратуру функций и на иных участках внешнефункциональной деятельности, что приведет к оказанию влияния на данный институт иных отраслей права, в том числе уголовно-процессуального, и позволит говорить о его внутриотраслевом смешанном характере. По способу регулирования общественных отношений институт имеет признаки как материального (например, нормы Концепции цифровой трансформации до 2030 года), так и процессуаль-

но-процедурного института (например, отдельные нормы Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации⁶).

Изложенное также позволяет отнести институт по своей структуре к категории сложных (комплексных, составных), что предполагает его подразделение на подинституты (субинституты). По функциональной роли в правовом регулировании общественных отношений институт имеет признаки как учредительного, так и регулятивного; по форме закрепления относится к институтам, нормы которых изложены в нескольких нормативных актах.

Изложенное позволяет на основе проведенного анализа сделать следующие выводы.

К настоящему времени сложился институт цифровых технологий в прокурорской деятельности — институт отрасли прокурорского права, под которым предлагается понимать совокупность правовых норм, объединенных общим предметом и методом правового регулирования и регулирующих общественные отношения в сфере разработки, применения, обеспечения работоспособности и безопасной эксплуатации цифровых технологий во внутрифункциональной и вспомогательной деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и их работников, а также непосредственно связанные с ними отношения. Основопологающим методом правового регулирования выступает императивный метод субординации и властного приказа, дополняемый методами запрета, дозволения, предписания и наказания.

Во внешнефункциональной же деятельности прокуратуры рассматриваемый институт в настоящее время только складывается: применение цифровых технологий на данном направлении пока не получило широкого нормативного закрепления, в связи с чем его институционализация ожидается в будущем.

По объему регулируемых отношений данный институт является специальным; по предметно-отраслевому признаку — отраслевым с тенденцией к преобразованию во внутриотраслевой смешанный; сочетает признаки материального и процессуально-процедурного, учредительного и регулятивного института; по структуре является

⁵ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24.11.2021 № 701 «Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // ИСОП (дата обращения: 15.03.2026).

сложным (комплексным), подразделяющимся на субинституты; его нормы закреплены в нескольких нормативных правовых актах.

В науке о прокурорской деятельности данному институту корреспондирует совокупность научных знаний, взглядов, идей

и представлений о правовом регулировании указанных отношений, его социальной обусловленности и эффективности, о закономерностях, реформировании и тенденциях развития законодательства, о принципах, истории и перспективах развития института.

Литература

1. Киримова Е. А. Правовой институт. Теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 170 с.
2. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 11–18.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. 482 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. — 245 с.
5. Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 22–31.
6. Курочкин А. В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 65–71.
7. Техническое задание на разработку отраслевой автоматизированной системы управления «ОАСУ — прокуратура»: утв. 1975 г. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Прокуратура СССР. Москва: [б. и.], 1975. 59 с.
8. Малый А. Ф., Логунова С. О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2. С. 93–98.
9. Голиков К. Н. Прокурорская деятельность: учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. М.: РГУП, 2024. 148 с.
10. Винокуров А. Ю. Прокурорская наука: состояние и перспективы развития // Журнал российского права. 2014. № 9 (213). С. 128–134.
11. Аржанов М. А. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.
12. Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // Lex Russica. 2020. № 1 (158). С. 122–131.
13. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 45–60.
14. Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 136 с.
15. Рохлин В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: курс лекций. СПб., 1998. 112 с.
16. Прокурорский надзор: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. М.: Юрайт, 2016. — 402 с.
17. Ергашев Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. — 435 с.
18. Шобухин В. Ю. Прокурорское право — отрасль российского права // Законность. 2009. № 7 (897). С. 43–46.
19. Винокуров А. Ю. К вопросу об изучении прокурорского права // Высшее образование для XXI века: сб. матер. VI международной науч. конференции, 19–21 ноября 2009 г. М.: МосГУ, 2009. С. 83–86.
20. Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 100–107.
21. Козлов А. Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Общая часть: учеб. пособие. Екатеринбург, 1999. — 168 с.
22. Воронин О. В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебно-методический комплекс / под ред. А. Г. Халиулина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. — 176 с.

References

1. Kirimova E. A. Pravovoj institut. Teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1998. 170 s.
2. Tanimov O. V. Transformaciya pravootnoshenij v usloviyah cifrovizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 2. S. 11–18.

3. Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyj gospodinom Evgeniem Dyuringom. M.: Politizdat, 1988. 482 s.
4. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: YUrist", 2004. 245 s.
5. Dzhalilova E. A. Problemy opredeleniya ponyatiya i sushchnosti instituta prava // Vestnik VUiT. 2018. № 2. S. 22–31.
6. Kurochkin A. V. Institucional'nyj podhod k pravovym yavleniyam // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157, № 6. S. 65–71.
7. Tekhnicheskoe zadanie na razrabotku otraslevoj avtomatizirovannoj sistemy upravleniya «OASU — prokuratura»: utv. 1975 g. / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti. Prokuratura SSSR. Moskva: [b. i.], 1975. 59 s.
8. Malyj A. F., Logunova S. O. Instituty prava i pravovye instituty v sovremenном rossijskom prave i osobennosti ih formirovaniya // Obrazovanie i pravo. — 2021. — № 2. S. 93–98.
9. Golikov K. N. Prokurorskaya deyatel'nost': uchebnoe posobie. — 2-e izd., ispr. i dop. M.: RGUP, 2024. — 148 s.
10. Vinokurov A.YU. Prokurorskaya nauka: sostoyanie i perspektivy razvitiya // ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 9 (213). S. 128–134.
11. Arzhanov M. A. O principah postroeniya sistemy sovetskogo socialisticheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1939. № 3. S. 26–35.
12. Svinin E. V. Ob"ekt i predmet pravovogo regulirovaniya kak komponenty strukturnoj organizacii pravoporyadka // Lex Russica. 2020. № 1 (158). S. 122–131.
13. Ioffe O. S. Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialah grazhdanskogo prava) // Uchenye zapiski VNIISZ. M., 1968. Vyp. 14. S. 45–60.
14. Daev V. G., Marshunov M. N. Osnovy teorii prokurorskogo nadzora. L.: Izd-vo LGU, 1990. 136 s.
15. Rohlin V. I. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: kurs lekcij. SPb., 1998. 112 s.
16. Prokurorskiy nadzor: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. A. F. Smirnova, A. A. Usacheva. M.: YUrajt, 2016. 402 s.
17. Ergashev E. R. Principy prokurorskogo nadzorno-ohranitel'nogo prava i ego institutov: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2008. — 435 s.
18. SHobuhin V.YU. Prokurorskoe pravo — otrasl' rossijskogo prava // Zakonnost'. 2009. № 7 (897). S. 43–46.
19. Vinokurov A.YU. K voprosu ob izuchenii prokurorskogo prava // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: sb. mater. VI mezhdunarodnoj nauch. konferencii, 19–21 noyabrya 2009 g. M.: MosGU, 2009. S. 83–86.
20. Alekseev S. S. O teoreticheskikh osnovah klassifikacii otraslej sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 7. S. 100–107.
21. Kozlov A. F. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: Obshchaya chast': ucheb. posobie. Ekaterinburg, 1999. — 168 s.
22. Voronin O. V. Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii: uchebno-metodicheskij kompleks / pod red. A. G. Haliulina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2021. 176 s.

Сведения об авторе

Гайдуков И. Ю. — соискатель ученой степени кандидата юридических наук ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», старший помощник прокурора Западного административного округа г. Москвы, младший советник юстиции, Москва. E-mail: ivanagprf@mail.ru

Information about the author

Gaydukov I. Yu. — Applicant for the Degree of Candidate of Sciences (Law) at the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", Senior Assistant Prosecutor of the Western Administrative District of Moscow, Junior Counsellor of Justice, Moscow. E-mail: ivanagprf@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 06.08.2026

Дата рецензирования / Received: 12.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

39

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФАКТИЧЕСКОГО ВЛАДЕЛЬЦА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ВЫЯВЛЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ, РАБОТАЮЩИМИ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

Аннотация. Произведённый анализ научных публикаций, действующего законодательства Российской Федерации, нормативных актов МВД России, судебных решений позволил сформулировать предложения по совершенствованию применения полномочий территориальными органами МВД России мер административной ответственности в отношении водителей, являющихся фактическими владельцами транспортных средств, за административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения выявленные специальными техническими средствами работающих в автоматическом режиме, имеющих функции фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения.

Ключевые слова: нарушения правил дорожного движения, административные правонарушения, безопасность дорожного движения, владельцы транспортных средств

Для цитирования: Иванов А. Ю. Административная ответственность фактического владельца транспортного средства за правонарушения в области дорожного движения, выявленные техническими средствами, работающими в автономном режиме // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 40–44. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-40-44

Ivanov A. Yu.

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF THE ACTUAL OWNER OF A VEHICLE FOR OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC, DETECTED BY TECHNICAL MEANS OPERATING IN AUTOMATIC MODE

40

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Abstract. The analysis of scientific publications, the current legislation of the Russian Federation, regulatory acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and court decisions made it possible to formulate proposals for improving the use of powers by the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia regarding administrative liability measures against drivers who are the actual owners of vehicles for administrative offenses in the field of road safety. These offenses are detected by special technical means operating in automatic mode and equipped with photo and video recording functions for traffic rule violations.

Keywords: traffic rule violations, administrative offenses, road safety, vehicle owners

For citation: Ivanov A. Yu. Administrative Liability of the Actual Owner of a vehicle for Offenses in the Field of Road Traffic, Detected by Technical Means

В соответствии с ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ при фиксации административного правонарушения в области дорожного движения техническим средством, работающим в автоматическом режиме, в роли специального субъекта такого правонарушения выступает собственник (владелец) транспортного средства, независимо от того является он физическим либо юридическим лицом (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

При этом ст. 2.6.1 КоАП, ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ установлен «упрощенный» порядок привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения при их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

В указанных случаях протокол о правонарушении не составляется, постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия собственника (владельца) транспортного средства и оформляется в порядке, предусмотренном ст. 29.10 КоАП РФ.

Закрепленный законодательством указанный порядок привлечения к ответственности, означает, что уполномоченные органы не обязаны доказывать вину собственников (владельцев) транспортных средств при вынесении в отношении них постановлений по делам об административных правонарушениях (см. п. 2.1 определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 № 1621-О-О).

Назначение в указанном порядке наказания за административные правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные при помощи работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, позволяющее привлекать к административной ответственности собственников (владельцев) соответствующих транспортных средств, являющихся источниками повышенной опасности, способствует сокращению латентности административно наказуемых деяний в указанной сфере и, преследуя цели предупреждения совершения административных

правонарушений, представляющих серьезную угрозу для жизни, здоровья и имущества участников дорожного движения, обеспечивает эффективную защиту конституционно значимых ценностей, перечисленных в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации (см. определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2012 г. № 1286-О, п. 4.3. Постановления Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 г. № 35-П) [1].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2019 № 5-П указано, что для собственников (владельцев) транспортных средств в таком случае КоАП РФ закреплены самостоятельные санкции в виде штрафов, обособленные от санкций для водителей (пункт 3.2).

В силу закона собственник (владелец) транспортного средства подлежит освобождению от административной ответственности, если при реализации своего права на обжалование постановления будут подтверждены содержащиеся в жалобе сведения о том, что в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1, примечание к статье 1.5 КоАП РФ). При этом собственник (владелец) обязан представить доказательства своей невиновности (см. п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20).

По смыслу примечания к ст. 1.5 КоАП РФ, обязанность доказывания своей невиновности в совершении административного правонарушения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фотовидеозаписи, возлагается именно на лицо, привлекаемое к административной ответственности, т. е. на собственника (владельца) транспортного средства, а не на должностных лиц ЦАФАП ОДД Госавтоинспекции [2].

Приведенное правовое регулирование соответствует сохраняющей свою силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой Конституция Российской Федерации закрепляет в ст. 49 презумпцию невиновности в процессе правового регулирования

юридической ответственности, законодатель, учитывая особенности соответствующих отношений и их субъектов, вправе решить вопрос о распределении бремени доказывания вины иным образом, освобождая органы государственной власти от доказывания вины при обеспечении возможности для самих субъектов правонарушения подтверждать свою невиновность (см. постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П; от 24.06.2009 № 11-П).

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда РФ от 13.05.2020 № 24-П, возможно до вынесения постановления по делу совершение процессуальных действий на основании фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фотовидеозаписи административного правонарушения, в том числе направленных на получение информации о лице, предположительно его совершившем, так как иной подход блокировал бы производство по делу об административном правонарушении и потому несовместим со ст. 1 (ч. 1), 5 (ч. 3), 10, 15 (ч. 2), 19 (ч. 1), 45 (ч. 1), 72 (п. «б», «к» ч. 1) и 76 (ч. 2) Конституции Российской Федерации.

Если административный орган располагает сведениями о том, кто фактически является владельцем транспортного средства, принадлежащего собственнику, действующее законодательство об административных правонарушениях не содержит запрета на вынесение постановления в отношении владельца автомобиля в порядке ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ. Необходимость в проведении административного расследования в таком случае отсутствует (лист 4 решения Красноярского краевого суда по делу № 7р-153/2020 от 27.02.2020).

Из приведенных выше судебных актов следует, что нормы закона не содержат предписаний о необходимости первоочередного привлечения к административной ответственности именно собственника автомобиля, который указан в карточке учета транспортного средства Госавтоинспекции.

Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.09.2016 № 41-КГ16-25, обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 «право собственности на транспортное средство возникает на ос-

новании сделок, а не в связи с регистрацией (и после) этого средства в органах внутренних дел». Регистрация транспортного средства носит учетный характер, осуществляется в целях допуска транспортных средств к участию в дорожном движении и не служит основанием для возникновения на них права собственности или владения.

На основании п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 под владельцем источника повышенной опасности следует понимать юридическое лицо или гражданина, которые используют его в силу принадлежащего им права собственности, права хозяйственного ведения, оперативного управления либо на других законных основаниях (например, по договору аренды, проката, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности).

Из взаимосвязи указанных правовых норм следует, что владелец источника повышенной опасности, принявший риск причинения вреда таким источником, как его собственник, несет обязанность по возмещению причиненного этим источником вреда, в том числе по оплате штрафа за нарушение правил дорожного движения перед государством.

Доказательствами, подтверждающими факт нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица, могут, в частности, являться полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в котором имеется запись о допуске к управлению данным транспортным средством другого лица, договор аренды или лизинга транспортного средства, показания свидетелей и (или) лица, непосредственно управлявшего транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения. Указанные, а также иные доказательства исследуются и оцениваются по правилам ст. 26.11 КоАП РФ (п. 27 постановления пленума ВС РФ от 25.06.2019 г. № 20) [3].

Из вышеприведенных положений законодательства следует, что для освобождения от ответственности собственник (владелец) транспортного средства, действуя добросовестно, в пределах сроков обжалования постановления (ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ), давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ), должен предоставить исчерпывающие

доказательства, указывающие на совершение правонарушения другим лицом, при этом подразделение ГИБДД должно иметь реальную возможность на основании доказательств, представленных собственником (владельцем) транспортного средства, инициировать привлечение этого лица к установленной законом ответственности. В противном случае нарушается баланс публичных и частных интересов, не достигаются задачи законодательства об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 1.2 КоАП РФ, что порождает у лица, допустившего нарушение, пренебрежительное отношение к закону, уверенность в собственной безнаказанности [4].

По смыслу приведенных законоположений, доказательствами по делу об административном правонарушении могут быть признаны любые документы, позволяющие установить какие-либо обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении. Эти документы могут быть приобщены

к материалам дела на любой его стадии, на которой не исключается возможность представления доказательств. Такое регулирование, направленное на обеспечение правильного разрешения дела об административном правонарушении, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителя (Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2605-О).

На момент принятия решения о вынесении постановления по делу об административном правонарушении должностное лицо ЦАФАП ОДД Госавтоинспекции должно достоверно располагать сведениями о собственнике транспортного средства, а также его фактическом владельце, который и допускает совершение правонарушений.

Из буквального толкования положений ст. 2.6.1 КоАП РФ следует, что к административной ответственности может быть привлечен не только собственник транспортного средства, но и его фактический владелец.

Литература

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 108 с.
2. Дизер О. А., Абдулманова И. В. Совершенствование правового регулирования применения специальных технических средств фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 39–46.
3. Жбанова С. А. Влияние систем автоматической фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения на снижение аварийности // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 68–71.
4. Михайленко О. В. Особенности применения средств фотовидеофиксации с целью обеспечения безопасности дорожного движения (на примере Хабаровского края) // Безопасность дорожного движения. 2022. № 2. С. 35–37.

References

1. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Isaev M. M., et al. Law enforcement activities in the field of road traffic safety in 2024: information and analytical review. M.: FКУ "SC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2025. — 108 p.
2. Dizer O. A., Abdulmanova I. V. Improvement of legal regulation of application of special technical means of photo and video recording of offenses in the field of road traffic // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2(95). Pp. 39–46.
3. Zhanova S. A. The Influence of Automatic Photo- and Video-Recording Systems of Traffic Violations on Reducing Accidents // Administrative Law and Procedure. 2021. No. 8. Pp. 68–71.
4. Mikhailenko O. V. Features of Using Photo- and Video-Recording Devices to Ensure Road Safety (Based on the Khabarovsk Territory) // Road Safety. 2022. No. 2. Pp. 35–37.

Сведения об авторе

Иванов А. Ю. — кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Information about the author

Ivanov A. Yu. — candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of administrative law and administrative activity of internal Affairs bodies, Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. Krasnoyarsk. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 16.08.2026

Дата рецензирования / Received: 24.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Миллеров Е. В., Миллерова Е. А.

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПОНЯТИЙНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье авторами анализируется содержательное значение термина «сексуальная эксплуатация человека» применительно к нормам российского законодательства, предусматривающим юридическую ответственность за деяния такого характера. Сделан вывод о том, что основной массив норм, предусматривающих ответственность за такие деяния, сегодня сосредоточен в Уголовном кодексе Российской Федерации. Не смотря на это, авторами обращается внимание на то, что ответственность за социально негативные деяния такого характера предусмотрены в отношении юридических лиц Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 6.19 и ст. 6.20). Более того, юридическому сообществу предложено активизироваться в организации и проведении различных научных и научно-практических мероприятий, посвященных современным проблемам противодействия такой эксплуатации человека. Высказано мнение о целесообразности принятия Верховным Судом Российской Федерации постановления Пленума по разъяснению вопросов квалификации преступлений, связанных с организацией проституции и оборота порнографических материалов.

Ключевые слова: человек, сексуальная эксплуатация, понятие, юридическая ответственность, нормы, проблемы, противодействие, совершенствование.

Для цитирования: Миллеров Е. В., Миллерова Е. А. Сексуальная эксплуатация человека: понятийные аспекты в контексте юридической ответственности // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 45–50. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-45-50

Millerov E. V., Millerova E. A.

SEXUAL EXPLOITATION OF A PERSON: CONCEPTUAL ASPECTS IN THE CONTEXT OF LEGAL LIABILITY

Abstract. In this article, the authors analyze the substantive meaning of the term “sexual exploitation of a person” in relation to the norms of Russian legislation that provide for legal liability for acts of this nature. It is concluded that the main body of norms providing for liability for such acts is currently set out in the Criminal Code of the Russian Federation. Despite this, the authors draw attention to the fact that liability for socially negative acts of this nature is provided for in relation to legal entities under the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Articles 6.19 and 6.20). Moreover, the legal community is encouraged to step up its efforts in organizing and conducting various scientific and scientificpractical events dedicated to contemporary issues related to countering such human exploitation. The opinion is expressed that it would be advisable for the Supreme Court of the Russian Federation to adopt a Plenum resolution clarifying issues related to the classification of crimes involving the organization of prostitution and the circulation of pornographic materials.

Keywords: human, sexual exploitation, concept, legal liability, norms, problems, counteraction, improvement

45

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

For citation: Millerov E. V., Millerova E. A. Sexual Exploitation of a Person: Conceptual Aspects in the Context of Legal Liability. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 45–50. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-45-50

Сексуальная эксплуатация человека является терминологическим сочетанием, которое известно как ученым правоведом, так и сотрудникам правоохранительных органов, задействованным в борьбе с организованной проституцией, изготовлением и оборотом порнографии, а также иными общественно негативными и противоправными деяниями, в рамках которых эксплуатируется тело человека в половом (сексуальном) его предназначении. Однако каждый из этих правоведов, равно как и представителей правоохранительных органов, выявляющих и пресекающих деяния такого характера, на конкретный вопрос, какими именно нормами российского законодательства предусмотрена юридическая ответственность за сексуальную эксплуатацию человека, не дадут точного ответа, что абсолютно логично в сегодняшней понятийной ситуации относительно указанных противоправных деяний в российском праве.

Начиная анализ понятийных аспектов сексуальной эксплуатации в контексте юридической ответственности следует начать с того, что данный термин имеет место в российском законодательстве благодаря международно-правовым актам, среди которых, в первую очередь, следует обозначить тот акт, где интересующий нас термин есть уже в самом его названии — Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений¹. Так же данный термин присутствует в таких международно-правовых актах как: Конвенция о правах ребенка 1989 г. (ст. 34)², Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. (ст. 3)³, Протокол о предупреждении

и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее 2000 г. (ст. 3)⁴, Протокол 2014 г. к Конвенции относительно принудительного или обязательного труда 1930 года (преамбула)⁵. Однако определения данному термину в этих международно-правовых актах не дается. Даже в упомянутой выше Конвенции Совета Европы, применительно к этому термину (п. б ст. 3) в его совокупности еще и с термином «сексуальные злоупотребления», дано не определение, а широкий перечень действий, предусмотренный статьями 18–23 указанного международно-правового акта.

В Соглашении о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека, заключенном в 2005 г., термин «сексуальная эксплуатация» упомянут в ст. 1 в качестве одной из форм эксплуатации человека, наряду с проституцией, принудительным трудом, рабством и др., если конкретнее, то в терминологической связке «...эксплуатация проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации»⁶. Вместе с тем, в Модельном законе стран СНГ 2008 г., посвященном противодействию торговле людьми⁷, предусмотрены определения как термину «сексуальная эксплуатация человека», так и термину «сексуальная эксплуатация ребенка»

Нью-Йорке 26 сентября 2012 года) // СПС «Консультант Плюс»

⁴ «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

⁵ «Протокол к Конвенции относительно принудительного или обязательного труда 1930 года» (Подписан в г. Женеве 11.06.2014) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

⁶ «Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека» (Заключено в г. Москве 25.11.2005) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

⁷ «Модельный закон о противодействии торговле людьми» (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.2008 Постановлением 30–11 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

¹ «Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» (CETS N 201) [рус., англ.] (Заключена в г. Лансароте 25.10.2007) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

² «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

³ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 года и подписанный от имени Российской Федерации в городе

(ст. 3). Не приводя здесь дословно оба эти определения, поскольку содержательно они во многом схожи, лишь отметим, что основными отличиями данных определений в отношении ребенка и взрослого лица, заключаются в том, что касаясь ребенка использовано словосочетание «склонение или принуждение» по поводу действий сексуального характера, перечисленных в данном определении (дефиниция в отношении взрослых содержит только слово «принуждение», с дополнительной оговоркой «в том числе путем злоупотребления его уязвимым положением»⁸), также в определении «сексуальная эксплуатация ребенка» предусмотрено использование его «в качестве объекта секс-туризма», чего нет в определении сексуальной эксплуатации взрослых лиц. В то же время в определении по взрослым, предусмотрено «обращение и удержание в сексуальном рабстве», чего мы не видим в дефиниции, касающейся детей. Если говорить, наоборот, об общих аспектах этих двух определений, то, безусловно, первоочередным здесь следует назвать наличие одной и той же цели сексуальной эксплуатации (как взрослых, так и детей), описанной в тексте обоих определений — извлечение материальной или иной выгоды.

Говоря об интересующем нас термине в российском законодательстве, следует обратиться к Уголовному кодексу РФ, а именно непосредственно к норме, предусматривающей уголовную ответственность за торговлю людьми (ст. 127.1), которая была введена в Кодекс еще в декабре 2003 г.⁹ Поскольку в ее диспозиции по отношению к человеку применен термин «эксплуатация», то в примечании к этой же норме дано официальное определение словосочетанию «эксплуатация человека»: «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние»¹⁰. Из этого определения мы видим, что, во-первых, сексуальная эксплуатация яв-

ляется одним из видов эксплуатации человека (наряду с рабским трудом и подневольным состоянием), во-вторых, проституция является одной из разновидностей сексуальной эксплуатации, наряду с иными ее формами, которые, к сожалению, в данном определении не раскрываются и не перечисляются. Не дается ответа на этот вопрос и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в котором разъясняются вопросы квалификации деяний по ст. 127.1 УК РФ¹¹.

Отсутствие официального определения термина «сексуальная эксплуатация человека» в российском законодательстве, как это обычно бывает, абсолютно логично рождает различные авторские определения данному термину в научных публикациях, посвященных указанной тематике. Так, например, В. И. Коваленко под сексуальной эксплуатацией человека предлагает понимать «использование в корыстных целях физических параметров и сексуальных свойств человека, обусловленных его половым статусом (сексуальностью)» [1, С. 98–99], а, к примеру, И. Ю. Фазилов — «использование другого человека против его воли для занятия проституцией, осуществление действий циничного или порнографического характера, участие в приготовлении подобного характера продукции или зрелищах» [2, с. 43].

Не приводя здесь все авторские определения данного термина и не предлагая собственный его вариант, считаем в практическом аспекте более важным ответ на вопрос, какие именно из российских правовых норм, сегодня предусматривают юридическую ответственность за сексуальную эксплуатацию человека. Для основного ориентира определения такого перечня, представляется целесообразным взять за основу приведенные выше определения «сексуальная эксплуатация человека» и «сексуальная эксплуатация ребенка», предусмотренные ст. 3 Модельного закона СНГ «О противодействии торговле людьми» 2008 г., заранее понимая, что перечень норм по обоим этим видам сексуальной эксплуатации не будет совпадать полностью.

Сразу скажем, что по нашему мнению, исходя из общественной опасности дея-

⁸ уязвимое положение жертвы торговли людьми — определение термина предусмотрено в ст. 3 вышеуказанного Модельного закона СНГ 2008 г. (дата обращения: 10.09.2026 г.).

⁹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

¹⁰ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

ний, связанных с сексуальной эксплуатацией как взрослых лиц, так и, тем более, детей, ответственность за их совершение и наказуемость, является прерогативой уголовного права. В связи с этим, ответы на вопросы, которые мы здесь ставим, а также ставят наши коллеги-правоведы, посвящающие свои научные публикации данным аспектам, как справедливо подчеркивает Г. Т. Пачулия, надеемся, будет способствовать минимизации препятствий, возникающих у правоохранительных органов на пути формирования и применения эффективных уголовно-правовых средств в борьбе с сексуальной эксплуатацией человека [3, с. 166].

Если анализировать нормы Особенной части УК РФ с проекцией на интересующие нас определения, предусмотренные вышеуказанным Модельным законом СНГ «О противодействии торговле людьми» 2008 г., то видим, что преступления, направленные на сексуальную эксплуатацию человека, а именно лиц, достигших совершеннолетнего возраста, сегодня находятся в двух главах УК РФ (гл. 17 и гл. 25), а именно ст. 127.1, 240, 241, 242 УК РФ. Причем, касаясь ст.ст. 240, 241, 242 УК РФ эти преступные деяния следует считать непосредственно направленными на сексуальную эксплуатацию человека, если они нацелены на получение лицом, совершающим одно из этих преступлений (либо их совокупность, что бывает нередко, исходя из судебной практики¹²) материальной или иной выгоды, а также, если они совершены с принуждением по отношению к эксплуатируемому, в том числе с применением насилия либо с использованием уязвимого положения такого человека.

В отношении несовершеннолетних перечень преступных деяний, непосредственно связанных с их сексуальной эксплуатацией, во-первых, гораздо расширяется, т. к. на наш взгляд, это составы, предусмотренные ст.ст. 127.1, 240, 240.1, 241, 242.1, 242.2 УК РФ. Представляется, что

к этой группе преступлений, в определенных случаях, можно относить и деяния, предусмотренные ст. 134 и ст. 135 УК РФ. Характерной особенностью отнесения преступлений к сексуальной эксплуатации в отношении несовершеннолетних, в отличие от такой эксплуатации взрослых, это то, что в отношении первых не требуется обязательного наличия принуждения, насилия и иных способов, направленных на преодоление самостоятельного решения потерпевшего.

Касаясь официальных разъяснений особенностей квалификации преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума отметим, что по ст. 127.1 УК РФ в вышеуказанном постановлении от 24.12.2019 № 58 применительно к торговле людьми в целях их сексуальной эксплуатации, мы ничего не находим, а вышеуказанные интересующие нас статьи главы 25 УК РФ (ст.ст. 240, 240.1, 241, 242, 242.1, 242.2 УК РФ) до сих пор незаслуженно, на наш взгляд, обделены вниманием со стороны Верховного Суда РФ на предмет официальных разъяснений их квалификации, за исключением разъяснения особенностей уголовно-правовой оценки распространения, демонстрации и рекламирования порнографии (ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ) с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в своем постановлении Пленума от 15 декабря 2022 года № 37 (п. 22)¹³.

Нельзя не отметить и достаточно низкую активность юридического сообщества по вопросам проведения научных, научно-практических конференций и круглых столов, посвященных борьбе с сексуальной эксплуатацией человека. Так, анализ открытых к свободному доступу баз данных по этим мероприятиям показал, что за последние двадцать лет в России в целом, проведено всего лишь три мероприятия, посвященных данной тематике, да и то лишь вопросам противодействия сексуальной эксплуатации исключительно несовершеннолетних (два из этих трех ме-

¹² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.03.2012 г. по уголовному делу № 81-О12-12 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.11.2014 г. по уголовному делу № 51-АПУ14-39 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 15.06.2015 г. по уголовному делу № 22-768/2015 // Сайт «Судебные решения РФ» — <https://судебныерешения.рф>; Приговор Самарского областного суда от 03.12.2012 г. по уголовному делу № 2-82/2012 // СПС «Консультант Плюс» и др.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

роприятий — парламентские слушания)¹⁴. В остальных случаях, имели место научные конференции и круглые столы, посвященные борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией рабского труда в целом, которых за эти же двадцать лет мы насчитали в России не более десяти мероприятий.

Анализируя нормы российского законодательства, следует задаться вопросом наличия только лишь в уголовно-правовых нормах ответственности за деяния, связанные с сексуальной эксплуатацией человека. В некоторых публикациях авторы в числе норм, предусматривающих ответственность за такие деяния, называют и ст. 6.12 КоАП РФ [4, С. 98–105], т. к. данная норма предусматривает ответственность за «Получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией»¹⁵. Однако с таким мнением согласиться крайне сложно, поскольку действия лица, подпадающие под ст. 6.12 КоАП РФ, по нашему мнению, не отвечают природе действий эксплуататора, в отличие от организатора занятия проституцией, но такие действия, как известно, являются уголовно, а не административно наказуемыми (ст. 241 УК РФ).

Вместе с тем, говорить о том, что в действующем КоАП РФ сегодня нет статей, предусматривающих административную ответственность за сексуальную эксплуатацию людей, будет не совсем верным, поскольку сегодня в данном Кодексе имеются ст. 6.19 и ст. 6.20, предусматривающие ответственность юридических лиц за деятельность, связанную с созданием

условий для торговли детьми и (или) их эксплуатации (ст. 6.19 КоАП РФ), а также за изготовление и оборот юридическим лицом материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних (ст. 6.20 КоАП РФ). Обе нормы введены в КоАП РФ в апреле 2013 г.¹⁶

Таким образом, можно констатировать следующее:

1. Составы преступлений, связанные с сексуальной эксплуатацией человека сегодня предусмотрены нормами разных глав Особенной части Уголовного кодекса РФ, причем перечень таких преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних гораздо шире, чем в отношении лиц, достигших совершеннолетнего возраста.

2. Не смотря на то, что подавляющее большинство норм, предусматривающих юридическую ответственность за деяния, непосредственно связанные с сексуальной эксплуатацией человека сегодня находятся в действующем Уголовном кодексе РФ, борьба с такой эксплуатацией должна осуществляться и с учетом наличия административной ответственности юридических лиц в этой сфере (ст. 6.19 и ст. 6.20 КоАП РФ).

3. Юридическому сообществу необходимо активизироваться в вопросах организации различных научных и научно-практических мероприятий (конференции, круглые столы и т. п.) для обсуждения особенностей и проблем противодействия сексуальной эксплуатации человека в современном мире, а также для выработки наиболее оптимальных мер противодействия этим социально негативным деяниям.

4. Было бы целесообразным принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, официально разъясняющего вопросы квалификации преступлений, связанных с организацией проституции и оборотом порнографических материалов (ст.ст.240, 240.1, 241, 242, 242.1, 242.2 УК РФ).

¹⁴ Материалы парламентских слушаний «Социально-правовая защита детей от сексуальной эксплуатации и растления». 04.02.2002 г., Москва / Сост. С. П. Горячева — М.: Изд.: Гос. Дума, 2003 г. 140 с.; Материалы парламентских слушаний «О совершенствовании законодательства, направленного на борьбу с детской порнографией, проституцией и иными формами насилия. Международный опыт». Москва, 11.06.2009 / Сост. Е. А. Вахитова — М.: Изд.: Гос. Дума, 2009. 77 с.; Сборник статей Второго Международного круглого стола «Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (Лансароте, 25.10.2007): опыт, состояние и перспективы имплементации» / Под ред. М. А. Симоновой. Москва, РУДН. 2017. 52 с.

¹⁵ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2026 г.).

¹⁶ Федеральный закон от 05.04.2013 № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс»

Литература

1. Коваленко В. И. Криминальная эксплуатация человека: понятие, виды, проблемы правовой регламентации // Право и образование 2014. № 2. С. 98–99.
2. Фазилов И. Ю. Уголовно-правовая характеристика понятия «эксплуатация человека» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2016. № 3 (24). 2016. С. 42–44.
3. Пачулия Г. Т. Проблемные вопросы определения понятия «сексуальная эксплуатация человека» и его уголовно-правовое значение // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 161–166.
4. Кадников Ф. Н. К вопросу об ответственности за занятие проституцией и сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 98–105.

References

1. Kovalenko V. I. Criminal exploitation of a person: concept, types, problems of legal regulation // Law and Education. 2014. No. 2. Pp. 98–99.
2. Fazilov I. Yu. Criminallegal characteristics of the concept of “exploitation of a person” // Eurasian Union of Scientists (EUS). 2016. No. 3 (24). 2016. Pp. 42–44.
3. Pachulia G. T. Problematic issues in defining the concept of “sexual exploitation of a person” and its criminal law significance // Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 4 (65). Pp. 161–166.
4. Kadnikov F. N. On the issue of liability for engaging in prostitution and sexually exploiting other persons in the form of them engaging in prostitution // Criminological Journal. 2022. No. 4. Pp. 98–105.

Сведения об авторах

Миллеров Е. В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «Уголовное право и публично правовые дисциплины» Донского государственного технического университета. Ростов-на-Дону. E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Миллерова Е. А. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения; доцент кафедры «Уголовное право и публично правовые дисциплины» Донского государственного технического университета. Ростов-на-Дону. E-mail

Information about the authors

Millerov E. V. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University. E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Millerova E. A. — PhD in Law, Associate Professor, and Associate Professor at the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines at the Rostov State Transport University; Associate Professor at the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.09.2026

Дата рецензирования / Received: 21.09.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 23.09.2026

Огородов И. Д.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ОКАЗАНИЯ ОБЛАЧНЫХ УСЛУГ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ УДАЛЁННОГО ДОСТУПА К ФУНКЦИОНАЛУ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются особенности гражданско-правовой ответственности сторон по договору оказания облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения. Определяются основания, условия и пределы ответственности провайдера облачного сервиса и заказчика с учетом правовой природы возникающего между ними обязательства, специфики дистанционного оказания услуг и технологической зависимости исполнения договора от инфраструктуры провайдера облачного сервиса. Особое внимание уделяется договорным условиям об ограничении ответственности провайдера, критериям их допустимости и соотношению с императивными положениями российского гражданского законодательства. Рассматриваются обстоятельства, способные исключить гражданско-правовую ответственность провайдера облачного сервиса, включая действия третьих лиц, сбои внешней инфраструктуры, ограничения со стороны правообладателей и операторов цифровых платформ. Отдельно анализируется возможность квалификации санкций иностранных государств и обусловленных ими технологических, лицензионных и инфраструктурных ограничений в качестве обстоятельств непреодолимой силы либо иных обстоятельств, исключающих ответственность. Формулируются выводы о необходимости дифференцированного подхода к распределению рисков между сторонами и установлению пределов ответственности с учетом степени контроля каждой из сторон над обстоятельствами, повлекшими нарушение обязательства.

Ключевые слова: облачные услуги; удаленный доступ; программное обеспечение; гражданско-правовая ответственность; провайдер облачного сервиса; зарубежные санкции

Для цитирования: Огородов И. Д. Ответственность сторон по договору оказания облачных услуг по предоставлению удалённого доступа к функционалу программного обеспечения // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 51–57. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-51-57

Ogorodov I. D.

LIABILITY OF THE PARTIES UNDER THE CLOUD SERVICES AGREEMENT FOR PROVISION OF REMOTE ACCESS TO SOFTWARE FUNCTIONALITY

Abstract. The article examines the specifics of the civil liability of the parties under a cloud services agreement for providing remote access to software functionality. The grounds, conditions and limits of liability of the cloud service provider and the customer are determined, taking into account the legal nature of the obligation arising between them, the specifics of remote provision of

51

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

services and the technological dependence of the contract on the infrastructure of the cloud service provider. Particular attention is paid to the contractual terms on the limitation of liability of the provider, the criteria for their admissibility and the relationship with the mandatory provisions of Russian civil legislation. Circumstances are considered that may exclude the civil liability of a cloud service provider, including the actions of third parties, failures of external infrastructure, restrictions on the part of copyright holders and operators of digital platforms. The possibility of qualifying the sanctions of foreign states and the technological, licensing and infrastructural restrictions caused by them as force majeure circumstances or other circumstances precluding liability is analyzed separately. Conclusions are drawn about the need for a differentiated approach to the distribution of risks between the parties and the establishment of limits of liability, taking into account the degree of control of each party over the circumstances that led to the violation of the obligation.

Keywords: cloud services; remote access; software; civil liability; cloud service provider; foreign sanctions

For citation: Ogorodov I. D. liability of the Parties Under the Cloud Services Agreement for Provision of Remote Access to Software Functionality. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 51–57. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-51-57

Вопрос об установлении пределов ответственности сторон имеет принципиальное значение при исследовании любого договорного обязательства, поскольку позволяет определить соотношение свободы договора, требования надлежащего исполнения обязательства и допустимого объема имущественных последствий его нарушения. В системе частноправового регулирования договорная ответственность направлена не столько на применение к нарушителю карательных мер, сколько на восстановление нарушенного права, побуждение должника к надлежащему исполнению принятого на себя обязательства и возмещение неблагоприятных имущественных последствий, находящихся в причинной связи с его неисполнением или ненадлежащим исполнением.

Специфика договора оказания облачных услуг обуславливает особый характер возможных нарушений и, соответственно, ответственности его сторон. В отличие от традиционных договорных моделей, предмет которых может быть связан с передачей вещи, выполнением работы либо предоставлением права использования результата интеллектуальной деятельности, рассматриваемый договор опосредует непрерывное предоставление заказчику удаленного доступа к функциональным возможностям программного обеспечения, функционирующего с использованием технических средств провайдера облачного сервиса или привлеченного им третьего лица. В связи с этим нарушение обязательства провайдером может состоять не только в полном отказе от предоставления ус-

луги, но также в уменьшении уровня ее доступности, временном или постоянном прекращении работоспособности программного обеспечения, ограничении отдельных функций либо снижении производительности предоставляемого функционала.

В литературе рассматриваются различные подходы к определению понятия гражданско-правовой ответственности: как «одно из средств защиты гражданских прав и воздействия на нарушителей обязанностей» [2, с. 299]; как «санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав, либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [3, с. 141]; как «обладающую способностью быть исполненной под воздействием государственного принуждения охранительную гражданскую обязанность правонарушителя, реализация которой влечет для него лишения имущественного характера» [5, с. 6].

Основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности по договору оказания облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения является нарушение договорного обязательства, которое может выражаться в неисполнении либо ненадлежащем исполнении возложенных на провайдера облачного сервиса или заказчика обязанностей.

При определении противоправности поведения стороны следует исходить из общего положения о том, что в рамках

договорного правоотношения противоправным признается любое отступление от установленной обязательством модели поведения. Вместе с тем особенности облачных услуг обусловлены тем, что основной интерес заказчика состоит в непрерывном получении удаленного доступа к функционалу программного обеспечения и сохранении возможности извлекать полезный результат при его использовании. Оценка нарушения должна учитывать не только факт формального предоставления доступа, но также его стабильность, полноту и пригодность для достижения предусмотренной договором цели.

Установление противоправного характера поведения стороны в рассматриваемом договоре непосредственно связано с содержанием обязанностей провайдера облачного сервиса и заказчика. Возможные проявления неисполнения или ненадлежащего исполнения таких обязанностей могут быть представлены посредством систематизации типичных рисков, присущих договору оказания облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения.

Риски нарушения доступности и снижения производительности облачного сервиса. К этой группе могут быть отнесены как полная недоступность сервиса, так и частичное ограничение его работы, замедление выполнения операций либо неспособность системы обеспечить необходимую производительность при возрастании нагрузки. Поскольку само по себе указание на обязанность провайдера предоставить доступ не позволяет оценить качество исполнения, сторонам следует заранее согласовать измеримые параметры оказания услуги. В договоре целесообразно определить минимальный уровень доступности сервиса, сроки первоначальной реакции на инцидент, предельное время восстановления работоспособности, а также допустимую продолжительность и периодичность плановых технических работ. Несоблюдение установленных показателей должно влечь предусмотренные договором последствия, включая перерасчет стоимости услуг, а при существенных либо неоднократных нарушениях — право заказчика отказаться от договора в одностороннем порядке или требовать его расторжения.

Риски, обусловленные обновлением программного обеспечения и изменением его функциональных характеристик. Вне-

сение изменений в облачный сервис способно привести к сокращению ранее доступного функционала, нарушению совместимости с информационными системами заказчика, прекращению поддержки отдельных версий, а также изменению интерфейсов, программных протоколов и привычного порядка работы с сервисом. Для снижения правовой неопределенности договор должен устанавливать правила внедрения обновлений, случаи, в которых требуется предварительное извещение заказчика, срок такого извещения и допустимые способы его направления. Самостоятельного урегулирования требует и вопрос о том, какая из сторон несет последствия сбоя, потери совместимости и иных неблагоприятных результатов, возникших вследствие обновления программного обеспечения.

Риски утраты, повреждения или искажения данных заказчика. Их реализация может выражаться в нарушении целостности информационного массива, невозможности восстановить отдельные сведения, ошибках при восстановлении либо сбоях системы резервного копирования. В связи с этим договорное регулирование должно охватывать периодичность создания резервных копий, используемые способы хранения, порядок аварийного восстановления, продолжительность хранения резервных экземпляров и допустимый объем данных, который может быть утрачен в результате технического инцидента. При этом необходимо разграничить сферу ответственности провайдера и сферу контроля заказчика. На последнего могут быть возложены обязанности по соблюдению установленных требований безопасности, сохранению учетных данных, самостоятельному копированию критически значимой информации и выполнению иных организационных или технических мер, прямо предусмотренных договором.

Риски ограничения либо прекращения доступа по решению провайдера облачного сервиса. К ним относятся блокировка учетной записи, временное приостановление оказания услуг, окончательное прекращение обслуживания и изменение провайдером условий использования сервиса в одностороннем порядке. Договор должен позволять заранее установить, при каких обстоятельствах ограничение доступа является допустимым. Соответствующие основания должны быть сформулированы исчерпывающим образом либо, по меньшей мере, допускать их однозначное

определение. Не менее важны порядок уведомления заказчика и срок, в течение которого он может устранить нарушение, послужившее причиной блокировки. На случай прекращения договорных отношений следует урегулировать процедуру выгрузки и переноса данных, период сохранения доступа к ним, а также порядок окончательных расчетов и прекращения иных взаимных обязанностей сторон.

Риски, связанные с участием третьих лиц и зависимостью сервиса от внешней инфраструктуры. Для предоставления облачной услуги провайдер может использовать мощности центров обработки данных, услуги операторов связи, программные компоненты сторонних правообладателей, а также привлекать субподрядчиков и иных исполнителей. Однако включение таких лиц в технологическую модель сервиса не должно само по себе переносить неблагоприятные последствия их действий на заказчика. Поэтому договору надлежит определить обязанности провайдера по выбору и контролю привлеченных лиц, порядок уведомления заказчика о произошедших инцидентах и правила распределения ответственности за неисправность внешних компонентов. При разрешении вопроса о пределах ответственности следует учитывать, был ли соответствующий элемент включен провайдером в сформированную им модель оказания услуги и сохранял ли он возможность контролировать его выбор, замену и эксплуатацию [4, с. 293].

Управление обозначенными рисками осуществляется посредством характерного для облачных отношений договорного инструментария. К нему относятся соглашение об уровне обслуживания (SLA), условия о гарантиях качества, положения об ограничении ответственности и основаниях освобождения от нее, порядок выявления и урегулирования инцидентов, условия резервного копирования и восстановления данных, правила изменения функциональных возможностей программного обеспечения и тарифов, а также положения о переносе данных и прекращении обслуживания. Тем самым именно договор выступает основным средством конкретизации содержания обязательства, параметров предоставляемой услуги и критериев, позволяющих определить, является ли исполнение провайдера облачного сервиса надлежащим.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о возможности признания

провайдера облачного сервиса информационным посредником, поскольку соответствующая квалификация способна повлиять на условия и пределы его гражданско-правовой ответственности, в том числе на оценку вины и применение предусмотренных законом оснований освобождения от ответственности. В российском праве отсутствует однозначный подход к определению того, может ли провайдер, оказывающий услуги по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения, обладать статусом информационного посредника. Хотя деятельность такого провайдера направлена на создание технической возможности использования программного обеспечения и обеспечение удаленного доступа к нему, одно лишь предоставление соответствующего функционала не является достаточным основанием для признания его информационным посредником. В частности, разработчики программного обеспечения, непосредственно определяющие его содержание и функциональные характеристики, по общему правилу не могут быть отнесены к информационным посредникам исключительно в силу того, что созданный ими программный продукт предоставляется пользователям посредством удаленного доступа [7, с. 40].

С учетом различий между содержанием деятельности информационных посредников и характером отдельных видов облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения обоснованным представляется дифференцированный подход к определению правового статуса провайдера. При оказании облачной услуги по модели SaaS провайдер прежде всего обеспечивает заказчику удаленный доступ к функциональным возможностям программного обеспечения и в этом качестве выступает исполнителем по договору оказания услуг. Само по себе предоставление такого доступа не влечет автоматического признания провайдера информационным посредником.

Вместе с тем правовая квалификация его деятельности может изменяться применительно к отдельным функциональным возможностям облачного сервиса [6, с. 9]. Если пользователям предоставляется техническая возможность загружать, хранить, публиковать, передавать либо иным образом размещать материалы, в том числе содержащие результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц, провайдер в отношении соответствующих действий поль-

зователей может обладать статусом информационного посредника и подпадать под действие статьи 1253.1 ГК РФ. Таким образом, правовой статус провайдера облачного сервиса не является единым и неизменным: в рамках одного правоотношения он может одновременно выступать исполнителем договорного обязательства, а применительно к операциям по размещению и передаче пользовательского контента — информационным посредником.

В научной литературе, посвященной санкционным ограничениям и их воздействию на договорные отношения, обособленно отмечается, что ограничительные меры иностранных государств способны непосредственно влиять на исполнение частноправовых обязательств. Вместе с тем сам по себе факт введения таких мер не влечет автоматического освобождения должника от гражданско-правовой ответственности. Для определения их правового значения необходимо учитывать момент введения санкций, наличие непосредственной причинной связи между соответствующим ограничением и допущенным нарушением, а также принятие обремененной стороной разумных и доступных мер, направленных на предотвращение либо минимизацию неблагоприятных последствий санкционного воздействия [1, с. 8–9].

В связи с этим анализ обстоятельств, исключающих гражданско-правовую ответственность провайдера облачного сервиса, целесообразно сосредоточить прежде всего на санкциях, вводимых иностранными государствами. Такой подход не означает обособления санкционных ограничений от общих положений обязательственного права, поскольку установленные гражданским законодательством основания освобождения от ответственности в полной мере распространяются и на договор оказания облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения.

Применительно к рассматриваемому договору иностранные ограничительные меры могут выступать внешним по отношению к провайдеру публично-правовым фактором, препятствующим надлежащему исполнению обязательства не вследствие его виновного поведения, а в результате возникновения ограничений, находящихся вне сферы его фактического и юридического контроля. В частности, санкционное воздействие может повлечь прекращение доступа к иностранному программному

обеспечению, технической инфраструктуре, средствам обновления, каналам оплаты или услугам привлеченных контрагентов. Однако указанные последствия сами по себе еще не свидетельствуют об отсутствии оснований ответственности провайдера.

Поэтому дальнейшее исследование должно быть направлено на определение совокупности критериев, позволяющих признать санкционное воздействие обстоятельством, исключающим вину провайдера облачного сервиса. К числу таких критериев следует относить непредвидимость соответствующих ограничений на момент заключения договора, объективную невозможность их преодоления, непосредственное влияние санкций на исполнение конкретного обязательства, отсутствие у провайдера разумной возможности использовать альтернативные технические или организационные решения, а также принятие им мер по предупреждению и сокращению причиняемых заказчику неблагоприятных последствий. Только при наличии указанных условий санкции могут быть выведены за пределы обычного предпринимательского риска лица, профессионально оказывающего облачные услуги.

Санкционные ограничения заметно меняют подход к определению содержания и пределов договорной ответственности в сфере облачных услуг.

Прежде всего особую значимость приобретают условия договора, регулирующие основания и порядок приостановления либо прекращения доступа к сервису. Для модели SaaS отключение пользователя от облачной платформы означает не просто временное неудобство, а фактическую невозможность пользоваться программным функционалом, ради которого заключался договор. Поэтому при решении вопроса о надлежащем исполнении обязательства необходимо учитывать, имелись ли законные или договорные основания для блокировки, был ли заказчик своевременно извещен о предстоящем ограничении доступа и предоставлена ли ему реальная возможность выгрузить и перенести свои данные. На провайдера также может возлагаться обязанность оказать разумное техническое и организационное содействие, необходимое для сохранения информации заказчика и ее последующего использования в другой системе.

Санкции влияют и на оценку причин нарушения обязательства. Непосредствен-

ным источником невозможности исполнения нередко становятся действия лиц, не участвующих в договоре: иностранных правообладателей, владельцев инфраструктуры, операторов платежных или идентификационных систем. Хотя такие обстоятельства возникают за пределами контроля сторон, их последствия проявляются внутри конкретного обязательства между провайдером и заказчиком. В связи с этим сторонам следует заранее определить, в каких случаях и в каком объеме ответственность провайдера может быть ограничена или исключена. При оценке допустимости таких условий должны приниматься во внимание содержание принятого провайдером обязательства, характер внешнего ограничения, возможность его преодоления, а также правовой статус заказчика.

Наконец, в условиях санкционного воздействия возрастает роль обязанностей, исполняемых после прекращения доступа к облачному сервису или завершения договорных отношений. Речь идет о порядке предоставления заказчику его данных, сроках хранения резервных копий, подтверждении удаления информации, фиксации даты фактического прекращения обслуживания и определении стоимости услуг, оказанных до этого момента. Такие действия нельзя рассматривать исключительно как технические процедуры, сопутствующие прекращению договора. Они непосредственно характеризуют качество исполнения обязательства, поскольку для заказчика ценность облачной услуги заключается не в приобретении экземпляра программы, а в сохранении контроля над собственными данными и возможности

продолжить зависимые от сервиса бизнес-процессы.

Обосновано, что основанием для освобождения провайдера облачного сервиса от гражданско-правовой ответственности по договору оказания облачных услуг по предоставлению удаленного доступа к функционалу программного обеспечения следует признавать не сам факт введения иностранным государством санкционных ограничений, а обусловленную такими ограничениями утрату юридической и (или) фактической возможности поддерживать согласованный сторонами облачный контур исполнения обязательства, при условии что соответствующие обстоятельства находятся вне сферы контроля провайдера.

Санкционные меры иностранного государства могут исключать гражданско-правовую ответственность провайдера облачного сервиса только при одновременном наличии совокупности следующих условий. Во-первых, введенные ограничения должны непосредственно затрагивать элемент облачного контура, без которого предоставление согласованного функционала становится невозможным. Во-вторых, соответствующий элемент должен находиться вне фактического, технического и юридического контроля провайдера. В-третьих, провайдер не должен располагать разумной и своевременной возможностью заменить такой элемент иным техническим или организационным решением. В-четвертых, провайдер обязан принять все зависящие от него меры, направленные на предотвращение нарушения обязательства либо минимизацию неблагоприятных последствий для заказчика.

Литература

1. Богданов Д. В. Освобождение от ответственности и ее исключение в российском гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2012. 39 с.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2009. 414 с.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право // Иоффе О. С. Избр. тр.: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2004. 837 с.
4. Козлова В. Н. Договор об уровне обслуживания (SLA-соглашение): правовая природа и существенные условия // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 292–294.
5. Крашенинников Е. А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 5. С. 6–11.
6. Непомнящая Н. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности информационных посредников: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. 26 с.
7. Чубукова С. Г. Проблемы правового статуса информационного посредника // Вестник Академии права и управления. 2017. № 2 (47). С. 39–44.

References

1. Bogdanov D. V. Osvobozhdenie ot otvetstvennosti i ee iskljuchenie v rossijskom grazhdanskom prave: avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskikh nauk. Volgograd, 2012. 39 s.
2. Gribanov V. P. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskih prav. M.: Statut, 2009. 414 s.
3. Ioffe O. S. Objazatel'stvennoe pravo // Ioffe O. S. Izbr. tr.: v 4 t. T. III. Objazatel'stvennoe pravo. SPb.: Jurid. centr Press. 2004. 837 s.
4. Kozlova V. N. Dogovor ob urovne obsluzhivaniya (SLA-soglasenie): pravovaja priroda i sushhestvennye uslovija // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2023. № 9 (225). S. 292–294.
5. Krashennnikov E. A. Ponjatie grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti // Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii. 2012. № 5. S. 6–11.
6. Nepomnjashhaja N. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dejatel'nosti informacionnyh posrednikov: avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskikh nauk. Moskva, 2019. 26 s.
7. Chubukova S. G. Problemy pravovogo statusa informacionnogo posrednika // Vestnik Akademii prava i upravlenija. 2017. № 2 (47). S. 39–44.

Сведения об авторе

Огородов И. Д. — аспирант кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь. E-mail: i-ogorodov@mail.ru

Information about the author

Ogorodov I. D. — postgraduate student of the Department of Civil Law, Perm State National Research University. 614068, Perm, 15 Bukireva. E-mail: i-ogorodov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Томашевский К. Л., Бельская А. И.

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ И МОДЕЛИ ЕЁ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В работе рассмотрен феномен платформенной занятости как новой формы занятости на рынке труда, и проведен сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Проанализированы нормативные правовые акты в каждой стране, учтены научные точки зрения о данном явлении. Исследованы сходства и различия платформенной занятости в двух странах с точки зрения появления, масштаба, структуры, механизмов регулирования и социальной защиты платформенных занятых. На основе сравнительного анализа уясняется понятие платформенной занятости. Делается вывод, что в Китае платформенная экономика играет ключевую роль в стимулировании инноваций, расширении потребления и стабилизации занятости, способствует межотраслевой мобильности трудовых ресурсов и снижению фрикционной безработицы. В России в условиях формирующейся платформенной экономики данное явление с каждым годом становится возрастающей нетипичной формой занятости на рынке труда. Законодательство РФ о платформенном труде находится в стадии формирования. Федеральный закон № 289-ФЗ от 31.07.2025, хотя и урегулировал некоторые аспекты взаимодействия операторов цифровых посреднических платформ с партнерами-исполнителями, не сняв всех существующих в России проблем, связанных с отсутствием юридически обеспеченных социально-трудовых гарантий платформенных занятых. Совершенствование законодательства о платформенной занятости в РФ должно быть продолжено с учетом апробированного зарубежного опыта.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровая трудовая платформа, платформенный занятый, правовое регулирование, платформенная экономика, цифровые технологии, Федеральный закон № 289-ФЗ, Россия, Китай

Финансирование: Статья выполнена при стипендиальной поддержке Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

Для цитирования: Томашевский К. Л., Бельская А. И. Платформенная занятость и модели её правового регулирования в России и Китае (сравнительный анализ) // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 58–66. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-58-66

58

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Tomaszewski K. L., Belskaya A. I.

PLATFORM EMPLOYMENT AND MODELS OF ITS LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND CHINA (COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. This paper examines the phenomenon of platform employment as a new form of employment in the labor market and provides a comparative legal analysis using the Russian Federation and the People's Republic of China as examples. Regulatory legal acts in each country are analyzed, taking into account scholarly perspectives on this phenomenon. The similarities and differences between platform employment in the two countries are examined in terms of its emergence, scale, structure, regulatory mechanisms, and social

protection for platform workers. This comparative analysis helps clarify the concept of platform employment. It is concluded that in China, the platform economy plays a key role in stimulating innovation, expanding consumption, and stabilizing employment, facilitating intersectoral labor mobility, and reducing frictional unemployment. In Russia, amid the emerging platform economy, this phenomenon is becoming an increasingly atypical form of employment in the labor market. Russian legislation on platform labor is currently being developed. Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, while regulating some aspects of interactions between digital intermediary platform operators and their partners, does not address all existing problems in Russia related to the lack of legally enforceable social and labor guarantees for platform workers. Legislation on platform employment in the Russian Federation should be further improved, taking into account proven international experience.

Keywords: platform employment, digital labor platform, platform worker, legal regulation, platform economy, digital technologies, Federal Law No. 289-FZ, Russia, China

Funding: The article was supported by a scholarship grant from the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEUP).

For citation: Tomaszewski K. L., Belskaya A. I. Platform Employment and models of its legal regulation in Russia and China (comparative analysis). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 58–66. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-58-66

Платформенная занятость, как известно, представляет одну из современных нетипичных форм занятости, основанную на использовании цифровых трудовых платформ для поиска и выполнения работы через них. Данная форма занятости широко развилась в период Четвертой промышленной революции с формированием во многих странах мира платформенной экономики или гиг-экономики.

В последнее время данное явление демонстрирует стремительный рост во всем мире, в том числе в странах БРИКС+, где цифровые технологии становятся важным двигателем трансформации рынка труда.

Актуальность темы обусловлена необходимостью более определенного правового регулирования, обеспечением социальных гарантий и стабильностью между гибкостью для работников и безопасностью работодателей и уменьшением безработицы. Также в условиях цифровизации и глобализации вопросы регулирования платформенной занятости становятся предметом пристального внимания как на национальном, так и на международном уровне. Россия и Китай представляют особый интерес, как развитые страны, для сравнительно-правового анализа.

Цель настоящей статьи — провести сравнительно-правовой анализ регулирования платформенной занятости в России и Китае для выявления лучших практик и выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства в указанных странах.

В работе использованы следующие

методы: сравнительно-правовой метод — для сопоставления законодательных актов России и Китая; системного анализа и междисциплинарный подход — для анализа платформенной занятости как элемента цифровой экономики; статистический метод — исследование статистических данных для России и Китая в сфере использования цифровых платформ; индукция и дедукция.

Теоретическую основу статьи составили труды как российских, так и зарубежных ученых-юристов (О. Лин, И. Жоу, Д. А. Новикова, Ф. К. Ногайлиевой, К. Л. Томашевского, М. Х. Хасенова, Я. Цуя, Ц. Ченя, Е. В. Чичиной, И. В. Шестеряковой и др.).

Цифровые платформы в условиях построения и развития цифровой экономики представляют собой весьма разноплановые явления: наряду с цифровыми платформами как цифровой инфраструктурой существования электронного правительства (в России это, к примеру, цифровые платформы «Госуслуги», «Работа в России») значительную часть цифровых платформ составляют посреднические цифровые платформы, часть из которых может быть отнесена к цифровым трудовым платформам или цифровым платформам занятости, опосредующих привлечение к выполнению работ или оказанию услуг физических лиц [10, с. 101]. Примерами цифровых платформ занятости выступают, например, платформы по доставке еды (Яндекс Еда), фриланс-биржи (например, Avito

Услуги, HeadHunter-фриланс) и такси-сервисы (Яндекс GO), также существуют отдельные сайт-платформы для трудоустройства, например, Профи.ру, Авито Подработка и hh.ru.

Изучение вопроса о платформенной занятости стоит начать с терминологии, обуславливающей характер и природу такого специфического вида занятости. В литературе предлагаются различные определения данного понятия. Например, Синявская О. В., Бирюкова С. С., Карева Д. Е., Стужук Д. А. под платформенной занятостью понимают «деятельность физических лиц (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ), которые обеспечивают взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [9].

А. А. Яновская и Е. В. Романюк предложили свое определение исследуемого явления: «платформенная занятость представляет собой такую форму занятости, которая осуществляется с применением цифровых платформ, приложений и сервисов, обеспечивающих взаимодействие и сотрудничество работников, работодателей и операторов цифровых платформ-посредников» [14, с. 1445].

В свою очередь Н. В. Локтюхина и Е. А. Черных полагают, что «цифровые трудовые платформы представляют собой цифровые сети, которые алгоритмически координируют транзакции трудовых услуг» [3, с. 82].

Небезынтересны авторские дефиниции платформенной занятости, платформенного занятого и цифровых платформ занятости, предложенные в недавнем диссертационном исследовании А. С. Митрясовой:

«Платформенная занятость — трудовая деятельность граждан, осуществляемая с использованием цифровой платформы занятости, характеризующаяся относительной самостоятельностью занятого в управлении трудовым процессом при фактической организационной и экономической зависимости занятого от интернет-платформы.

Платформенный занятый — физическое лицо, осуществляющее трудовую деятельность с использованием цифровой платформы занятости.

Цифровая платформа занятости — организация, владеющая информационной

системой, опосредующей взаимодействие между разными субъектами в целях решения определенных задач, выполнения работы, оказания услуги, как правило, на возмездной основе» [4, с. 20].

Вместе с тем, с последним определением можно подискутировать. Законодательство РФ не позволяет квалифицировать цифровые платформы занятости (как разновидность цифровых платформ) в качестве организаций или вообще субъектов права, это всего лишь информационная система.

Если обратимся к Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹ (вступает в силу с 01.10.2026), то согласно п. 2 ст. 2 цифровая платформа — информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Очевидно, что информационная система и сайт лицами не являются, следовательно, цифровые платформы по законодательству РФ не являются субъектами права и никакой праосубъектностью (ни гражданско-правовой, ни трудовой) не обладают. Правосубъектностью обладает оператор и партнер цифровой трудовой платформы, который может вступать в правоотношения как с клиентами (заказчиками) работ или услуг и с физическими лицами, которые фактически эту работу или услугу выполняют.

Анализируя различные авторские подходы к понятию платформенной занятости можно выделить следующие признаки данного явления. Во-первых, активными участниками отношений в рамках платформенной занятости выступают операторы и партнеры посреднических цифровых платформ, которые заняли свою нишу на рынке труда, «перетянув» часть рабочей силы от традиционных работодателей и классических трудовых отношений. Во-вторых, трехсторонняя модель взаимодействия — платформенную занятость обеспечивают взаимодействие операторов цифровых платформ (владелец или организатор он-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4643.

лайн-сервиса, который обеспечивает взаимодействие между заказчиком и исполнителем), заказчиков (компания, которая выставляет объявление и принимает результат работы, а также принимает на работу сотрудников) и исполнителей (физические или юридические лица, которые оказывают услуги). В-третьих, на цифровых платформах занятости предоставлены только конкретные задачи — выполнение определенных работ или услуг, необходимых для работодателя. В-четвертых, после выполнения определенной работы или оказания услуг исполнитель получает вознаграждение на труд, получаемое от оператора или партнера цифровой платформы.

Исходя из данных признаков можно сформулировать авторское определение платформенной занятости как нетипичную форму занятости, осуществляемую через цифровые трудовые платформы, посредством которых обеспечивается взаимодействие операторов, партнеров этой платформы, заказчиков и партнеров-исполнителей (платформенных занятых), выполняющих работу или оказывающих услугу, за вознаграждение с алгоритмическим контролем за выполнением работы (оказанием услуги).

Рынок платформенных решений для гибкой занятости (включая end-to-end платформы и процессинг) в России по итогам 2025 года оценивается в 239 млрд рублей. Это соответствует объему труда примерно 360 тысяч человек в эквиваленте полной занятости (FTE). По сравнению с 2024 годом показатель увеличился примерно на 40 %, следует из отчета Data Insight. Такие данные содержатся в совместном исследовании Data Insight и Ventra Go!. Наиболее значимый спрос сосредоточен в сферах торговли и логистики — около 35 % от общего GMV (совокупной стоимости заказов и смен) и 40 % FTE. В сегменте end-to-end-платформ ритейл обеспечивает примерно 58 % GMV и 62 % FTE, еще около 16 % приходится на оптово-логистический кластер. К 2028 году объем рынка в базовом сценарии может удвоиться до 479 млрд рублей, а в оптимистичном — превысить 500 млрд рублей².

Основными проблемами, возникающие в сфере регулирования цифровых трудо-

вых платформ в настоящее время выступают: во-первых, неопределенность правового статуса платформенных занятых (на практике они чаще всего оформлены как самозанятые или индивидуальные предприниматели, Закон № 289-ФЗ сводит их к стороне гражданско-правового договора с партнером платформы, тогда как в реальности в их правоотношениях присутствуют признаки экономической зависимости и алгоритмической субординации, характерные для трудовых правоотношений); во-вторых, не распространение на них социально-трудовых гарантий (это закреплено в п. 5 ст. 15 Закона № 289-ФЗ); в-третьих, нестабильность доходов и отсутствие достойных условий труда, так как объем заказов и размер вознаграждения зависят от спроса и других факторов.

Одной из стран, где также активно развивается платформенная занятость является Китайская Народная Республика (далее — КНР или Китай). В Китае большое внимание уделяется созданию регулируемых государством онлайн-платформ, как в области экономики, так и государственного управления, таких как онлайн-платформа правосудия [8, с. 128].

Современное законодательство Китая в области регулирования цифровых технологий ориентировано на следующие основные векторы: обеспечение безопасности пользователей и государства в киберпространстве; создание глобальных цифровых платформ и развитие онлайн-систем в области экономики, финансов, рынка труда, юстиции и другие.

Как в России, так и в Китае работники могут работать на онлайн-платформе в качестве основного места работы или иметь «классическую» (по трудовому договору) основную работу и подрабатывать на онлайн-платформах [13, с. 125].

В китайском языке работа, выполняемая через онлайн-платформы (т. е. работа на платформе), называется píngtái yònggōng láodòng; 平台用工劳动. Píngtái означает платформа, yònggōng означает нанимать и использовать (работников), а láodòng означает работа. Píngtái yònggōng láodòng — один из элементов гиг-экономики современной Китая.

Как отмечает польский исследователь П. Гжебык, проблему представляет двухуровневое разделение рабочей силы в Китае, основанное на Законе КНР о трудовых договорах 1994 года, и проблемы, возникающие в связи с тем, что статус работников платформ сложно вписать в это

² Рынок платформенной занятости в России в 2025 году вырос на 40 % и достиг 239 млрд рублей [Электронный ресурс] // Агентство Бизнес Новостей. URL: <https://abn.agency/2026/03/05/rynok-platfornennoj-zanyatosti-v-rossii-v-2025-godu-vyros-na-40-i-dostig-239-mld-rublej/>. (дата обращения: 08.04.26).

дихотомическое правовое разделение: они либо признаются работниками с полными социальными правами, либо рассматриваются как самозанятые и, следовательно, остаются вне рамок такой защиты [16].

На эту проблему ранее обращали внимание и китайские ученые-юристы. Главная проблема, которую И. Жоу (I. Zhou) видит в регулировании платформенной экономики Китая, заключается в том, что действующее трудовое законодательство, основанное на бинарном делении «трудовые отношения — гражданско-правовые отношения», не позволяет адекватно охватить большинство работников платформ, которые фактически находятся в экономической зависимости и подчинении алгоритмам, но формально классифицируются как самозанятые. Это приводит к массовому исключению платформенных работников из сферы действия трудовых прав (минимальная зарплата, рабочее время, охрана труда) и социального страхования, особенно страхования от несчастных случаев на производстве. Автор подчеркивает, что существующие критерии определения трудовых отношений устарели и не учитывают новые формы контроля и фрагментированный характер работы, порождая правовую неопределенность и противоречивую судебную практику [19]. По мнению Оу Лин (Ou Lin) основная проблема в регулировании платформенной занятости в Китае, заключается в том, что подавляющее большинство платформенных занятых по требованию (on-demand workers) вообще не имеют трудовых отношений с платформами и поэтому полностью исключены из сферы действия трудового законодательства, которое защищает лишь работников с официально оформленным трудовым договором. Этот же ученый обращает внимание на то, что суды и арбитраж систематически отказываются признавать наличие трудовых отношений, а правительство КНР сознательно не предпринимает законодательных мер, ставя во главу угла поддержание высокой занятости и экономический рост, даже ценой низкого качества рабочих мест. В результате работники платформ сталкиваются с опасными условиями труда, чрезмерной продолжительностью рабочего дня, отсутствием социальной защиты и вынуждены полагаться либо на ограниченные пилотные проекты по страхованию от несчастных случаев, либо на собственные стихийные протесты, не имея реальной возможности отстаивать свои базовые социально-трудовые права

[17]. К схожему выводу приходят Т. Ванг (T. Wang) и Ф. Ли Куке (F. Lee Cooke), обращая внимание на неспособность существующего трудового законодательства КНР, основанного на бинарном делении «трудовые отношения — гражданско-правовые отношения», адекватно регулировать новый тип платформенной занятости, при котором занятые формально считаются независимыми, но фактически находятся под контролем платформы через алгоритмы и системы поощрений. Это приводит к правовой неопределенности, противоречивым судебным решениям (в 64 % случаев суды отказывали в признании трудовых отношений, а в 35 % — признавали их при схожих обстоятельствах) и перекладыванию социальных рисков (например, последствий ДТП) на самих работников и третьих лиц [19].

Согласно данным, обнародованным Министерством трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР, сейчас в Китае из почти 900 млн человек трудоспособного населения примерно 200 млн являются людьми, работающими по временному найму, иными словами, каждый пятый работающий — фрилансер. Такая огромная группа людей создает не просто сегмент экономики, она создает целую экономику фриланса [18].

Люди могут участвовать в экономической деятельности платформы в соответствии со своими интересами, навыками, временем и другими ресурсами, чтобы получить работу и доход. В основном платформенная занятость проявляется в следующих формах: самозанятость, фриланс, неполный рабочий день. Один из типов самозанятости — предприниматели электронной коммерции, такие как владельцы магазинов Taobao, бизнес-операторы WeChat и онлайн-торговые агенты, которые используют онлайн-ресурсы для перехода к моделям розничной торговли онлайн. Другой тип — это новые предприниматели, такие как «мейкеры», которые сосредоточены на удовлетворении потребностей пользователей, используя производственные инструменты для инноваций [15]. Фрилансеры, получают информацию через платформы для удовлетворения разнообразных рыночных потребностей в продуктах и услугах, не будучи связанными с работодателями. Что касается занятости с неполным рабочим днем, то эта группа в основном имеет постоянную работу и занимается другой деятельностью в свободное время в поисках дополнительного заработка.

Регулирование отношений, основанных на цифровых трудовых платформах, является в Китае достаточно гибким и мягким. Так, в июле 2021 г. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР (далее — МТРССО) выпустило «Рекомендации по обеспечению охраны труда работников платформ», который впервые принял всеобъемлющие положения для защиты работников платформы при новых формах занятости [15]. В 2023 году МТРССО опубликовало «Руководящие принципы по защите прав работников на отдых и оплату труда в новых формах занятости», «Руководство по публичному раскрытию информации о трудовых правилах для работников в новых формах занятости», а в 2024 г. — «Руководство по защите прав и интересов работников в новых формах занятости» [7, с. 13], подробный анализ которых мы оставляем за рамками данной работы.

Платформенная занятость в Китае и России имеет ряд сходств, которые обусловлены общими чертами цифровой трансформации рынка труда и специфической адаптации традиционных правовых систем к новым формам занятости.

Во-первых, основным сходством является гибкость графика работы (самостоятельное регулирование нагрузки) и доступность для уязвимых групп населения. К таким группам относятся студенты, пенсионеры, люди с ограниченными возможностями здоровья, женщины с детьми и другие.

Во-вторых, сложности с определением правового статуса платформенных занятых. В обеих странах долгое время отсутствовало чёткое правовое определение платформенной занятости. В России понятие «платформенная занятость» до настоящего времени не легализовано, а в Китае действующие Гражданский кодекс КНР, законы КНР о труде и о трудовом договоре не обеспечивали адекватного регулирования этого феномена.

Как ранее писал один из соавторов данной статьи совместно с М. Х. Хасеновым «законодателям государств — членов ЕАЭС стоит пойти по пути постепенной легализации платформенной занятости посредством урегулирования в законодательстве о занятости населения, к примеру, в виде специального комплексного закона, не сводя эти отношения исключительно к трудовым или гражданско-правовым с презумпцией трудовых отношений, если обратное не докажет оператор или

партнер цифровой платформы занятости» [10, с. 102]. Этот подход был бы приемлем не только для стран ЕАЭС, но и для государств-членов БРИКС+, включая КНР.

В-третьих, в обеих странах цифровые платформы выполняют инфраструктурную функцию, сводя исполнителей и заказчиков, но при этом не признаются работодателями в традиционном смысле. Это создаёт правовую неопределённость и затрудняет защиту прав работников.

В-четвертых, платформенная занятость в Китае и России способствует снижению безработицы, особенно в периоды экономических кризисов (например, во время пандемии COVID-19), и стимулирует развитие экономики через создание новых рабочих мест и повышение гибкости рынка труда. Однако она также несёт риски прекаризации труда: нестабильный доход, переработки, отсутствие режима труда и отдыха, высокая зависимость от алгоритмов платформ. Эти сходства отражают глобальные тенденции развития платформенной занятости, которая становится всё более значимым элементом современных экономик, но при этом порождает общие вызовы в области правового регулирования и социальной защиты работников. Однако помимо сходств есть достаточно много различий, например, регулирование отношений. В Китае действует подход, при котором платформенная занятость может рассматриваться как трудовые отношения. Суды ориентируются на принцип «доминирующего контроля над трудом», оценивая фактическое подчинение работника платформе через личное, экономическое и организационное влияние. В 2021 году были введены регуляторные руководства, классифицирующие платформенных занятых на три категории: трудящиеся по трудовым договорам, в рамках неполных трудовых отношений и самозанятые [7, с. 13]. В России же отношения между платформой и исполнителем опосредуются гражданско-правовыми договорами, а не трудовыми. Исполнители должны иметь налоговый статус самозанятого или предпринимателя. Цифровые платформы не признаются работодателями в традиционном смысле³. Еще одним различием является социальная защита, так как в Китае с 2021 года действуют стандарты минимальной опла-

³ Новые правила платформенной занятости: что изменится с 2026 года/ JumpFinance // Клерк. 2024. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/jumpfinance/668718/> (дата обращения: 08.04.2026)

ты труда и требования к социальному страхованию платформенных работников. С 2022 года в семи провинциях и на некоторых платформах начат пилотный проект по защите от производственного травматизма для работников с новыми формами занятости. К концу июня 2024 года более 8,866 млн человек были охвачены этой системой. Оплата защиты от производственного травматизма напрямую осуществляется платформами, а не работниками [2]. В России до 2023 года платформенные работники не имели полноценного доступа к социальным гарантиям. Также различие состоит в том, что в Китае реализована поэтапная стратегия развития цифровых платформ: от формирования материально-технической базы к росту частных инициатив и инноваций на фоне протекционизма. Государство активно вмешивается в регулирование, внедряя различные меры по защите трудовых прав и проводя пилотные реформы [2]. В России до 2026 года регулирование было фрагментарным, а с октября 2026 г. (после вступления в силу Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ) будет легализована цивилистическая модель платформенной занятости как попытка узаконить устоявшееся status quo.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ платформенной занятости в России и Китае позволяет сделать ряд обобщающих выводов о различиях в подходах к регулированию этого феномена и выявить перспективные направления совершенствования нормативной базы.

Во-первых, ключевые различия кроются в стратегии правового регулирования. Китай реализует поэтапную модель с активным государственным вмешательством на основе рекомендательных документов. В России с 2026 года начался переход к системному регулированию законодательному регулированию отношений в платформенной экономике.

Во-вторых, различаются механизмы защиты прав платформенных занятых. В Китае внедряются поправки в законода-

тельство и рекомендации по поводу условий труда и социального страхования. В России защита прав опирается преимущественно на новые требования к операторам цифровых посреднических (в том числе трудовых) платформ. В-третьих, наблюдаются различия в целях регулирования. Если в КНР законодатель стремится сочетать инновационный рост с социальной стабильностью, используя нормативное регулирование как инструмент поддержки цифровой экономики, то российский законодатель делает упор на упорядочении отношений в платформенной сфере путем введения более жесткого законодательного регулирования на основе цивилистической модели, ориентированной в основном на интересы бизнеса.

Перспективные направления развития правового регулирования платформенной занятости в рамках России и Китая: во-первых, развитие международного сотрудничества и обмен опытом, то есть создание рабочей группы БРИКС+ по вопросам регулирования платформенной занятости для координации подходов и выработке общих решений позволит своевременно реагировать на глобальные вызовы; во-вторых, сближение подходов к правовому регулированию платформенной занятости в России и Китае в направлении постепенного расширения социально-трудовых прав платформенных занятых при учете интересов операторов цифровых трудовых платформ; в-третьих, необходимо инфраструктурное развитие, благодаря чему внедрение стандартов более жесткой защиты персональных данных (в том числе при трансграничной ее передачи) и кибербезопасности убережет платформенных занятых от утечки информации и мошенничества.

Реализация предложенных мер позволит сформировать стабильную систему платформенной занятости, что будет способствовать экономическому росту в цифровом пространстве и повышению социальной защиты платформенных занятых в России и Китае.

Литература

1. Варца Р. А. Сравнительный анализ государственной политики в области развития цифровых платформ в Китайской Народной Республике и Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 272–281.
2. Забелина О. В., Сергеева М. В. Новации зарубежного опыта нормативно-правового регулирования платформенной занятости // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 10. С. 1563–1574.
3. Локтюхина Н. В., Черных Е. А. Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 80–95.

4. Митрясова А. С. Реализация конституционных прав человека в сфере труда в условиях цифровизации экономики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки). Тюмень, 2026. — 24 с.
5. Мотина Е. В., Томашевский К. Л., Чичина Е. В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции. Минск: Амалфея, 2024. — 244 с.
6. Новиков Д. А., Ногайлиева Ф. К. Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 1. С. 247–279.
7. Новиков Д. А. Цифровая трансформация трудовых отношений: правовые вызовы искусственного интеллекта и платформенной занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 4. С. 12–14.
8. Офман Е., Сагандыков М. Цифровые технологии и трудовые отношения: правовое регулирование в России и Китае // BRICS Law Journal. 2023. Т. 10, № 1. С. 126–146.
9. Платформенная занятость в России: динамика распространённости ключевые характеристики занятых: экспертный доклад [Электронный ресурс] / О. В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. унт «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 64 с.
10. Томашевский К. Л., Чичина Е. В. Правовое регулирование платформенной занятости в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Государство и право. 2024. № 12. С. 101–110.
11. Томашевский К. Л., Хасенов М. Х. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования // Правоведение. 2025. Т. 69, № 2. С. 335–350.
12. Чэнь Цзюнь. Наступает эпоха экономики фриланса // Китай. 2021. № 6. С. 36–37.
13. Шестерякова И. В., Шестеряков И. А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайнплатформ в странах БРИКС // Lex russica. 2025. Т. 78, № 5. С. 54–67.
14. Яновская А. А., Романюк Е. В. Развитие платформенной занятости слаботзащищённых категорий граждан на российском рынке труда // Экономика и предпринимательство. 2025. № 5. С. 1444–1449.
15. Cui Yan. Platform Employment in China: Current State and Regulatory Strategies // Социально-трудовые исследования. 2025. Vol. 58, No. 1. Pp. 42–52.
16. Grzebyk P. Chinese approach to platform work — current state of affairs and possible further developments in the labor law of the PRC // Law, Technology and Labour. Vol. 1 of the editorial collection Italian Labour Law e-Studies. Edit. E. Menegatti. — Bologna, 2023. — Pp. 89–103.
17. Lin O., Regulating On-demand Work in China: Just Getting Started? // Industrial Law Journal. June 2022. Vol. 51, No. 2. Pp. 435–463.
18. Wang T., Lee Cooke F., Internet Platform Employment in China: Legal Challenges and Implications for Gig Workers through the Lens of Court Decisions // Industrial Relations. 2021. Vol. 76, No. 3. Pp. 541–564.
19. Zhou I., Digital Labour Platforms and Labour Protection in China, ILO Working Paper 11, 2020. 58 Pp. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@asia/@ro-bangkok/@ilo-beijing/documents/publication/wcms_757923.pdf (date of access: 17.05.2026).

References

1. Varetsa R. A. Comparative Analysis of State Policy in the Development of Digital Platforms in the People's Republic of China and the Russian Federation // State and Municipal Administration. Scholarly Notes. 2025. No. 2. P. 272–281.
2. Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Innovations in Foreign Experience of Legal Regulation of Platform Employment // Economics of Labour. 2024. Vol. 11, No. 10. P. 1563–1574.
3. Loktyukhina N. V., Chernykh E. A. Dynamics and Quality of Platform Employment in the Era of Coronavirus: Challenges for Russia // Living Standards of the Population in Russian Regions. 2020. Vol. 16, No. 4. P. 80–95.
4. Mitryasova A. S. Implementation of constitutional human rights in the sphere of labor in the context of digitalization of the economy: Abstract of Cand. of Law Dissertation: 5.1.2 — public-law (state-law) sciences (legal sciences). Tyumen, 2026. 24 p.
5. Motina E. V., Tomashevsky K. L., Chichina E. V. Legal regulation of atypical forms of employment in the context of digitalization and regional integration. — Minsk: Amalfeya, 2024. 244 p.
6. Novikov D. A., Nogaylieva F. K. Legal Regulation of Platform Employment in BRICS // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18, No. 1. P. 247–279 (in Russ.)

7. Novikov D. A. Digital Transformation of Labour Relations: Legal Challenges of Artificial Intelligence and Platform Employment // Labour Law in Russia and Abroad. 2025. No. 4. P. 12–14.
8. Ofman, E., Sagandykov M. Digital Technologies and Labour Relations: Legal Regulation in Russia and China // BRICS Law Journal. 2023. Vol. 10, No. 1. P. 126–146.
9. Platform Employment in Russia: Dynamics of Prevalence and Key Characteristics of the Employed: Expert Report [Electronic Resource] / O. V. Sinyavskaya [et al.]; National Research University "Higher School of Economics". Electronic text data. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. 64 p.
10. Tomashevski K. L., Chichina E. V. Legal Regulation of Platform Employment in Russia and Abroad: Problems and Prospects // Gosudarstvo i pravo = State and Law. 2024. No. 12. P. 101–110.
11. Tomashevski K. L., Khasenov M. Kh. Work via Digital Employment Platforms: Search for a Model and Prospects for Regulation // Pravovedenie. 2025. Vol. 69, No. 2. — P. 335–350.
12. Cui Yan. Platform Employment in China: Current State and Regulatory Strategies // Social and Labour Research. 2025. Vol. 58, No. 1. P. 42–52.
13. Chen Jun. The Era of Freelance Economy Is Coming // China. 2021. No. 6. P. 36–37.
14. Shesteryakova I. V., Shesteryakov I. A. On the Issue of Legal Regulation of Online Platform Workers' Labour in BRICS Countries // Lex Russica. 2025. Vol. 78, No. 5. P. 54–67.
15. Yanovskaya A. A., Romanyuk E. V. Development of Platform Employment for Vulnerable Categories of Citizens in the Russian Labour Market // Economics and Entrepreneurship. 2025. No. 5. P. 1444–1449.
16. Grzebyk P. Chinese approach to platform work — current state of affairs and possible further developments in the labor law of the PRC // Law, Technology and Labour. Vol. 1 of the editorial collection Italian Labour Law e-Studies. Edit. E. Menegatti. Bologna, 2023. Pp. 89–103.
17. Lin O. Regulating On-demand Work in China: Just Getting Started? // Industrial Law Journal. June 2022. Vol. 51, No. 2. Pp. 435–463.
18. Wang T., Lee Cooke F., Internet Platform Employment in China: Legal Challenges and Implications for Gig Workers through the Lens of Court Decisions // Industrial Relations. 2021. Vol. 76, No. 3. Pp. 541–564.
19. Zhou I. Digital Labour Platforms and Labour Protection in China, ILO Working Paper 11, 2020. 58 Pp. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@asia/@ro-bangkok/@ilo-beijing/documents/publication/wcms_757923.pdf (date of access: 17.05.2026).

Сведения об авторах

Томашевский Кирилл Леонидович — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань. E-mail: k_tomashevski@mail.ru

Бельская Александра Ивановна — юрист, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань. E-mail: sasha.belskaia2005@gmail.com

Information about authors

Tomaszewski Kirill L. — Professor of the Department of Civil and Business Law, Doctor of Law, Professor of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan. E-mail: k_tomashevski@mail.ru

Belskaya Alexandra I. — lawyer, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEUP), Kazan. E-mail: sasha.belskaia2005@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.05.2026

Дата рецензирования / Received: 22.05.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 30.05.2026

Числов А. И.

ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СЛУЖБ МВД РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Настоящая статья является продолжением историко-аналитического обзора автора становления и развития служб системы МВД России, в которой представлена хронологическая классификация служб системы органов внутренних дел Российской Федерации, созданных менее ста лет назад. На основе последовательного рассмотрения 17 специализированных подразделений МВД России (в том числе подразделений по делам несовершеннолетних, контрольно-ревизионной службы, Госавтоинспекции, охранноконвойной службы, органов предварительного следствия, экономической безопасности, собственной безопасности, по контролю за оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму, Национального центрального бюро Интерпола и др.) анализируются особенности их возникновения, нормативно-правового оформления, эволюции компетенции и организационного статуса. Показано, что формирование данных служб обусловлено изменением характера преступности, усложнением общественных отношений, развитием информационных технологий и усилением глобальных угроз. Делается вывод о закономерной тенденции к функциональной специализации правоохранительной деятельности, укреплению ведомственных институтов и адаптации ОВД к современным вызовам, включая экономическую преступность, наркотиризацию общества, киберпреступность и экстремизм. Отмечается значимость полученных выводов для дальнейшего совершенствования правового регулирования и оптимизации структуры МВД России.

Ключевые слова: органы внутренних дел, МВД России, специализированные службы, хронологическая классификация, сравнительно-правовой анализ, правоохранительная деятельность, экономическая преступность, экстремизм, безопасность дорожного движения, контроль за оборотом наркотиков, государственная защита, Интерпол

Для цитирования: Числов А. И. Эволюция специализированных служб МВД России за последние сто лет: организационно-правовой и хронологический аспект // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 67–75. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-67-75

Chislov A. I.

THE EVOLUTION OF SPECIALIZED SERVICES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA OVER THE PAST HUNDRED YEARS: ORGANIZATIONAL, LEGAL AND CHRONOLOGICAL ASPECTS

Abstract. This article is a continuation of the author's historical and analytical review of the formation and development of the services of the Russian Ministry of Internal Affairs system, which presents a chronological classification of the services of the Russian Federation's internal affairs bodies created

67

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

less than a hundred years ago. Based on a consistent review of 17 specialized departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia (including juvenile affairs units, the control and audit Service, the State Traffic Inspectorate, the security and escort Service, preliminary investigation bodies, economic security, personal security, drug trafficking control, counter-extremism, the National Central Bureau of Interpol, etc.), the features of their occurrence are analyzed., regulatory and legal design, evolution of competence and organizational status. It is shown that the formation of these services is due to the changing nature of crime, the increasing complexity of public relations, the development of information technology and the intensification of global threats. It is concluded that there is a natural trend towards the functional specialization of law enforcement, the strengthening of departmental institutions and the adaptation of the Department of Internal Affairs to modern challenges, including economic crime, the drug addiction of society, cybercrime and extremism. The importance of the findings for further improvement of legal regulation and optimization of the structure of the Ministry of Internal Affairs of Russia is noted.

Keywords: internal affairs agencies, the Ministry of Internal Affairs of Russia, specialized services, chronological classification, comparative legal analysis, law enforcement, economic crime, extremism, road safety, drug trafficking control, state protection, Interpol

For citation: Chislov A. I. The Evolution of Specialized Services of the Ministry of Internal Affairs of Russia Over the Past Hundred Years: Organizational, Legal and Chronological Aspects. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 67–75. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-67-75

В системе органов внутренних дел (далее — ОВД) Российской Федерации особый интерес представляют службы, созданные менее ста лет назад, поскольку именно они отражают современные этапы развития правоохранительной деятельности, трансформацию функций государства и адаптацию правоприменительной практики к новым общественным вызовам. Несмотря на сравнительно недавний период существования, многие из этих подразделений уже заняли значимое место в структуре МВД, продемонстрировали высокую эффективность работы и сформировали устойчивую нормативно-правовую базу своей деятельности.

Составление хронологической классификации таких служб позволяет провести сравнительно-правовой анализ их организационного становления, компетенции, результатов служебной деятельности и уровня общественного доверия. Подобное исследование имеет теоретическое и практическое значение, поскольку способствует более глубокому пониманию тенденций развития ОВД, выявлению наиболее результативных управленческих моделей и совершенствованию правового регулирования функционирования ведомственных структур.

1. Подразделения по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) МВД России и Центры временного содержания для несовершеннолетних правона-

рушителей (далее — ЦВСНП) МВД России — 91 год (31 мая 2026 года).

Верхнюю позицию в предлагаемой хронологической классификации делят между собой две службы, которые в системе МВД России имеют общую историю происхождения и отмечают профессиональный праздник в один день.

Датой образования считается 31 мая 1935 года — день принятия совместного постановления Совнаркома СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «О ликвидации детской безнадзорности и преступности» [1, с. 59].

ПДН стали полноценной службой в структуре МВД с собственными штатами, обязанностями и методами работы только после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 года № 5266-IX¹.

Последующее развитие правового регулирования связано с внесением изменений Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 111-ФЗ² в профильное зако-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. № 5266-IX «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних органов внутренних дел и специальных учебно-воспитательных учреждений». [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 08.09.2026 г).

² Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 111-

нодательства и замены формулировки «центры временной изоляции» на «центры временного содержания». Несмотря на формальный характер данной корректировки, она имела существенные организационно-правовые последствия: новое наименование было приведено в соответствие во всей системе ведомственных актов и применено в отношении сети специализированных подразделений МВД России. В дальнейшем указанная терминология сохранялась неизменной и получила устойчивое закрепление в нормативной практике.

В настоящее время в системе МВД России проходят службу около 13,5 тысяч сотрудников ПДН и свыше 1,5 тысяч работников ЦВСНП. Личным составом служб осуществляется профилактическая работа более чем с 98 тысячами несовершеннолетних и 118 тысяч родителей, находящихся в социально неблагополучном положении. Сотрудниками ПДН ежегодно выявляется порядка 700 тысяч административных правонарушений и выносятся свыше 150 тысяч официальных предостережений о недопустимости антиобщественного поведения³.

2. Контрольно-ревизионная служба МВД России — 90 лет (28 апреля 2026 года).

28 апреля 1936 года был издан приказ Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) СССР № 148, на основе которого созданы специальные должности ревизоров для финансового контроля и проведения документальных ревизий денежно-материальных ценностей в органах — в частях, на предприятиях, в хозяйствах и на строительных объектах⁴.

Контрольно-ревизионное управление работает с 1992 года в структуре МВД Рос-

сии как самостоятельная единица системы. Грамотно проведенный финансовый аудит определяет уровень эффективности работы подразделений, служба оценивается финансовые риски и подготавливает рекомендации для более результативного использования бюджетных средств в конкретной ситуации.

3. Подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России — 90 лет (03 июля 2026 года).

03 июля 1936 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 1182 утверждено «Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР». Ранее функции по обеспечению безопасности дорожного движения исполняли обычные участковые [2, с. 4].

В 1969 году были сформированы строевые подразделения дорожного надзора и по организации дорожного движения, ставшие основой для разработки современного облика службы, в том числе для подразделений дорожно-патрульной службы.

На протяжении нескольких десятков лет остро стоял вопрос с наименованием службы. Так, 15 июня 1998 года по указу Президента России Государственную автомобильную инспекцию (далее — ГАИ) переименовали⁵ в Государственную инспекцию по безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД), а 2 июля 2002 года наименования ГАИ и ГИБДД стали равнозначными⁶, то есть оба наименования считались правильными.

Принятый Указ Президента Российской Федерации от 11 февраля 2023 г. № 83⁷

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1998 г. № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12536>

⁶ Указ Президента РФ от 2 июля 2002 г. № 679 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. N 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» и в Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное этим Указом» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 11.02.2023 г. № 83 «О внесении изменений в Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711, Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовое положение о территориальном органе

ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и другие законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2026 г.).

³ 31 мая — День образования в системе органов внутренних дел подразделений по делам несовершеннолетних и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/31-maya-den-obrazovaniya-v-sisteme-organov-vnutrennikh-del-podrazdeleniy-po-delam-nesovershennoletni/> (дата обращения: 08.09.2026 г.).

⁴ 28 апреля — День контрольно-ревизионной службы МВД России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/aktualno/28-aprelya-den-kontrolno-revizionnoy-sluzhby-mvd-rossii/>

не изменил официального наименования службы: Государственная инспекция безопасности дорожного движения продолжает осуществлять деятельность в прежнем правовом статусе в системе МВД России. Сокращенное наименование Госавтоинспекция стали использовать повсеместно, а аббревиатура ГАИ ушла в прошлое.

4. Служба специальных перевозок МВД России — 90 лет (31 декабря 2026 года).

Предком службы является Бюро по планированию перевозок НКВД СССР, образованное приказом НКВД СССР от 31 декабря 1936 года № 528⁸.

В наши дни служба выступает специализированным межведомственным звеном транспортного обеспечения государственной деятельности, реализуя задачи по организации специальных и воинских перевозок не только в интересах ОВД, но и других федеральных органов исполнительной власти, включая Федеральную службу войск национальной гвардии России, Банк России, Федеральную службу безопасности России.

5. Служба по борьбе с экономическими преступлениями МВД России — 89 лет (16 марта 2026 года).

Ведет свою историю с 16 марта 1937 года, когда был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в составе Главного управления милиции Наркомата внутренних дел СССР [3, с. 195].

В 2003 году появилась Федеральная служба по экономическим и налоговым преступлениям МВД России, которая забрала себе функции упраздненной Налоговой полиции. А через 2 года был создан Департамент экономической безопасности МВД России с передачей дополнительно функций по борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Современное Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России действует с 01 марта 2011 года по указу Президента РФ № 248⁹.

Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48905>

⁸ Службе специальных перевозок Министерства внутренних дел исполнилось 85 лет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.rambler.ru/army/47871584-sluzhbe-spetsialnyh-perevozok-ministerstva-vnutrennih-del-ispolnilos-85-let/>

⁹ Указ Президента РФ от 1 марта 2011 года № 248

По данным уголовной статистики МВД России за 11 месяцев 2025 года ущерб от преступлений экономической направленности составил 316,1 млрд рублей. В 2024 году — 295,7 млрд рублей. А за 5 лет (2021 год — ноябрь 2025 года) сумма ущерба составила 1 903,9 млрд рублей [4, с. 8].

Приведенные статистические показатели наглядно свидетельствуют о масштабах общественно опасных последствий экономической преступности и подтверждают, что противодействие ей обоснованно относится к числу приоритетных направлений деятельности МВД России.

6. Охранно-конвойная служба МВД России — 88 лет (13 мая 2026 года).

13 мая 1938 года принят Приказ НКВД СССР № 091, утвердивший Временный устав конвойной службы рабоче-крестьянской милиции и позволивший не только разграничить функции конвойных подразделений внутренних войск и милиции, но значительно улучшить качество охраны арестованных. До создания конвойных подразделений для охраны арестованных в милиции привлекались сотрудники различных учреждений ОВД [5, с. 49].

Мало кто знает, что Федеральная служба исполнения наказаний России была создана только в 2005 году в соответствии с Указом Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1314¹⁰. До этого охраной и конвоированием лиц, совершивших уголовное деяние или административное правонарушение, занимались подразделения системы МВД.

Сотрудники охранно-конвойных подразделений выполняют одну из наиболее ответственных задач в системе МВД России — обеспечение охраны и сопровождения задержанных лиц. Данная служебная деятельность относится к числу наиболее сложных и предъявляет повышенные требования к профессиональной подготовке, дисциплине и психологической устойчивости сотрудников с учетом ее специфических условий. Ключевой задачей службы является своевременное и безопасное доставление содержащихся под стражей лиц к месту назначения с одновременным

«Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 08.09.2026 г).

¹⁰ Указ Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.09.2026 г).

соблюдением установленного режима их содержания, а также предупреждение и пресечение попыток побега, членовредительства, нападений на конвой и иных противоправных действий, включая возможные попытки освобождения конвоируемых третьими лицами.

7. Служба связи МВД России — 77 лет (10 декабря 2026 года).

История службы берет свое начало с приказа МВД СССР от 10 декабря 1949 года № 785 «Об организации комиссии по приемке станционных сооружений Автоматической телефонной станции МВД СССР»¹¹.

Современная служба связи МВД России — это высокотехнологичное подразделение в составе Департамента информационных технологий, связи и защиты информации, обеспечивающая бесперебойную работу зашифрованных каналов, ведомственной сети, современной вычислительной техники, систем связи и беспилотных комплексов.

8. Органы предварительного следствия МВД России — 63 года (06 апреля 2026 года).

6 апреля 1963 года Президиум Верховного Совета СССР подписал указ № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»¹². Этот документ передал следственные функции Министерству охраны общественного порядка, которое позднее было переименовано в МВД СССР, положив начало формированию следственного аппарата ОВД.

В последующем эволюция следственного аппарата ОВД выступила важнейшим фактором укрепления системы уголовного юстиции и повышения результативности деятельности по раскрытию преступлений. В настоящее время органы предварительного следствия занимают центральное место в системе ведомственной правоохранительной деятельности, поскольку именно результаты расследования уголовных дел, их полнота, качество доказательственной базы и обоснованность процессуальных решений во многом определяют

итоговые показатели борьбы с преступностью и уровень реализации принципа неотвратимости ответственности.

9. Служба по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России — 43 года (10 июня 2026 года).

Служба была создана 10 июня 1983 года приказом МВД СССР № 0162 в структуре центрального аппарата Министерства внутренних дел под названием пресс-бюро [6, с. 186].

В наши дни деятельность службы в определенной степени сопоставима с профессией актера: так же требуется умение работать перед аудиторией, грамотно выстраивать подачу информации и учитывать реакцию общества, однако в отличие от сценического искусства здесь решаются не художественные, а государственно значимые задачи — обеспечение достоверного информирования населения, формирование доверия к правоохранительной системе и поддержание общественной стабильности.

Несмотря на менее заметный вклад в борьбу с преступностью, работа службы имеет важное значение в развивающемся обществе, где давно СМИ является пятой властью и из-за популяризации глобальной сети Интернет.

10. Национальное центральное бюро Интерпола МВД России — 36 лет (27 сентября 2026 года).

Международная организация уголовной полиции Интерпол, принимающая участие в борьбе с общеуголовной преступностью, была основана 7 сентября 1923 года. Но СССР стал членом Интерпола только 27 сентября 1990 года на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола в городе Оттаве (Канада). С 1 января 1991 года в структуре МВД СССР начало действовать Национальное центральное бюро (НЦБ) Интерпола¹³.

После распада СССР 26 декабря 1991 года НЦБ Интерпола МВД России стало официальным правопреемником союзного бюро, вступившего в организацию 27 сентября 1990 года. Российское НЦБ приняло на себя функции взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации с Генеральным секретариатом Интерпола и полицией других стран.

Работа службы носит специфический

¹¹ Службе связи МВД России исполняется 75 лет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/sluzhbe-svyazi-mvd-rossii-ispolnyaetsya-75-let/>

¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06 апреля 1963 года № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹³ Интерпол: история создания, состав и задачи организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20130907/961015970.html>

характер и зачастую усложняется не только эволюционированием преступного сообщества, но и военными конфликтами среди стран. Так, в ходе проведения специальной военной операции (далее — СВО) на территории Украины затруднено сотрудничество с некоторыми странами. Хотя можно отметить, что до начала СВО взаимодействие России по каналам Интерпола было на высоком уровне с Украиной, Германией, Польшей, Литвой, Бельгией, США и Чехией. А на данном этапе развития отношения Бельгия и Украина неоднократно ходатайствовали об исключении России из Интерпола. Но в розыске преступников наша страна сотрудничает с 83 странами согласно Устава Интерпола и при исключении пострадают интересы не только нашей страны.

11. Служба по контролю за оборотом наркотиков МВД России — 35 лет (06 декабря 2026 года).

Приказом МВД СССР от 6 декабря 1991 года № 409 образовано Бюро по контролю за незаконным оборотом наркотиков МВД СССР, которое становится самостоятельной отраслевой службой и отправной точкой в истории службы [7, с. 46].

Большая реорганизация системы органов, осуществляющих противодействие преступности в сфере оборота наркотиков, произошла 01 июля 2003 года. Все подразделения по контролю за оборотом наркотиков МВД России упраздняли и был образован Государственный комитет России по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (далее — Госнарконоконтроль России). Но уже в 2004 году произошла новая реформа государственных органов и Госнарконоконтроль России был переименован в Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее — ФСКН России).

Коренным поворотом в реформировании служб по контролю за оборотом наркотиков стало подписание 5 апреля 2016 года Указа Президента Российской Федерации № 156¹⁴ об упразднении ФСКН России после 13 лет успешной деятельности с передачей всех полномочий в МВД России. Так, было сформировано Главное

управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России.

12. Бюро специальных технических мероприятий (далее — БСТМ) МВД России — 34 года (19 октября 2026 года).

В 1992 году приказом МВД России образовано первое подразделение специальных технических мероприятий, что зафиксировано как начало работы современного БСТМ МВД России.

Первоначальной задачей службы являлось обеспечение технической поддержки оперативно-розыскной и следственной деятельности ОВД, прежде всего в сфере высоких технологий и информационного противодействия преступности. При этом в 2023 году в рамках организационных изменений было упразднено управление «К», а его функции и полномочия перераспределены внутри структуры БСТМ МВД России. Следует учитывать, что современная преступность характеризуется высокой динамичностью развития: ежегодно фиксируется рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая так называемые «сотовые» мошенничества. Раскрытие преступлений данной категории имеет специфический характер и отличается повышенной сложностью.

13. Служба дознания МВД России — 34 года (16 октября 2026 года).

16 октября 1992 года в органах внутренних дел на основании приказа МВД России от 16 октября 1992 года № 368 «О мерах по укреплению подразделений дознания и совершенствованию раскрытия преступлений, по которым предварительное следствие не обязательно» созданы специализированные подразделения дознания в составе милиции общественной безопасности. Это и была отправная точка при исчислении дня рождения органов дознания [8, с. 3].

Органы дознания, не являясь структурным элементом системы уголовной юстиции в институциональном смысле, тем не менее вносят существенный вклад в общие результаты раскрытия преступлений и реализацию принципа неотвратимости ответственности. Значительный объем рассматриваемых ими уголовных дел, как правило относящихся к деяниям небольшой и средней тяжести, обуславливает повышенную процессуальную нагрузку на сотрудников, однако именно деятельность дознавателей обеспечивает стабильный прирост показателей привлечения виновных лиц к уголовной ответственности

¹⁴ Указ Президента РФ от 05.04.2016 N 156 (ред. от 02.04.2025) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.09.2026 г)..

и тем самым способствует повышению общей эффективности правоохранительной деятельности в системе МВД России.

14. Служба собственной безопасности МВД России — 31 год (18 декабря 2026 года).

Днем создания считается 18 декабря 1995 года, когда Указом Президента России № 954 было создано Управление собственной безопасности МВД России¹⁵.

В настоящее время служба представляет собой эффективно функционирующую систему, обеспечивающую выявление и нейтрализацию внутренних факторов, способных негативно повлиять на деятельность ОВД. Механизмы ведомственного контроля ориентированы на предупреждение, пресечение и минимизацию рисков неправомерных действий сотрудников, тем самым способствуя поддержанию законности и служебной дисциплины в системе МВД России.

15. Подразделения по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства МВД России — 27 лет (22 июня 2026 года).

Впервые понятие «исполнение административного законодательства» было введено Указом Президента Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации»¹⁶. В утвержденном Положении о милиции общественной безопасности наряду с другими подразделениями, осуществляющими обеспечение общественной безопасности, упоминаются и подразделения по исполнению административного законодательства.

А история самого подразделения начинается с издания приказа МВД России от 22 июня 1999 года № 456 «О мерах по совершенствованию деятельности милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка товаров и услуг»¹⁷.

¹⁵ 18 декабря — День подразделений собственной безопасности МВД РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kcgmvdspb.ru/2023/12/18/18-dekabrja-den-podrazdelenij-sobstvennoj-bezopasnosti-mvd-rf/>

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 08.09.2026 г).

¹⁷ Приказ МВД России от 22 июня 1999 года № 456 «О мерах по совершенствованию деятельности

В последующем развитие нормативно-го регулирования и организационной структуры привело к расширению функционального содержания деятельности указанных подразделений в системе МВД России. В настоящее время они не только осуществляют выявление и пресечение правонарушений в сфере потребительского рынка и административного законодательства, но и выполняют функции централизованного учета и обобщения административных материалов, поступающих от различных служб ОВД. Такая практика обеспечивает их систематизацию, повышает контроль за законностью административного производства и способствует унификации правоприменительной деятельности, что в целом усиливает эффективность реализации административно-юрисдикционных полномочий полиции.

16. Служба по противодействию экстремизму МВД России — 18 лет (06 сентября 2026 года).

Экстремизм на протяжении десятилетий остается одной из наиболее серьезных глобальных угроз, постоянно трансформируясь, приспосабливаясь к современным условиям и расширяя масштабы своего влияния. Его формы становятся все более изощренными, а методы распространения — технологичными, что требует системного и специализированного противодействия на государственном уровне. Именно поэтому в XXI веке возникла объективная необходимость создания в структуре МВД России отдельной службы, сосредоточенной исключительно на выявлении, предупреждении и пресечении экстремистской деятельности. В результате такая служба была образована на основании Указа Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года № 1316¹⁸.

На сегодняшний день личный состав сталкивается с новыми вызовами, включая распространение интернет-экстремизма, деятельность радикальных сообществ в социальных сетях и угрозы международного терроризма. Только за 2025 год установлено и задержано 413 лиц, совершивших преступления террористической направленности, а также 685 лиц, причастных

милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка товаров и услуг» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 08.09.2026 г).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 06 сентября 2008 года № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

к экстремистской деятельности¹⁹. Начиная со второй половины 2022 года сотрудники всех уровней службы принимают активное участие в выполнении служебно-боевых задач в новых субъектах Российской Федерации в рамках СВО на территории Украины. С начала ее проведения реализован комплекс мер по ограничению доступа более чем к 47 тысячам интернет-ресурсов, распространявших противоправную информацию, направленную на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране.

17. Служба по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД России — 18 лет (12 сентября 2026 года).

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» в структуре МВД были созданы не только специализированные подразделения по противодействию экстремизму, отмечающие свой профессиональный праздник 6 сентября, но и подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, которым поручено

¹⁹ 6 сентября — День образования в системе МВД России подразделений по противодействию экстремизму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/6-sentyabrya-den-obrazovaniya-v-sisteme-mvd-rossii-podrazdeleniy-po-protivodeystviyu-ekstremizmu/>

применять меры безопасности для защиты жизни, здоровья и имущества участников уголовного процесса, судей и сотрудников правоохранительных органов.

Фактически указанные подразделения были сформированы 12 сентября на базе расформированных отделов по борьбе с организованной преступностью. В настоящее время они относятся к числу наиболее закрытых структур в системе МВД России: сведения о специфике их деятельности не подлежат публичному распространению, а информация о лицах, находящихся под государственной защитой, отнесена к категории сведений ограниченного доступа в соответствии с законодательством о государственной тайне.

Проведенный сравнительно-правовой анализ служб системы ОВД России, сформированных менее ста лет назад, показывает, что их создание непосредственно связано с развитием государства, изменением общественных отношений и усложнением структуры преступности. Каждое из этих подразделений возникло как ответ на конкретные вызовы времени — от противодействия беспризорности и экономическим правонарушениям до борьбы с современными формами преступности, включая киберугрозы и экстремизм. Это свидетельствует о закономерной эволюции правоохранительной системы в сторону функциональной специализации и адаптации к новым условиям.

Литература

1. Емельянов В. М. История развития подразделений по делам несовершеннолетних (к 90-летию создания службы) // Вестник экономики, управления и права. 2025. № 4 (18). С. 58–63.
2. Назинцева Ю. С., Пантелеев С. И. Этапы создания службы ГАИ — ГИБДД в России и Приморском крае // Электронный журнал E-Scio. 2018. С. 1–6.
3. Нечай С. Л., Нурадинов Ш. М., Бибиев А. Ш. Истоки и генезис подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 193–198.
4. Асадов А. М., Майоров А. В. Ущерб от экономической преступности (обзор показателей статистики по данным МВД России) // Вестник экономики, управления и права. 2025. № 4 (18). С. 5–10.
5. Майоров В. И. Охранно-конвойная служба полиции в России: предпосылки формирования и история развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 47–54.
6. Тюменцев А. Н. Пресс-служба подразделения МВД России — координационный центр сотрудничества со средствами массовой информации и населением // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. — С. 185–189.
7. Морозов А. В., Парфенов А. В., Лапунова Ю. А., Тимонин М. Н. История подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Хронологический справочник памятных дат и событий: справочное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. 164 с.
8. Маков М. А. Создание и развитие службы дознания в органах внутренних дел СССР и Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. С. 1–6.

References

1. Yemelyanov V. M. The history of the development of juvenile affairs units (on the 90th anniversary of the establishment of the service) // Bulletin of Economics, Management and Law. 2025. № 4 (18). Pp. 58–63.
2. Nazintseva Yu.S., Panteleev S. I. The stages of creating the traffic police service in Russia and the Primorsky Territory // Electronic journal E-Scio. — 2018. — pp. 1–6.
3. Nechai S. L., Nuradinov Sh.M., Bibiev A. Sh. The origins and genesis of the economic security and anti-corruption units of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Criminological Journal. — 2025. — No. 4. — pp. 193–198.
4. Asadov A. M., Mayorov A. V. Damage from economic crime (review of statistical indicators according to the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Bulletin of Economics, Management and Law. — 2025. — № 4 (18). — Pp. 5–10.
5. Mayorov V. I. The security and convoy police service in Russia: prerequisites for formation and history of development // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 4 (31). pp. 47–54.
6. Tyumentsev A. N. Press Service of the department of the Ministry of Internal Affairs of Russia — coordination center for cooperation with the media and the public // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2015. — pp. 185–189.
7. Morozov A. V., Parfenov A. V., Lapunova Yu.A., Timonin M. N. History of drug control units. Chronological directory of memorable dates and events: a reference guide. — Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. — 164 p.
8. Makov M. A. Creation and development of the inquiry service in the internal affairs bodies of the USSR and the Russian Federation // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2012. — pp. 1–6.

Сведения об авторе

Числов Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции в отставке, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень. E-mail: 944343@gmail.com.

Information about the author

Chislov Alexander I. — Doctor of Legal Sciences, Professor, Retired Major General of the Militia, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen. E-mail: 944343@gmail.com.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.08.2026

Дата рецензирования / Received: 25.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 28.08.2026

75

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-76-82

УДК 342.922

Данилов Д. В., Котельников М. Г.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СООТВЕТСТВИИ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ОТ 05.04.2013 Г. № 44-ФЗ «О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД» И ЕГО ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Развитие и становление системы государственных закупок неразрывно связывают с инициативой государства, которая выражается в повышении эффективности закупок. В соответствии со ст. 24 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ следует установить, что для результативности законодатель изначально выделил, наряду с конкурентными способами определения поставщика (подрядчика, исполнителя) — единственного поставщика. Отличия Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» реализуются в различных областях. Необходимость совершенствования механизма государственных и муниципальных закупок обусловлена недостатками нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы функционирования государственной контрактной системы и наличием ряда уязвимостей при осуществлении государственных закупок, способствующих ограничению конкуренции, внедрению коррупционных схем, отмене закупок, возникновению штрафов.

Ключевые слова: государственные закупки, недобросовестность, участники закупок, методы проведения закупок, государственные и муниципальные нужды

Для цитирования: Данилов Д. В., Котельников М. Г. Особенности государственных закупок в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2023 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и его практика применения // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 76–82. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-76-82

FEATURES OF STATE PROCUREMENT IN ACCORDANCE WITH FEDERAL LAW NO. 44-FZ OF 05.04.2013 "ON THE CONTRACT SYSTEM IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORK, AND SERVICES FOR THE AFFORDABILITY OF STATE AND MUNICIPAL NEEDS" AND ITS PRACTICAL APPLICATION

Abstract. *The development and establishment of the public procurement system are inextricably linked to the state's initiative, which is manifested in improving the efficiency of procurement. In accordance with Article 24 of Federal Law No. 44FZ dated 05.04.2013, it should be established that, for the sake of effectiveness, the legislator initially distinguished, alongside competitive methods for selecting a supplier (contractor, performer), the option of selecting a single supplier. The differences between Federal Law No. 44FZ dated April 5, 2013, "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs" and Federal Law No. 223FZ dated July 18, 2011, "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities," are implemented in various areas. The need to improve the mechanism of state and municipal procurement is due to the shortcomings of regulatory legal acts regulating the functioning of the state contract system and the presence of a number of vulnerabilities in public procurement, contributing to the restriction of competition, the introduction of corruption schemes, the cancellation of purchases, and the occurrence of fines.*

Keywords: *public procurement, dishonesty, procurement participants, procurement methods, state and municipal needs*

For citation: Danilov D. V., Kotelnikov M. G. Features of State Procurement in Accordance with Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Work, and Services for the Affordability of State and Municipal Needs" and Its Practical Application. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 76–82. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-76-82

На сегодняшний день можно выделить ключевые особенности государственных и муниципальных закупок по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44ФЗ (контрактная система) состоят, прежде всего в области применения и субъектов. Так, Закон регулирует закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд органов власти, бюджетных и автономных учреждений, казённых предприятий и иных заказчиков, указанные в законе. Участниками закупок выступают следующие:

- заказчики,
- поставщики (включая подрядчиков, исполнителей),
- уполномоченные органы (Министерство финансов РФ, контрольные органы),
- единые информационные системы и операторы электронных торговых площадок.

Основными принципами контрактной системы по данному Закону выступают:

- открытость и доступность процедур;
- конкурентность и равные условия для участников;
- эффективность и экономность расходования бюджетных средств;
- планирование закупок и прогнозирование потребностей;
- ответственность и контроль за исполнением контрактов [4, с. 67].

Также определена специфика планирования и формирования требований. Так, определено обязательное формирование планов-графиков закупок и ежегодных планов (включая обоснование необходимости и источники финансирования). В Законе выделено, что требования к содержанию технического задания должны быть конкретны и недискриминационны; запрещены узкие специфи-

кации, ограничивающие конкуренцию. В качестве требований выступает необходимость применения типовых контрактов и форм договоров, предусмотренных законом и подзаконными актами.

Закон четко описывает регулирование процедуры закупок и методы определения поставщика. На сегодняшний день используются различные методы, например, запрос котировок, конкурентные процедуры (конкурс, аукцион), запрос предложений, единственный поставщик, специализированные процедуры для НМЦК и т. д. При этом нормативно определено, что для торгов с использованием электронных площадок обязательна электронная форма (тендерная документация, заявки, протоколы). Законодательно определены пороговые значения и специальные правила для малого объема и меньших закупок.

В Законе определено регулирование использования электронной модели и информационных систем. Так, на сегодняшний день учитывается обязательное использование единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) для размещения информации о закупках, контрактах, планах и прочем. Электронные торговые площадки (ЭТП) используются для проведения большинства конкурентных процедур, что повышает эффективность обмена документами и подписания их в электронном виде. Публикация сведений о закупке, отчетов об исполнении контрактов, реестров недобросовестных поставщиков.

Законодательно определено, что документы, необходимые для обеспечения заявок и контрактов, должны включать требования к обеспечению заявок и контрактов (банковская гарантия, денежное обеспечение) в зависимости от типа процедуры и НМЦК, а также требования к оформлению и объему документации, подтверждающей соответствие требований (сертификаты, лицензии, акты) [5, с. 223].

Законом выделены критерии оценки и отбор. Оценка заявок осуществляется по следующим критериям: цена, срок, качество, дополнительные параметры (надежность, опыт, послужной список). На сегодняшний день допускается возможность использования рейтингов, балльных систем и оценок в соответствии с конкурсной документацией. При этом в Законе описаны ограничения для

аффилированных лиц и недопущение картельных сговоров.

Отдельного внимания требует законодательный подход к контракту в системе государственных и муниципальных закупок, а также специфике его исполнения. Контрактом признается публичный договор с детализированными условиями: предмет, цена, сроки, порядок приемки, форсмажор, ответственность. Контроль за исполнением контракта в области государственных и муниципальных закупок базируется на приемке работ, товаров и услуг посредством анализа актов и документов, подтверждающих выполнение. Дополнительные соглашения и изменения контракта допускаются при ограниченных основаниях и с оформлением в соответствии с 44ФЗ.

Закон представляет основные механизмы ответственности, которые могут быть применены в системе государственных и муниципальных закупок. Так, на сегодняшний день законодательно определены штрафы, неустойки, взыскание обеспечения контракта, включение в реестр недобросовестных поставщиков. Очень важными для практики являются законодательно определенные варианты несения ответственности заказчика за нарушения процедур (включая риск признания закупки недействительной).

Контроль и надзор в Законе описан как со стороны заказчика (внутренний), так и со стороны контрольно-надзорных органов (внешний). К последним относятся, например, правоохранительные органы, Счетная палата, органы финансового контроля. С точки зрения контроля и надзора очень важно обеспечение прозрачности, которое определено посредством организации доступа к протоколам, жалоб участников через Федеральную антимонопольную службу (ФАС) и порядка их рассмотрения [3, с. 195].

Закон рассматривает и вопросы поддержки малого и среднего бизнеса, социальные меры. Можно указать на квоты, преференции и специальные меры для субъектов малого и среднего предпринимательства (на уровне планирования и допуска к отдельным процедурам). Также на сегодняшний день определены специальные требования по социальным закупкам и учёту социального эффекта.

На основании Закона можно представить исключения и единичные случаи

в процессе реализации государственных и муниципальных закупок. Так, определен порядок закупок у единственного поставщика или без проведения конкурса в исключительных ситуациях (чрезвычайные ситуации, отсутствие конкурентов и т. п.) с обязательным обоснованием. Также огромное значение имеют упрощенные процедуры для малых закупок и срочных приобретений (в рамках установленных лимитов).

Практика применения закона позволила определить практические риски и проблемные зоны в сфере организации государственных и муниципальных закупок. К ним можно отнести риск формализма при подготовке документации и ограничение конкуренции из-за чрезмерно детализированных требований, технические и организационные проблемы при переходе на электронные процедуры, неоднородность практики применения норм на региональном уровне и необходимость квалифицированного правового сопровождения.

Исследуя практику, необходимо выделить, что при применении Федерального закона № 44-ФЗ экономическая эффективность полностью оправдана, если, конечно, учитывать только процедуры закупок, а не единственного поставщика. В ряде случаев закупка у одного поставщика оправдывает цели и средства, например, заказчик является исполнителем по государственному (оборонному) заказу и конкретный поставщик согласен в сжатые сроки поставить необходимый товар, проведя заказчиком анализ было установлено, что предлагаемая цена контракта является оптимальной, для недопущения срыва срока исполнения заказа, используя соответствующий пункт статьи 93 Федерального закона № 44-ФЗ, заказчик осуществляет закупку у единственного поставщика. С его точки зрения такая закупка считается экономически эффективней, нежели проведение процедуры, поскольку существуют риски срыва срока исполнения основного заказа или заключение контракта не по самой оптимальной цене.

Риск срыва размещения заказа, в случае, когда не удалось заключить контракт по причине отсутствия заявок от поставщиков, на практике осуществляется если НМЦК (начальная максимальная цена контракта) оказалась непривлекательной для участника или в проекте контракта

установлены невыполнимые требования. Однако в действительности существуют случаи, когда заказчик проводит закупку в рамках исполнения государственного контракта и в документации устанавливает сроки поставки, при этом участник подает заявку, в которой среди текста дополнительным условием устанавливает больший срок поставки. Соответственно встает вопрос, допустить ли подобную заявку или отклонить. Решение по каждому отдельному случаю определяется комиссией и законодательством [1, с. 45].

Риск заключения неэффективного контракта возможен и тогда, когда контракт был заключен по завышенной (по сравнению со среднерыночной ценой) цене. Также существует риск завышения НМЦК заказчиком, это обычно происходит, когда коммерческие предложения дает по факту один поставщик только при помощи трех разных фирм, принадлежащих ему, или в другой ситуации, когда все поставщики при даче коммерческих искусственно завышают цены для обеспечения их рисков и для возможности снижения цены в процедуре закупки, а в результате на закупку выходит один участник, с которым заключается договор по НМЦК.

Несомненно, главной задачей заказчика является заключение взаимовыгодного контракта, однако перед этим необходимо провести процедуру закупки, соблюдая все установленные законом правила. Довольно часто в научной литературе рассматривается практика описания объекта закупки, в которой, например, обсуждается вопрос — вправе ли заказчик указывать конкретные показатели при описании объекта закупки, несмотря на расширенные диапазоны соответствующих ГОСТов. Однако проведя обзор судебной практики все становится очевидным — в постановлении шестнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 30.07.2015 было отменено решение Арбитражного суда Ставропольского края от 06.02.2015 по делу № А63–11154/2014 о признании незаконным решения и предписания антимонопольного органа, установившего нарушение заказчиком порядка описания объекта закупки путем установления диапазона товара меньше, чем это предусмотрено ГОСТами.

В практическом отношении документация о закупке, в части требований

к товарам (материалам) не должна содержать требования, не позволяющие указать в заявке на участие в закупке значения характеристик таких товаров (материалов), одновременно соответствующих требованиям технического задания документации о закупке и значениям, предусмотренным, например, ГОСТ. В подтверждение указанного факта стоит привести доводы комиссии Федеральной антимонопольной службы России по контролю в сфере закупок — на основании пункта 2 части 15 статьи 99 Федерального закона № 44-ФЗ проведена внеплановая проверка по обращению заявителя, который, в частности, приводил доводы, согласно которым заказчиком в документации об аукционе неправомерно установлены показатели технических характеристик товаров, которые не соответствуют положениям ГОСТ.

Стоит обратить внимание на тот факт, что с принятием Федерального закона № 504-ФЗ от 31 декабря 2017 года из п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона № 44-ФЗ исчезла фраза о том, что описание объекта закупки должно носить объективный характер. Тем не менее, указано условие о том, что «в описании объекта закупки указываются функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики», становится понятно, что излагать требования к объекту необходимо таким образом, чтобы формулировку могли однозначно трактовать любые лица.

Еще одним интересным моментом в практике — это применение субподряда, который выражается в привлечении исполнителем по контракту третьих лиц, с согласия заказчика естественно. Необходимо обозначить, что согласно Гражданского кодекса Российской Федерации, субподряд относится к договору подряда. Тем не менее, законодатель, в сфере закупок, устанавливает субподряд в качестве привлечения соисполнителей по договорам и на поставку товара, оказание услуг, выполнение работ.

Согласно ч. 5 ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ: «При исполнении контракта не допускается перемена поставщика (подрядчика, исполнителя), за исключением случая, если новый поставщик (подрядчик, исполнитель) является правопреемником поставщика (подрядчика, исполнителя) по такому контракту

вследствие реорганизации юридического лица в форме преобразования, слияния или присоединения»¹. Предполагается, что смена поставщика/подрядчика/исполнителя не допустима, за исключением случаев, установленных законом.

Позиция Министерства финансов РФ такова, что необходимо ограничить уступку прав требования. В письме Минфина России от 21.07.2017 № 09-04-04/46799 «О санкционировании оплаты денежных обязательств по договору цессии» разъясняется, что из содержания положений ст. 24 и ст. 103 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, ст. 38, ч. 3 ст. 219 Бюджетного кодекса Российской Федерации следует, что личность поставщика (подрядчика, исполнителя) по контракту имеет существенное значение для государственного заказчика, значит, при отсутствии согласия должника на уступку права требования по контракту договор цессии в части уступки права требования по такому контракту противоречит нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации и является недействительной (ничтожной) сделкой. Однако данное письмо признано недействующим со дня издания Решения ВС РФ от 23.04.2019 № АКПИ19-112, обосновав это тем, что «с 1 июня 2018 г. вступила в силу новая редакция пункта 7 статьи 448 ГК РФ, в соответствии с которой победитель торгов вправе уступать требования по денежному обязательству (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ)» [2, с. 28].

Соответственно цессия обеспечивает юридическую возможность изменения состава участников обязательственного правоотношения при сохранении в неизменности его предмета и содержания.

В Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ довольно часто вносятся изменения, в связи с чем возникает вопрос о моменте, определяющем применение к конкретной закупочной процедуре законодательства о контрактной системе в определенной редакции.

Пункт 1 статьи 4 ГК РФ устанавливает, что акты гражданского законодательства

¹ О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ: принят Гос. Думой 08 мая 2005 г.: (ред. от 02.07.2013). — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025). — Текст: электронный.

не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие².

При принятии Закона № 44-ФЗ часть 1 статьи 112 определила момент, с наступлением которого связано применение его норм, — первое публичное размещение юридически значимой информации о начале процедуры закупки: закон применяется к отношениям, связанным с осуществлением закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, извещения об осуществлении которых размещены в единой информационной системе в сфере закупок (далее — единая информационная система) или на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; либо приглашения принять участие, которые направлены после дня вступления в силу данного Федерального закона.

Представляется недопустимым распространять вновь принятые нормы права, устанавливающие отличия от существовавших ранее норм правила поведения, на существующие отношения, в связи с чем момент отсечения «старого» законодательства, определяемый

первым публичным размещением юридически значимой информации о начале процедуры закупки, в наибольшей степени учитывает баланс интересов всех участников процедур закупки.

С одной стороны, к этому моменту участники закупки не успели бы совершить действия и понести затраты, связанные с подготовлением к участию в процедурах закупки. С другой стороны, усилия и затраты, совершенные публичным заказчиком, хотя и имеют стоимостную оценку, но по логике закупочных процедур не должны получить существенное выражение.

Проблемным при проведении торгов остаётся вопрос о возможности описания объекта закупки не непосредственно в документации, а при помощи ссылок на сайты в сети Интернет. Имеющаяся практика подтверждает, что органы Федеральной антимонопольной службы считают отсылочный способ описания объекта закупки в документации неправомерным.

Важным инструментом, позволяющим повысить эффективность государственных закупок и снизить коррупционные тенденции, является организация открытой системы конкурентного отбора предложений поставщиков товаров, работ и услуг, и оперативной системы мониторинга выполнения контрактов. Таким образом, создание конкурентной и прозрачной среды в области государственных и муниципальных закупок — одна из главнейших задач сегодняшнего времени.

² О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд (вместе с «Положением об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд»): Указ Президента Российской Федерации от 08.04.1997 № 305. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025). — Текст: электронный.

Литература

1. Маннапов, Р. Г. Современное развитие системы управления регионом: методология, инструментарий, механизмы: монография / Р. Г. Маннапов, Л. Г. Ахтариева; под науч. ред. Р. Г. Маннапова. — Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2022. — 221 с.
2. Матвеева Н. С. Ответственность государственного заказчика и поставщика при исполнении государственного контракта / Н. С. Матвеева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2022. — № 1. — С. 28–32.
3. Мироненко Г. А. Становление государственного заказа в России / Г. А. Мироненко // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». — 2025. — № 1. — С. 193–199.
4. Федина Л. М. Прогрессивные изменения в правовом регулировании системы государственных (муниципальных) закупок. Правовой анализ и перспективы развития / Л. М. Федина // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 3 (207). — С. 67–70.
5. Хатунцев О. А. Контрактная система государственных закупок / О. А. Хатунцев // Проблемы экономики и юридической практики — 2022. — № 2. — С. 221–224.

References

1. Mannapov, R. G. Modern Development of the Regional Management System: Methodology, Tools, Mechanisms: a monograph / R. G. Mannapov, L. G. Akhtarieva; edited by R. G. Mannapov. — Ufa: Ufa State Academy of Economics and Service, 2022. — 221 p.
2. Matveeva N. S. Responsibility of the State Customer and the Supplier in the Execution of a State Contract / N. S. Matveeva // Penal System: Law, Economics, Management. — 2022. — No. 1. — Pp. 28–32.
3. Mironenko G. A. The Development of State Ordering in Russia / G. A. Mironenko // The International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral". — 2025. — No. 1. — Pp. 193–199.
4. Fedina L. M. Progressive Changes in the Legal Regulation of the Public (Municipal) Procurement System. Legal Analysis and Development Prospects / L. M. Fedina // Law and State: Theory and Practice. — 2022. — No. 3 (207). — Pp. 67–70.
5. Khatuntsev O. A. Contract System of Public Procurement / O. A. Khatuntsev // Problems of Economics and Legal Practice. — 2022. — No. 2. — Pp. 221–224.

Сведения об авторах

Данилов Д. В. — адвокат, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». Челябинск. E-mail: denisdanilov@inbox.ru

Котельников М. Г. — кандидат юридических наук, адвокат, заслуженный юрист России, эксперт Общественной палаты Челябинской области. Челябинск.

Information about the authors

Danilov D. V. — lawyer, senior lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk. E-mail: denisdanilov@inbox.ru

Kotelnikov M. G. — Candidate of Legal Sciences, lawyer, Honoured Lawyer of Russia, expert of the Public Chamber of the Chelyabinsk Region. Chelyabinsk.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Мехдиева Н. Г.

ГОСУДАРСТВО КАК НАСЛЕДНИК ПО ЗАКОНУ

Аннотация. Наследственное право развивается с учетом экономических и социальных потребностей для общества в целом. Наследование по закону является наиболее востребованным наследованием в отличие от наследования по завещанию и наследственному договору. При определенных жизненных обстоятельствах случается, что у наследодателя нет наследников по завещанию и отсутствуют наследники по закону. При таком стечении обстоятельств Российская Федерация принимает на себя обязанность по принятию имущества которое осталось без наследников. Данная тема является актуальной и преследует цель в кратком обзоре выморочного имущества.

Ключевые слова: выморочное имущество, мор, безхозное имущество, наследование по закону

Для цитирования: Мехдиева Н. Г. Государство как наследник по закону // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 83–85. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-83-85

Mehdiyeva N. G.

STATE AS AN HEIR BY LAW

Abstract. The law of inheritance is developing taking into account the economic and social needs of society as a whole. Inheritance by law is the most popular form of inheritance, as opposed to inheritance by will and inheritance by inheritance contract. In certain circumstances, it may happen that the testator has no heirs by will and no heirs by law. In such cases, the Russian Federation assumes the responsibility of accepting the property that has no heirs. This topic is relevant and aims to provide a brief overview of the inheritance of forfeited property.

Keywords: devised property, pestilence, abandoned property, inheritance by law

For citation: Mehdiyeva N. G. State as an Heir by Law. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 83–85. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-83-85

Развитие наследственного права обусловливает создание органов по контролю наследственного имущества оставшегося без наследников. Отечественное законодательство четко устанавливает основания выморочного имущества, причины выморочного имущества, контроль и надзор выморочным имуществом.

Понятие выморочного имущества происходит от слова «мор», означающий отсутствие наследников ни по закону ни по завещанию. Отечественное законодательство устанавливает нормы на основании которых наследование выморочного имущества устраняет неопределенность в субъекте права, исключает бесхозность наследственного

имущества и ее нежелательных последствий [2].

Выморочное имущество берет свое начало в римском праве, а именно в период правления Юстиниана, при отсутствии родственников или супруга наследодателя, то имущество считалось выморочным и первоначально наследство как бесхозное мог захватить в собственность на правах наследника всякий. Позднее в период принципата было установлено, что выморочное имущество принадлежит фиску. Таким правом наделялись церковь и монастырь. Свод законов Российской империи определял, что имущество считается выморочным, если в течении 10 лет имущество не приняли наследники. Когда

погибал офицер, то имущество переходило в госпиталь, имущество монахов переходило в церковь, имущество горожанина переходило в казну [1].

Декретом от 22.05.1922 г. «Об основных имущественных правах признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» институт наследования был введен вновь. Наследственное законодательство имело ограниченный характер, круг лиц, которые могли наследовать должны иметь близкую родственную связь. Однако иждивенцы наследодателя признавались первоочередными и при отсутствии супруга и детей наследодателя устраняли трудоспособных родителей, братьев и сестер наследодателя. При отсутствии наследников по закону наследственное имущество переходило к государству как выморочное.[1]

Принятая ГК РСФСР 1964 г., определила понятие, право наследования государством, а именно: отсутствии наследников по закону и по завещанию, если наследники лишены права наследования, если имеется отказ наследников от наследства, в ст. 532 ГК РСФСР¹.

Весьма огромный вклад в современное наследственное право внес принятый Гражданский Кодекс ч. 3 ГК РФ от 26.11.2001 года № 146 ФЗ., при котором введена в действие ст. 1151 «Выморочное имущество», очередность и круг наследников по закону значительно расширилась с четырех, до восьми очередей. При отсутствии наследников по закону, предусмотренных настоящим кодексом, имущество наследодателя признается выморочным. Отечественное законодательство, предусматривает увеличение очередности наследников, да бы сократить наследственное имущество, как выморочное.

В ряде случаев, предусмотренных законом, имущество умершего считается выморочным и переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации [3].

Имущество считается выморочным:

- 1) при отсутствии наследников как по закону, так и по завещанию;
- 2) никто из наследников не имеет права наследовать;
- 3) все наследники отстранены от наследования;

4) никто из наследников не принял наследства;

5) все наследники отказались от наследства, и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника п. 1 ст. 1151 ГК РФ².

Отечественное законодательство устанавливает, при наследовании по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района или муниципального городского округа, переходит выморочное имущество, находящееся на данной местности. К ним можно отнести: жилое помещение; земельный участок в том числе расположенные на нем постройки; доля в праве долевой собственности на жилое помещение и земельный участок. При нахождении указанной выше недвижимости в городах федерального значения, а именно Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, они передаются в собственность такого субъекта Российской Федерации. Жилое помещение вносится в жилищный фонд социального использования. Иное недвижимое имущество признанное выморочным передается в собственность Российской Федерации на основании наследования по закону ст. 1151 ГК РФ³.

Выморочным может быть не все имущество наследодателя, а определенная его часть. При отсутствии наследников по закону, а завещана только часть имущества, то выморочным является та часть имущества, которая не охвачена завещанием [1].

На основании п. 3 ст. 1162 ГК РФ⁴, нотариусом или должностным лицом уполномоченным совершать нотариальные действия, выдается свидетельство о праве на наследство Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию. В соответствии с п. 3 ст. 1151 ГК РФ до принятия закона, который определяет порядок наследования и учет выморочного имущества

² Гражданский Кодекс Российской Федерации. Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения 20.04.2026. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/b1eb518de03f10ae323b0d7cc7c648c1a15dd2da/

³ Гражданский Кодекс Российской Федерации. Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения 20.04.2026. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/b1eb518de03f10ae323b0d7cc7c648c1a15dd2da/

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения: 11.04.2026 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/b1eb518de03f10ae323b0d7cc7c648c1a15dd2da/

¹ Гражданский кодекс РСФСР 1964. Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения 20.04.2026. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/

переходящего по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи в собственность субъектов или муниципальных образований Российской Федерации, при рассмотрении судами дел о наследовании от имени Российской Федерации является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом — Росимущество⁵. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 года № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуще-

ством», п. 5.35 Федеральное агентство по управлению государственным имуществом принимает имущество обращенное в собственность Российской Федерации, а так же выморочное имущество, переходящего в порядке наследования в собственность Российской Федерации⁶.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Публично — правые образования не имеет необходимости принимать выморочное имущество и не могут отказаться от имущества признанного выморочным [2].

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения: 22.03.2026 г. www.consultant.ru/document.

⁶ Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 года № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом». Консультант плюс. Электронный ресурс, дата обращения: 23.06.2026 г. www.consultant.ru/document.

Литература

1. Курбанов Р. А., Шведкова О. В. Наследственное право учебник. М.: Проспект. 2022. 300 с.
2. Степанов С. А. Комментарий к ГК РФ. М.: Проспект. 2022. 1800 с.
3. Суханов. Е. А. Гражданское право: Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. М., 2000. 1900 с.

Reference

1. Kurbanov R. A., Shvedkova O. V. Inheritance Law Textbook. M.: Prospekt. 2022. P. 198
2. Stepanov S. A. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. M.: Prospekt. 2022. P. 1648.
3. Sukhanov. E. A. Civil Law: Volume 2: Property Law. Inheritance Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights. M.: Wolters Kluwer. 2008. P. 496

Сведения об авторе

Мехдиева Наида Гаджимурадовна — аспирант 4 года обучения Калмыцкого государственного университета, Элиста. E-mail: mehdievanaida@mail.ru

Information about the Author

Mehdieva Naida G. — 4th-year postgraduate student at Kalmyk State University, Elista. E-mail: mehdievanaida@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Смолин Д. В.

АВТОРСКОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ПРАВ НА СГЕНЕРИРОВАННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы правового регулирования авторского права на сгенерированные с использованием искусственного интеллекта музыкальные произведения. Проводится анализ теоретико-правовых аспектов признания авторства, возможные варианты и подходы к регулированию прав на музыкальные произведения, сгенерированные искусственным интеллектом. Внимание уделяется вопросу правосубъектности искусственного интеллекта, действующему законодательству Российской Федерации и опыту стран СНГ. Рассматриваются лицензионные соглашения сервисов по генерации музыкальных произведений в сети «Интернет» как возможный способ правового закрепления результатов интеллектуальной деятельности, полученных при помощи и участия искусственного интеллекта.

Цель статьи — поиск ответа на вопрос о том, может ли искусственный интеллект иметь авторские имущественные и неимущественные права, и кто на самом деле должен считаться правообладателем.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, сгенерированное музыкальное произведение, интеллектуальная собственность, лицензионный договор, правосубъектность

Для цитирования: Смолин Д. В. Авторское право в эпоху искусственного интеллекта: проблемы признания прав на сгенерированное музыкальное произведение // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 86–91. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-86-91

Smolin D. V.

COPYRIGHT IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ISSUES IN RECOGNIZING RIGHTS TO AI-GENERATED MUSICAL WORKS

Abstract. The article discusses controversial issues of the legal regulation of copyright for music works generated using artificial intelligence. The article analyzes the theoretical and legal aspects of authorship recognition, possible options and approaches to regulating the rights to musical works generated by artificial intelligence. Attention is paid to the issue of the legal personality of artificial intelligence, the current legislation of the Russian Federation and the experience of the CIS countries. The licensing agreements of services for the generation of musical works on the Internet are considered as a possible way to legally consolidate the results of intellectual activity obtained with the help and participation of artificial intelligence.

The purpose of the article is to find an answer to the question of whether artificial intelligence can have copyright and non-property rights, and who should actually be considered the copyright holder.

Keywords: copyright, artificial intelligence, generated music, intellectual property, license agreement, legal personality.

В общепринятом понимании музыкальное произведение принято рассматривать как, некий результат, итог творческой деятельности, который выражается в структурированной совокупности определенных звуков, обладающих художественной ценностью.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК РФ), а именно ст. 1259¹, в музыкальном произведении присутствует, либо отсутствует стихотворный текст. Тем не менее, данная часть музыкального произведения в «стихах» также относится к объектам авторского права, поскольку является результатом интеллектуальной деятельности поэта, чьи стихи положены на музыку.

Стоит выделить несколько признаков музыкального произведения:

1) сохранность творческого взаимодействия, означающая, что в своем содержании музыкальное произведение должно отличаться оригинальностью и совокупностью творческой деятельности автора;

2) выражение в виде объективной формы. Музыкальное произведение, должно быть выражено, зафиксировано в какой-либо объективной форме, которая позволит идентифицировать объект интеллектуальной деятельности;

3) эстетический аспект, состоящий в том, что музыкальное произведение выражается через психоэмоциональное состояние, невербальные чувства, предназначенные для восприятия.

Искусственный интеллект, представляет собой совокупность информационных технологий, в том числе цифровых, позволяющих решить на основе тех или иных систем задачи, связанные с возможностью решить их преимущественно на уровне человеческого интеллекта [1].

В Российской Федерации в научной среде активно обсуждается вопрос о необходимости принятия федерального закона, благодаря которому произошло бы закрепление правового статуса искусственного интеллекта (далее — ИИ) в сфере авторского права.

Так, в своей работе Васильева А. С. подмечает, что современное правовое регулирование не предусматривает возможности признания ИИ в качестве автора, даже не смотря на его возможности создавать объекты, которые обладают признаками оригинальности и новизны [2]. Схожую позицию занимает Данилов Д. Б. и Петров И. В. в работе «Искусственный интеллект в науке: вызовы для авторского права и интеллектуальной собственности» в которой указывают на необходимость разработки новых юридических инструментов и рамок для регулирования отношений, связанных с использованием ИИ в творческой деятельности [3].

В дополнение к вышесказанному Арзуманян А. Б. в работе «Авторство на объекты, созданные при помощи искусственного интеллекта: Опыт России и иностранных государств» отмечает, что в настоящее время вопрос об авторстве на объекты, сгенерированные системами и сервисами ИИ, остается открытым, и в свою очередь необходимо дополнить действующие нормы об интеллектуальной собственности специальными правилами о статусе таких объектов [4].

Определенную особенность данная задача приобретает в вопросе разработки механизма правового регулирования авторских прав в условиях стремительного развития технологий и систем ИИ.

Использование ИИ для определения, решения и обозначения творческих задач при создании, музыкальных и иных произведений, ставит перед участниками правоотношений в авторском праве, такие ключевые вопросы как:

1. Можно ли расценивать генерацию музыкальных произведений ИИ «произведениями искусства», т. е. объектами авторского права?

2. Кто на самом деле будет являться автором при генерации таких произведений?

3. Каким образом необходимо осуществлять защиту исключительных и смежных прав на итоговые результаты такой генерации?

В ходе формирования и развития технологий искусственного интеллекта в сфере авторского права, условно можно выделить два типа систем ИИ.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. 13.06.2023 с изм. и доп., вступ. В силу с 29.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (часть 1) | ИПС КонсультантПлюс.

Первый тип заключается в том, что ИИ выступает как инструмент, позволяющий автору использовать его [5]. Исходя из запросов автора формирует ответ. В таком случае основной запрос и идею, которую будет рассматривать и генерировать ИИ, формирует человек, что и говорит о том, что конечный результат будет признаваться именно за человеком.

Второй тип, обрабатывает первичный запрос автора-человека, и на основе самообучающейся базы данных, в автономном режиме формирует результат. При этом проблема заключается в том, что формирование такого результата может осуществляться ИИ без участия человека. Большинство нейросетей имеют структуру самообучения, тем самым, участие человека во многих вопросах отходит на второй план.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует какое-либо регулирование вопросов авторских прав на произведения, созданные ИИ. Но стоит отметить, что к подобным вопросам можно использовать аналогии права и законодательства.

Например, аналогией закона может выступать правовой режим произведений, созданных по заказу или в соавторстве, где творческий вклад разных участников создания произведения фиксируется и распределяется, такой подход можно сопоставить с ситуацией, когда ИИ используется как инструмент, а ключевую роль играет автор идеи.

В данном случае аналогией права выступают принципы охраны результатов интеллектуальной деятельности и справедливого распределения прав.

Исходя из статьи 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, творческим трудом которого достигнут определенный результат. Норма показывает необходимость наличия творческой деятельности физического лица как обусловленного условия для возникновения авторских прав.

Для сравнения: аналогичный подход используется и в законодательстве зарубежных стран, например, в Республике Беларусь (далее — РБ), в ст. 8 Закона РБ от 17 мая 2011 г. № 262–3 «Об авторском праве и смежных правах» закреплена следующая презумпция авторства на произведение: «При отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на экземпляре произведения».

Ввиду отсутствия правосубъектности у ИИ данный подход является в настоящее время наиболее распространенным среди ученых-юристов.

В статье Р. И. Дремлюги и О. А. Дремлюги «Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против» рассматриваются различные подходы к вопросу о правосубъектности ИИ. Авторы отмечают, что, несмотря на наличие аргументов в пользу признания ИИ субъектом права, в настоящее время не обладают достаточным сходством с человеком, чтобы обосновать моральную или юридическую обязанность присваивать им правосубъектность [6]. Сам по себе ИИ (система ИИ) не может быть признан субъектом авторского права. Искусственный интеллект не обладает собственной волей из чего следует, что он не может самостоятельно распоряжаться субъективными правами.

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» подмечает, что «право авторства является личным неимущественным правом, которое неотделимо от личности автора», что также подтверждает вышеприведенные тезисы.

Отсутствует в российском праве прямого регулирования вопросов защиты исключительных и смежных прав на музыкальные произведения, которые были созданы с использованием ИИ создает трудности в правоприменительной практике.

Поскольку согласно ст. 1228 ГК РФ автором признается лишь тот гражданин, творческим трудом которого создано музыкальное произведение, то из толкования данной нормы права следует, что, когда система ИИ (нейросеть) полностью самостоятельно генерирует музыкальное произведение, без какого-либо участия человека, тем самым отсутствует субъект, способный претендовать на авторские права, а также и на их защиту.

В тоже время, есть возможность использования различных подходов в зависимости от степени участия человека в процессе создания произведения. Если ИИ используется как инструмент, который всего лишь обрабатывает запросы, но основная идея сформирована человеком, то автором можно считать именно того, кто использовал ИИ в качестве вспомогательного инструмента [7].

В таком случае защита исключительных и смежных прав будет осуществляться в уже установленном порядке, а именно возникает возможность истребования компенсаций за нарушение, подача иска о пресечении нарушения, обращение в специальные инстанции с требованием о блокировке нелегального контента и использование технических средств защиты [8].

Когда же ИИ действует автономно, то есть самостоятельно формирует музыкальное произведение без участия человека, возникает правовая неопределенность. Как ранее отмечалось, ИИ не обладает правосубъективностью, волей и намерением, что делает невозможным признание его автором или правообладателем. В таких случаях возникает невозможность регулирования авторских прав в первичном понимании, однако следует рассмотреть вопрос компенсирования за счет договорных и технических механизмов. Например, заключить лицензионное соглашение между автором-пользователем и разработчиком системы ИИ, где будет урегулирован вопрос принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности и генерации. Также, в пользовательских соглашениях платформ по генерации музыкальных произведений можно указывать, что все создаваемые результаты принадлежат пользователю, что позволит обеспечить правовую защиту.

Например, в условиях использования платформы «Aiode» пользователям предоставляются неисключительные права на использование, модификацию и распространение сгенерированных аудиофайлов, включая коммерческое использование, при этом все права на сами алгоритмы создания таких аудиофайлов остаются за разработчиками [9].

Похожая практика применяется на платформе «Ai Sing Generator» где пользователи получают полные и бессрочные права собственности на все музыкальные произведения, созданные с помощью ИИ, что позволяет им свободно использовать кон-

тент как в личных, так и в коммерческих целях².

Исходя из вышеуказанного, правовая система Российской Федерации, пока не обладают универсальными и закрепленными правовыми механизмами для охраны исключительных и смежных прав на музыкальное произведение сгенерированные ИИ, выстроились лишь стратегические направления развития искусственного интеллекта которые раскрываются в Указе Президента Российской от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в данном указе были определены цели и задачи государственной политики в сфере ИИ, включая правовые и этические условия для его внедрения³.

Проблематика кроется в отсутствии правосубъектности у ИИ, так и в невозможности определить автора в традиционном смысле этого слова⁴. До внесения изменений в действующее законодательство, разумным решением могло бы стать использование договорных конструкций и закрепление прав на результат за автором — инициатором, сформулировавшим ИИ запрос на генерацию музыкального произведения. При всем при этом необходимым шагом со стороны государства и научного сообщества будет является разработка и внедрение правовых механизмов, закрепляющих особый правовой режим для результатов, созданных с участием ИИ, тем самым обеспечив баланс интересов всех заинтересованных сторон.

² Aiode. Условия использования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aiode.com/terms-of-service/>, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 02.06.2025.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>, свободный. — Загл. с экрана. Дата обращения: 02.06.2025.

⁴ AI Song Generator. Коммерческая лицензия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aisonggenerator.io/commercial-license/>, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 02.06.2025.

Литература

1. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 6(32). С. 1094–1099.
2. Васильева А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 107–116.
3. Данилов Д. Б., Петров И. В. Искусственный интеллект в науке: вызовы для авторского права и интеллектуальной собственности // Философия права. 2024.

- № 1. С. 124–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-nauke-vyzovy-dlya-avtorskogo-prava-i-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 02.06.2025).
4. Арзуманян А. Б. Авторство на объекты, созданные при помощи искусственного интеллекта: опыт России и иностранных государств // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 4. С. 23–31.
5. Хисамова, З. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2019. № 2(10). С. 19
6. Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Вестник университета. — 2020. — № 3. — С. 156–160. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-subekt-prava-argumenty-za-i-protiv> (дата обращения: 02.06.2025).
7. Кулаков А. С. О интеллектуальных правах на результат деятельности нейросети // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 4 (80). — С. 194–197.
8. Петров А. С. Авторские права на материалы, сгенерированные нейросетью // Моя профессиональная карьера. 2023. № 47 (2). С. 348–351.
9. Алексеев С. С. Право: Азбука — Теория — Философия. Опыт комплексного исследования. — М., 1999. — 712 с.
10. Aiode. Условия использования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aiode.com/terms-of-service/>, свободный. — Загл. с экрана. Дата обращения: 02.06.2025.
11. AI Song Generator. Коммерческая лицензия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aisonggenerator.io/commercial-license/>, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 02.06.2025.

References

1. Minbaleev A. V. Ponyatie «iskusstvennyy intellekt» v prave // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2022. № 6(32). S. 1094–1099.
2. Vasilyeva A. S. K voprosu o nalichii avtorskikh prav u iskusstvennogo intellekta // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. Dekabr 2022. Vyp. 4 (38). S. 107–116.
3. Danilov D. B., Petrov I. V. Iskusstvennyy intellekt v nauke: vyzovy dlya avtorskogo prava i intellektualnoy sobstvennosti // Filosofiya prava. 2024. № 1. S. 124–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-nauke-vyzovy-dlya-avtorskogo-prava-i-intellektualnoy-sobstvennosti> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
4. Arzumanyan A. B. Avtorstvo na obekty, sozdannye pri pomoshchi iskusstvennogo intellekta: opyt Rossii i inostrannykh gosudarstv // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. 2023. T. 10, № 4. S. 23–31.
5. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta // Baikal Research Journal. 2019. № 2(10). S. 19.
6. Dremlyuga R. I., Dremlyuga O. A. Iskusstvennyy intellekt — subekt prava: argumenty za i protiv // Vestnik universiteta. 2020. № 3. S. 156–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-subekt-prava-argumenty-za-i-protiv> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
7. Kulakov A. S. O intellektualnykh pravakh na rezultat deyatel'nosti neyroseti // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. 2023. № 4 (80). S. 194–197.
8. Petrov A. S. Avtorskie prava na materialy, sgenerirovannye neyrosetyu // Moya professional'naya karera. 2023. № 47 (2). S. 348–351.
9. Alekseev S. S. Pravo: Azbuka — Teoriya — Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999. 712 s.
10. Aiode. Usloviya ispolzovaniya [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://aiode.com/terms-of-service/> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
11. AI Song Generator. Kommercheskaya litsenziya [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://aisonggenerator.io/commercial-license/> (data obrashcheniya: 02.06.2025).

Сведения об авторе

Смолин Д. В. — аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП). г. Казань. E-mail: Smolin.99@mail.ru

Научный руководитель

Томашевский Кирилл Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

Information about the author

Smolin D. V. — PhD student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML). Kazan. E-mail: Smolin.99@mail.ru

Scientific supervisor

Tomashevski Kirill L. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law at Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Якупов В. Р.

К ВОПРОСУ О ВОЗЛОЖЕНИИ ПО ДОГОВОРАМ АРЕНДЫ И БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ УСЛУГИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ, ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ РАСХОДОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОМЕЩЕНИЙ ЭТИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности возложения на арендаторов/ссудополучателей как лиц, оказывающих муниципальным образовательным учреждениям услуги по организации питания учащихся, расходов по содержанию переданных во владение и (или) пользование помещений (зданий) и оборудования, закрепленных за этими учреждениями на праве оперативного управления. В процессе исследования выявлена коллизия между гражданским законодательством и законодательством об образовании применительно к решению указанного вопроса. Отдельное внимание уделено анализу актуальной судебной практики, сформировавшейся по данной проблеме. Автор приходит к выводу о невозможности использования диспозитивных норм гражданского договора для перераспределения бремени содержания муниципального имущества, используемого для организации питания обучающихся муниципальных образовательных организаций. В статье предлагаются изменения в гражданское законодательство для преодоления указанной коллизии.

Ключевые слова: договор аренды, договор безвозмездного пользования, организация питания учащихся, муниципальные образовательные организации, бремя содержания имущества, свобода договора, правовая коллизия

Для цитирования: Якупов В. Р. К вопросу о возложении по договорам аренды и безвозмездного пользования на лиц, оказывающих муниципальным образовательным учреждениям услуги по организации питания учащихся, обязанности по возмещению расходов, связанных с использованием помещений этих учреждений // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 92–99. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-92-99

Yakupov V. R.

ON THE ISSUE OF IMPOSING, UNDER LEASE AND GRATUITOUS USE AGREEMENTS, ON PERSONS PROVIDING MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS WITH SERVICES FOR ORGANIZING MEALS FOR STUDENTS, THE OBLIGATION TO REIMBURSE EXPENSES ASSOCIATED WITH THE USE OF THE PREMISES OF THESE INSTITUTIONS

Abstract. *This article examines the possibility of imposing on tenants/borrowers, as entities providing student meals services to municipal educational institutions, the costs of maintaining premises (buildings) and equipment transferred into their possession and/or use, assigned to these institutions under operational management. The study identified a conflict between civil law and educational law in relation to this issue. Particular attention is paid to the analysis of current judicial practice on this issue. The author concludes that it is impossible to use the discretionary provisions of civil contract law to redistribute the burden of maintaining municipal property used to provide meals to students at municipal educational institutions. The article proposes amendments to civil law to overcome this conflict.*

Keywords: *lease agreement, gratuitous use agreement, organization of student meals, municipal educational organizations, burden of property maintenance, freedom of contract, legal conflict*

For citation: Yakupov V. R. On the issue of Imposing, Under Lease and Gratuitous Use Agreements, on Persons Providing Municipal Educational Institutions with Services for Organizing Meals for Students, the Obligation to Reimburse Expenses Associated with the Use of the Premises of These Institutions. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 92–99. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-92-99

В силу ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) обязанность по организации питания обучающихся возложена на организации, осуществляющие образовательную деятельность (для целей настоящей статьи понятия «организация, осуществляющая образовательную деятельность», «образовательное учреждение» и «образовательная организация» рассматриваются как синонимичные). При этом в п. 6.6 Методических рекомендаций по организации исполнения органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и образовательными организациями требований нормативных правовых актов при обеспечении и организации питания в общеобразовательных организациях (письмо Минпросвещения России от 26.01.2026 N ИШ-121/04) (далее — Методические рекомендации по организации питания) определены две формы организации питания обучающихся: 1) самосто-

ятельно образовательной организацией (за счет ее штатных сотрудников); 2) предприятиями общественного питания, выполняющими услугу по организации питания по договору (форма передачи функции организации питания сторонней организации — аутсорсинг). В ситуации, если муниципальной образовательной организацией была выбрана вторая из указанных форм организации питания обучающихся, возникает вопрос, можно ли по договору аренды / безвозмездного пользования возложить на привлеченное лицо (арендатора / ссудополучателя) расходы, связанные с использованием передаваемых последнему помещений для организации питания обучающихся. На этот, при первом приближении несложный, вопрос в законодательстве существует, как представляется, противоречивый ответ.

С одной стороны, если обратиться к гражданскому законодательству, ответ на поставленный вопрос будет положительным. В соответствии со ст. 695 ГК РФ ссудополучатель обязан поддерживать

93

Частно-правовые
(цивилистические) науки

вещь, полученную в безвозмездное пользование, в исправном состоянии, включая осуществление текущего и капитального ремонта, и нести все расходы на ее содержание, если иное не предусмотрено договором безвозмездного пользования [3; 5]. Как отмечено в п. 2 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 N 98 «Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации», несение обществом расходов на содержание имущества и поддержание его в исправном состоянии, включая осуществление текущего ремонта, является исполнением обязательств ссудополучателя, предусмотренных ст. 695 ГК РФ; выполнение данных обязанностей не свидетельствует о возмездности самого пользования, поскольку собственник данного имущества фактически не получает встречного предоставления за переданное ссудополучателю право пользования помещениями. Соответственно, в безвозмездном договоре ссуды возложение на ссудополучателя расходов на содержание переданной в пользование вещи не расценивается в качестве встречного предоставления (платы) и является совершенно нормальной (основанной на буквальном толковании закона) практикой.

Применительно к договору аренды можно отметить как очевидную особенность (взимание платы за пользование арендованным имуществом, что невозможно по договору ссуды), так и реализацию на уровне законодательства похожего подхода к распределению бремени по содержанию имущества: находящейся в п. 2 ст. 616 ГК РФ диспозитивной нормой именно на арендатора возложена обязанность поддерживать арендованное имущество в исправном состоянии, производить за его (арендатора) счет текущий ремонт и нести расходы на содержание такого имущества. [1; 2]

Более того, согласно абз. 4 п. 6 ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — ФЗ «О некоммерческих организациях») в случае сдачи в аренду с согласия учредителя недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением, финансовое обеспечение содержания такого имущества учредителем не осуществляется. Точно такое же правило зафиксировано в ч. 3 ст. 4 Федерального

закона от 03.11.2006 N 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее — ФЗ «Об автономных учреждениях») для решения вопроса о финансировании учредителем имущества (недвижимого и особо ценного движимого), закрепленного за автономным учреждением и сданного последним в аренду. То есть, законодательно для учредителя установлен прямой запрет на финансирование переданного в аренду недвижимого имущества, закрепленного за бюджетным / автономным учреждением, что свидетельствует в пользу фактической необходимости возложения арендодателем (муниципальной образовательной организацией) на арендатора (стороннюю организацию, индивидуального предпринимателя) расходов на содержание арендованного имущества.

С другой стороны, если обратиться к законодательству об образовании, ответ на поставленный вопрос будет получен противоположный. К полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов в сфере образования относятся организация предоставления общедоступного и бесплатного общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях, а также обеспечение содержания зданий и сооружений муниципальных образовательных учреждений (п. п. 1 и 5 ч. 1 ст. 9 Закона об образовании)

В соответствии с п. 15 ч. 3 ст. 28 Закона об образовании организации питания обучающихся — вопрос, относящийся к компетенции образовательной организации. Как указывалось выше, исполнение обязанности образовательного учреждения по организации питания обучающихся осуществляется в двух возможных формах: собственными силами и с привлечением другого лица (сторонней организации, индивидуального предпринимателя).

Согласно методическим рекомендациям по организации питания:

- «Питание детей в общеобразовательных учреждениях организуется для всех обучающихся (независимо от источника его финансирования) и предусматривает в обязательном порядке наличие горячего питания ...»;
- «Организация питания — это комплекс мероприятий, проводимых исполнителями услуги по организации здорового питания обучаю-

- щихся ... непосредственно в столовых образовательных учреждений. Мероприятия по организации питания включают ... содержание помещений, содержание, ремонт и обслуживание оборудования, ...»;
- «обеспечение питанием всех обучающихся, в том числе горячим питанием, — деятельность учредителей общеобразовательных организаций по созданию кадровых, финансовых, материально-технических и иных условий для здорового питания обучающихся ... Обеспечение питанием включает создание объектов питания, их реконструкцию, капитальный ремонт, материально-техническое обеспечение, ... содержания пищеблоков ... своевременную оплату указанных видов расходов за счет средств соответствующего бюджета.»;
 - «Органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в соответствии со статьей 78.1. Бюджетного Кодекса Российской Федерации устанавливаются порядок определения объема и условий предоставления субсидий для ... кадрового, финансового и материально-технического обеспечения создания условий для здорового питания всех обучающихся ...»;
 - «К основным видам затрат, учитываемых при формировании базового норматива затрат на услуги общественного питания, рекомендуется относить:
- ...
на оснащение пищеблоков столовых спецодеждой, столовой, кухонной посудой и кухонным инвентарем;
на ремонт и техническое обслуживание технологического оборудования;
...
затраты на оснащение пищеблоков столовых оборудованием, мебелью и их замену исходя из сроков эксплуатации»;
- «Целесообразно устанавливать соответствующие виды субсидий на оказание государственных (муниципальных) услуг в сфере общественного питания в общеобразовательных организациях ... в соответствии с абзацем второго пункта 1 статьи 78.1. Бюджетного кодекса Российской Федерации

(субсидии на иные цели) в целях обеспечения осуществления контроля за использованием учреждениями бюджетных средств, учитывая, что субсидия на финансовое обеспечение выполнения государственного задания предоставляется учреждению общей суммой (без детализации направлений ее расходования).».

Анализ текста Методических рекомендаций по организации питания (а значит, официальной позиции Минпросвещения России) позволяет сделать ряд значимых для настоящего исследования выводов. Во-первых, организация питания в общеобразовательных учреждениях осуществляется непосредственно для всех обучающихся на территории столовых этих учреждений. Во-вторых, обеспечение питанием обучающихся общеобразовательных организаций относится к деятельности учредителей этих организаций по созданию кадровых, финансовых, материально-технических и иных условий для здорового питания обучающихся. В-третьих, к затратам по организации питания в общеобразовательных учреждениях относятся, в том числе, содержание и ремонт помещений столовых, оснащение пищеблоков столовых оборудованием, посудой, мебелью и их замену, содержание, ремонт и обслуживание оборудования. В-четвертых, расходы на обеспечение питанием обучающихся общеобразовательных организаций (в том числе на содержание помещений столовых и оборудования) осуществляется за счет бюджетных средств (предоставления субсидий органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления).

Таким образом, можно констатировать два противоположных подхода к ответу на вопрос о возможности возложения на арендатора / ссудополучателя расходов по содержанию переданного по договору аренды / безвозмездного пользования имущества муниципальной образовательной организации, используемого для организации питания учащихся: 1) возможность возложения рассматриваемых расходов в соответствии с диспозитивными нормами гражданского законодательства, закрепляющими свободу усмотрения сторон договора аренды / ссуды; 2) невозможность такого возложения в силу императивных норм законодательства об образовании, определяющих бюджетное

финансирование расходов муниципальных образовательных учреждений на организацию питания детей (и в том числе расходов на содержание используемых для этих целей помещений / зданий и оборудования). Разрешение обозначенной коллизии представляется проблемной задачей [4].

С одной стороны, договорные отношения между арендодателем (ссудодателем) и арендатором (ссудополучателем) — это отношения гражданско-правовые. Соответственно, при первом приближении, приоритет должен отдаваться нормам ГК РФ: в силу абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ.

С другой стороны, обеспечение учащихся образовательных учреждений питанием — неотъемлемый элемент образовательного процесса, а значит, организация питания обучающихся относится к образовательным отношениям. В ч. 5 ст. 4 Закона об образовании указано, что в случае несоответствия норм, регулирующих отношения в сфере образования и содержащихся в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, правовых актах органов местного самоуправления, нормам Закона об образовании применяются нормы Закона об образовании, если иное не установлено Законом об образовании.

Представляется, императивные нормы законодательства об образовании (особенно в столь значимом вопросе, как обеспечение питанием детей в детских садах и школах) обладают приоритетом над диспозитивными нормами гражданского договорного права. Такой вывод подкрепляется позицией Верховного Суда РФ:

«...Специальным законом, регулирующим общественные отношения, возникающие в сфере образования, и устанавливающим правовые, организационные и экономические основы образования в Российской Федерации, общие правила функционирования системы образования и осуществления образовательной деятельности, определяющим правовое положение участников отношений в сфере образования, является ... Закон об образовании...»

Специальные нормы, регулирующие вопросы организации питания и обеспечения питанием лиц, обучающихся в образовательных организациях, и определяю-

щие полномочия соответствующих органов по данным вопросам, содержатся в статье 37 Закона об образовании.

Поскольку положениями указанной статьи полномочия по организации питания возложены на образовательные учреждения, ... вопросы организации питания в муниципальных образовательных учреждениях, учредителями которых являются органы местного самоуправления, как обязательный элемент образовательного процесса, относятся к вопросам местного значения...

...расходы, связанные с содержанием зданий и оплатой коммунальных услуг в муниципальных образовательных организациях несут органы местного самоуправления, являющиеся учредителями образовательных учреждений, следовательно, отсутствуют правовые основания возложения на иных лиц, привлекаемых к организации питания воспитанников образовательного учреждения, обязанности возмещать расходы, связанные с использованием помещений образовательного учреждения в названных целях...

...Федеральные предписания допускают организацию питания ... посредством заключения контрактов с лицами, осуществляющими данный вид деятельности, предметом которого является обеспечение питанием обучающихся, с передачей таким лицам в безвозмездное пользование объектов муниципального имущества, закрепленного за образовательными учреждениями на праве оперативного управления, и необходимого для исполнения контракта.

Финансирование образовательного процесса в муниципальных образовательных учреждениях, включая организацию питания детей, как неотъемлемой части этого процесса, осуществляется за счет средств регионального и местного бюджетов в рамках выполнения муниципального задания ...

Отсутствие (недостаточность) средств местного бюджета, закладываемых в финансирование выполнения муниципальными образовательными учреждениями муниципального задания в части возмещения потребленных коммунальных и иных услуг не может служить поводом для того чтобы переложить обязанности возмещения таких расходов на организации, привлекаемые в установленном порядке к организации питания детей.

Ссылки в апелляционных жалобах и представлении на нормы гражданского

законодательства, возлагающего на ссудополучателя по договору безвозмездного пользования имуществом обязанность поддержания полученной вещи в исправном состоянии, включая осуществление ее текущего и капитального ремонта, несение всех расходов на ее содержание (статья 695 Гражданского кодекса Российской Федерации), Судебная коллегия признает несостоятельными, поскольку не регулируют отношения в сфере организации питания детей в образовательных учреждениях. ...» (апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 24.07.2019 N 16-АПА19-8).

Аналогичная правовая позиция изложена в следующих судебных актах: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.02.2026 № Ф07-13067/2025 по делу № А56-21105/2025, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.07.2025 № Ф08-2710/2025 по делу № А53-15864/2023, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.06.2024 N Ф08-3716/2024 по делу № А53-17155/2023 (правомерность позиции суда подтверждена определением Верховного Суда РФ от 25.11.2024 N 308-ЭС24-17649 по делу № А53-17155/2023), решение Арбитражного суда Ростовской области от 02.02.2026 по делу № А53-16496/2025, решение Арбитражного суда Чувашской Республики — Чувашии от 15.01.2025 по делу № А79-8852/2023, решение Арбитражного суда Московской области от 16.08.2024 по делу № А41-12236/2024, решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.05.2023 по делу № А32-61432/2022.

Соответственно, в рамках анализируемой проблемы вопрос о бремени содержания имущества не может быть решен посредством диспозитивных норм гражданского договорного права. В контексте обозначенной коллизии между нормами гражданского законодательства и законодательства об образовании специальным законом Верховный Суд РФ признал Закон об образовании, а значит, именно последний в рассматриваемом вопросе обладает приоритетом. Финансовое обеспечение образовательного процесса в муниципальных образовательных учреждениях, в том числе организация питания учащихся как неотъемлемого элемента этого процесса, а значит, и содержания находящихся в муниципальной собственности помещений

(зданий) и оборудования, используемых при оказании услуг по организации питания детей, осуществляется за счет бюджетных средств (регионального и местного бюджетов). Попытки переложить бремя содержания закрепленного за муниципальными образовательными организациями имущества на лиц, оказывающих им услуги по организации питания обучающихся, приводят на практике к следующим последствиям:

1) договоры аренды помещений и оборудования, заключенные между школами (детскими садами) и субъектами, привлеченными для организации питания детей, признаются судами ничтожными следками. В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Согласно п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 N 25 (далее — ППВС РФ от 23.06.2015 N 25) сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы. По договору аренды за владение и (или) пользование помещением (зданием) и / или оборудованием взимается плата, при этом отсутствуют правовые основания для возложения на лиц, привлекаемых к организации питания обучающихся муниципального образовательного учреждения, обязанности возмещать расходы, связанные с использованием в указанных целях помещений (зданий) и / или оборудования образовательного учреждения;

2) положения договоров безвозмездного пользования, возлагающие на ссудополучателя (лицо, привлекаемое для оказания услуг по организации питания учащихся) обязанности несения расходов по содержанию имущества муниципального образовательного учреждения, в том числе эксплуатационные и коммунальные расходы (затраты на электроэнергию, теплоснабжение, холодное и горячее водоснабжение, водоотведение, вывоз мусора), обязанности возмещения ссудодателю (муниципальной образовательной ор-

ганизации) уплаченных им налога на имущество организаций и земельного налога, признаются правоприменителем ничтожными по тем же основаниям (п. 2 ст. 168 ГК РФ, п. 75 ППВС РФ от 23.06.2015 N 25);

3) требования арендодателя / ссудодателя (муниципального образовательного учреждения) о взыскании задолженности по арендной плате / о возмещении расходов по оплате коммунальных и эксплуатационных услуг, налога на имущество организаций судами отклоняются как основанные на ничтожных сделках;

4) понесенные арендатором / ссудополучателем (лицом, оказывающим муниципальной образовательной организации услуги по организации питания обучающихся) расходы по арендной плате / по оплате коммунальных и эксплуатационных услуг, налога на имущество организаций подлежат взысканию в качестве неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1102 ГК РФ);

5) возникают ситуации, при которых содержание помещений (зданий) и оборудования, закрепленных за детскими садами / школами на праве оперативного управления и используемых при организации питания детей, никак не финансируется. Учредители муниципальных образовательных организаций, буквально руководствуясь предписаниями абз. 4 п. 6 ст. 9.2 ФЗ «О некоммерческих организациях» и ч. 3 ст. 4 ФЗ «Об автономных учреждениях», не закладывают средств на финансовое обеспечение переданного в аренду муниципального имущества. При этом по закону на арендаторов не может быть возложена обязанность по несению расходов на содержание используемого при организации питания учащихся муниципального имущества: как было указано выше, взыскать такие расходы по суду невозможно, а понесенные арендатором расходы взыскиваются с общеобразовательного учреждения в качестве неосновательного обогащения.

Таким образом, можно прийти к заключению о существовании императивного запрета на возложение на третьих лиц расходов по содержанию помещений (зданий)

и оборудования, переданных муниципальными образовательными учреждениями этим третьим лицам для оказания услуг по организации питания учащихся. На основании такого заключения можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, муниципальное образовательное учреждение (заказчик) во исполнение муниципального контракта на оказание услуг по организации питания учащихся может передавать исполнителю (лицу, привлекаемому для оказания услуг по организации питания обучающихся) объекты муниципального имущества (помещения / здания, оборудование), закрепленного за учреждением на праве оперативного управления и необходимого для исполнения контракта, исключительно в безвозмездное пользование. Договор аренды в этом контексте будет являться ничтожной сделкой. Во-вторых, на исполнителя (ссудополучателя) вопреки положениям ст. 695 ГК РФ не допускается возложение обязанности по несению расходов на содержание переданного в безвозмездное пользование муниципального имущества (помещений / зданий, оборудования). Нарушение указанного запрета повлечет ничтожность такого соглашения. В-третьих, в этой связи представляется целесообразным скорректировать содержание ст. 695 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Ссудополучатель обязан поддерживать вещь, полученную в безвозмездное пользование, в исправном состоянии, включая осуществление текущего и капитального ремонта, и нести все расходы на ее содержание, если иное не предусмотрено законом или договором безвозмездного пользования.». Это позволит снять коллизию между гражданским законодательством и законодательством об образовании в вопросе о возможности возложения по договору безвозмездного пользования на ссудополучателя (лицо, оказывающее услуги по организации питания учащихся) расходов, связанных с использованием передаваемых ему ссудодателем (муниципальным образовательным учреждением) помещений и / или оборудования для организации питания обучающихся.

Литература

1. Вавилин Е. В. Содержание договора аренды: арендная плата и пользование арендованным имуществом // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3(79). С. 60–64. EDN NZSCEH.
2. Маштаков И. В. Некоторые особенности в обязательствах сторон по договору аренды // Jus Strictum. 2025. № 1. С. 31–39. DOI 10.18323/3034-2945-2025-1-60-4.

3. Микрюков, В. А. Пробелы и аналогии в правовом регулировании безвозмездного пользования имуществом / В. А. Микрюков // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1(104). С. 3–11.
4. Михеева, Л. Ю. Примат ГК над иными законами: значение абз. 2 п. 2 ст. 3 Кодекса / Л. Ю. Михеева // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24, № 6. С. 30–52. DOI 10.24031/1992-2043-2024-24-6-30-52.
5. Синюкова, М. А. Право пользования имуществом в договорных обязательствах // Юрист. 2017. № 6. С. 21–25.

References

1. Vavilin E. V. Contents of the lease agreement: rent and use of the leased property. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. 2011. No. 3 (79). Pp. 60–64.
2. Mashtakov, I. V. Some Features in the Obligations of the Parties under a Lease Agreement. *Jus Strictum*. 2025. No. 1. Pp. 31–39. DOI 10.18323/3034-2945-2025-1-60-4.
3. Mikryukov V. A. Gaps and Analogies in the Legal Regulation of the Gratuitous Use of Property. *Bulletin of Arbitration Practice*. 2023. No. 1(104). P. 3–11.
4. Mikheeva L. Yu. Primacy of the Civil Code over other laws: the meaning of paragraph 2 of clause 2 of Article 3 of the Code. *Bulletin of Civil Law*. 2024. Vol. 24, No. 6. P. 30–52. DOI 10.24031/1992-2043-2024-24-6-30-52.
5. Sinyukova M. A. Right to use property in contractual obligations. *Jurist*. 2017. No. 6. P. 21–25.

Сведения об авторе

Якупов В. Р. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва. E-mail: yakupov555@mail.ru

Information about the author

Yakupov V. R. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. E-mail: yakupov555@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 10.09.2026

Дата рецензирования / Received: 13.09.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.09.2026

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

УДК 343.9:008+719

Майоров А. В.

ФЕНОМЕН РЕЙДЕРСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен рейдерства применительно к объектам культурного наследия как самостоятельная криминологическая и социокультурная проблема. Отмечается, что если традиционное рейдерство связано с захватом предприятий, то в сфере культуры оно приобретает специфические формы: вытеснение общественных музеев, оспаривание прав на исторические здания, «легализация» незаконной приватизации памятников через судебные механизмы, а также прямое физическое завладение культурными ценностями. Автор анализирует как «легальные», квазиправовые формы рейдерства, так и его насильственные проявления, включая вооружённые нападения на музеи и политически мотивированное завладение археологическим наследием. Делается вывод о необходимости разграничения рейдерства в сфере культуры и смежных явлений — «предации наследия» и военных преступлений против культурных ценностей. Вносит предложение о понятии рейдерства в сфере культурных ценностей, под которым предлагает понимать совокупность противоправных и (или) формально законных действий, направленных на установление контроля над объектами культурного наследия, коллекциями или произведениями искусства вопреки воле правообладателя и в ущерб общественным интересам, совершаемых с использованием юридических, административных, силовых и коррупционных механизмов.

Ключевые слова: культурные ценности, рейдерский захват, социальное управление, криминологическая характеристика, этнокультурная идентичность, правовая защита, рейдерство, культурное наследие, предача наследия, криминология культуры, охрана культурного наследия

Для цитирования: Майоров А. В. Феномен рейдерства в сфере культурных ценностей // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 100–108. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

100

Mayorov A. V.

THE PHENOMENON OF CORPORATE RAIDING IN THE SPHERE OF CULTURAL ASSETS

Abstract. The article examines the phenomenon of corporate raiding (hostile takeovers) as applied to cultural heritage sites, treating it as a distinct criminological and sociocultural issue. It notes that while traditional raiding involves the takeover of business enterprises, in the cultural sphere it assumes specific forms: the displacement of public museums, challenges to ownership rights over historic buildings, the “legalization” of the illicit privatization of monuments through judicial mechanisms, and the direct physical seizure of cultural assets. The author analyzes both “legal” or quasi-legal forms of raiding and its violent manifestations, including armed attacks on museums and the politically motivated seizure of archaeological heritage. The article concludes that it is neces-

sary to distinguish raiding in the cultural sphere from related phenomena such as “heritage predation” and war crimes against cultural property. It proposes a definition of raiding in the sphere of cultural assets as a set of unlawful and/or formally legal actions aimed at establishing control over cultural heritage sites, collections, or works of art — against the will of the rights holder and to the detriment of the public interest — carried out using legal, administrative, coercive, and corrupt mechanisms.

Keywords: cultural assets, hostile takeover, social management, criminological characteristics, ethnocultural identity, legal protection, raiding, cultural heritage, heritage predation, cultural criminology, cultural heritage preservation

For citation: Mayorov A. V. The Phenomenon of Corporate Raiding in the Sphere of Cultural Assets. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 100–108. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-100-108

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что культурные ценности выступают неотъемлемым элементом национальной безопасности и социальной устойчивости. Культурные ценности народов представляют собой уникальное достояние, формирующее этнокультурную идентичность, историческую память и духовный потенциал нации. В этой связи культурные ценности находятся под охраной государства от всевозможных видов преступного посягательства.

В зарубежной литературе можно встретить такие виды преступлений как *Art Crime* — «преступления в сфере искусства», которые включают кражу, подделку, вандализм, незаконные раскопки и вывоз древностей [1; 2], а также *Heritage Crime* — «преступления против наследия», которые наносят вред, не только объектам, но и их ценности для нынешних и будущих поколений [3; 5; 7]. Сюда относится широкий спектр преступных действий, способных привести к повреждению объектов, представляющих историческую ценность, и к безвозвратной утрате наследия (умышленное повреждение имущества / нанесение граффити, незаконный поиск с металлоискателем; кража металла, исторических или культурных артефактов и предметов искусства, поджог, самовольная застройка или земляные работы, повреждение транспортными средствами и др.)¹.

Отечественные ученые рассматривают охрану культурного наследия через анализ преступлений против культурных ценностей, при этом российское уголовное законодательство содержит ряд норм, направленных на регулирование общественных отношений в данной сфере.

¹ См.: <https://www.dorset.police.uk/police-forces/dorset-police/areas/campaigns/campaigns/heritage-crime/> (дата обращения: 26.08.2026).

Однако в современном мире культурные ценности все чаще становятся объектом противоправных посягательств, принимающих форму рейдерских захватов. Речь идет о захвате/присвоении объектов культурного наследия, произведений искусства, музейных коллекций, храмовых ценностей с использованием юридических, силовых и коррупционных механизмов — то есть по схеме, типологически близкой к рейдерству. Данное явление выходит за рамки традиционного понимания рейдерства как экономического преступления, приобретая ярко выраженный социокультурный характер.

Термин «рейдерство» вошел в российский публичный и научный оборот в 1990-е — 2000-е годы для описания практик недружественного поглощения предприятий, нередко сопряженных с подделкой документов, корпоративными конфликтами и использованием административного ресурса [9; 10]. Однако постепенно исследователи и практики начали фиксировать перенос рейдерских технологий в принципиально иную сферу — культуру и охрану наследия. Здесь объектом посягательства становятся не производственные активы, а исторические здания, музейные коллекции, архивы и даже нематериальные ценности, связанные с идентичностью сообществ.

Безусловно, актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в России и странах постсоветского пространства накоплен значительный эмпирический материал, свидетельствующий о систематическом использовании юридических и административных инструментов для вытеснения общественных организаций из исторических зданий и завладения культурными ценностями. Во-вторых, на глобальном уровне наблюдается рост насильственных посягательств

на музеи, что меняет криминологический профиль преступности в сфере культуры. В-третьих, международное право постепенно формирует нормативную рамку для квалификации подобных деяний, однако «мирное» рейдерство остается в значительной степени вне поля уголовно-правового реагирования.

Рейдерство как социальный феномен и его криминологическая характеристика

Исследование рейдерства как социального феномена позволяет выделить его причины, механизмы и последствия. Л. А. Скиданова в своих работах акцентирует внимание на социальных причинах возникновения рейдерства в России, а также на особенностях менталитета российского общества, способствующих формированию и разрастанию этого явления [13]. В этом контексте рейдерство предстает не просто как экономическое преступление, а как сложный социальный конструкт, укорененный в определенных общественных отношениях и ценностных установках.

Так, В. М. Кочедыкова в своей работе выделяет факторы, детерминирующие рейдерскую деятельность, среди которых: «несовершенство правовой системы, коррупционные проявления, экономическая нестабильность, а также особенности правосознания и правовой культуры населения» [10, с. 367]. Особого внимания заслуживает вывод указанного автора о том, что «рейдерство требует внимательного изучения, поскольку оно не только угрожает отдельным предприятиям, но и ставит под опасность устойчивость всей экономики страны» [8, с. 51].

Применительно к культурным ценностям, к указанным факторам добавляются специфические обстоятельства:

- 1) отсутствие эффективной системы учета и мониторинга культурных ценностей, особенно в труднодоступных регионах;
- 2) низкая правовая грамотность представителей малочисленных народов в вопросах защиты своих культурных прав;
- 3) коррупционная составляющая, позволяющая оформлять права на культурные объекты через подложные документы;
- 4) несовершенство законодательства о культурных ценностях, создающее препоны для противоправных действий [12].

Понятие рейдерства в сфере культуры: попытка концептуализации

Классическое рейдерство предполагает завладение контролем над юридическим лицом или его активами вопреки воле

собственника. Перенос этого понятия в сферу культуры требует уточнения, поскольку культурные институции часто имеют некоммерческий статус, а их «активы» — памятники, коллекции, здания — обладают публичной значимостью, выходящей за рамки рыночной стоимости.

Рейдерство в сфере культурного наследия можно определить как совокупность практик, направленных на установление контроля над материальными и нематериальными культурными ценностями, историческими зданиями или институциями культуры с использованием правовых, административных или силовых механизмов, не соответствующих действительной воле и интересам законных владельцев и (или) публичному назначению этих объектов.

Принципиальное отличие от традиционного корпоративного рейдерства состоит в том, что конечная цель не всегда сводится к извлечению прибыли. Мотивация может включать:

- 1) *экономические интересы* — коммерческое использование исторической недвижимости в престижных локациях;
- 2) *политические интересы* — установление контроля над символически значимыми институциями и нарративами;
- 3) *идеологические интересы* — вытеснение нелояльных или неудобных культурных акторов;
- 4) *личные интересы* — перераспределение коллекций и архивов в пользу аффилированных структур.

Последнее принципиально важно для понимания социокультурного измерения рейдерства: культурное наследие обладает не только утилитарной, но и идентитарной ценностью. Завладение им — это не только перераспределение материальных благ, но и перераспределение символического капитала и права на «интерпретацию прошлого».

При этом рейдерство в сфере культурных ценностей следует отграничивать от смежных понятий, образующих составы преступлений:

- 1) хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ);
- 2) уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ);
- 3) «черное копательство» — незаконный поиск и изъятие археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ);
- 4) Обычное мошенничество с культурными ценностями (ст. 159 УК РФ).

Ключевое отличие от указанных деяний — цель установления долговременно-

го контроля над объектом [9, с. 72], а не разовое завладение, и использование формально легальных процедур (смена собственника, передача в безвозмездное пользование, «реставрация» с последующей приватизацией и т. п.).

Первое и ключевое разграничение необходимо провести между рейдерством в сфере культурных ценностей и хищением предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ). Несмотря на внешнее сходство предмета посягательства (уникальные объекты культуры), различаются цели и механизм деяния. Хищение предполагает разовый, одномоментный акт изъятия имущества из владения собственника с корыстной целью обращения его в свою пользу или пользу третьих лиц. Рейдерство же, даже если конечная цель корыстна, направлено на установление долговременного контроля над объектом или организацией, которая им управляет. Рейдер не просто крадет картину — он стремится получить юридические основания для владения ею, легализовать контроль через судебные решения, регистрационные записи или банкротные процедуры. Хищение — это «изъятие», рейдерство — «поглощение» с приданием видимости законности.

Второе важное разграничение касается уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ). Данный состав наказывает за физическое воздействие на памятники, влекущее их утрату или повреждение. Рейдерство в сфере культуры, как правило, не ставит целью физическое разрушение объекта — уничтоженный памятник теряет коммерческую и юридическую привлекательность. Напротив, рейдер заинтересован в сохранении объекта в неизменном виде, поскольку его ценность и есть предмет захвата. Если разрушение и происходит, то оно является либо следствием «реставрации» под видом легальных работ, либо побочным результатом смены собственника, но не самостоятельной целью деяния. Разграничение здесь проходит по субъективной стороне: для ст. 243 УК РФ характерен умысел на уничтожение или повреждение, для рейдерства — умысел на завладение и контроль [9, с. 72].

Третье разграничение — с незаконным поиском и изъятием археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ), известным как «черное копательство». Данный состав криминализует извлечение археологических предметов из места залегания без

разрешения. Рейдерство в сфере культуры — качественно иной феномен. «Черный копатель» действует на «нулевой» стадии, когда объекта как юридической единицы еще не существует (он не зарегистрирован, не поставлен на учет, не включен в музейный фонд). Рейдер же атакует уже существующий, легализованный объект — музей, усадьбу, коллекцию, храм, — используя пробелы в корпоративном, гражданском или административном праве. «Черный копатель» извлекает ценность из земли; рейдер — извлекает ценность из юридической формы.

Наконец, необходимо отграничить рейдерство от мошенничества (ст. 159 УК РФ) и самоуправства (ст. 330 УК РФ), которые, как показывает судебная практика, чаще всего используются для квалификации рейдерских действий. Проблема в том, что рейдерство «растворяется» в этих составах, теряя свою специфику. Мошенничество — это хищение путем обмана или злоупотребления доверием; самоуправство — самовольное, вопреки установленному порядку, осуществление своего действительного или предполагаемого права. Рейдерство же может включать и то, и другое, но не сводится к ним. Его отличительная черта — системность и использование корпоративных процедур: фальсификация решений собраний, внесение недостоверных сведений в реестры, инициирование банкротства, подделка документов [9, с. 72]. Если мошенник обманывает собственника, чтобы тот сам передал имущество, то рейдер обманывает государство и третьих лиц, создавая видимость законного перехода прав. Это не единичный обман, а «юридическая инженерия»², направленная на создание параллельной реальности, в которой захватчик выглядит законным владельцем.

Формы рейдерства в сфере наследия

Анализируя ситуации, связанные с переходом права управления и установления контроля над культурными ценностями, следует выделить ряд форм: квазиправовые, насильственные и полунасильственные, а также политически мотивированное рейдерство.

Квазиправовые формы

Наиболее распространенная в российском контексте форма — использование

² Юридическая инженерия — это подход на стыке юриспруденции, технологий и системного анализа, который занимается проектированием, оптимизацией и цифровизацией юридических процессов.

судебных и административных механизмов для вытеснения законных пользователей из исторических зданий. Показателен в этом отношении спор вокруг Дворца труда (Николаевского дворца) в Санкт-Петербурге, переданного в оперативное управление петербургскому Дому музыки. Ленинградская федерация профсоюзов, лишившаяся здания по иску Генеральной прокуратуры, характеризует ситуацию как «рейдерский захват» и ссылается на документы советского периода, включая декрет Ленина. Суды последовательно отклонили апелляции профсоюзов, обосновывая решения тем, что государство как собственник вправе распоряжаться имуществом. Юристы ЛФП, в свою очередь, указывают на сомнительность акта приема-передачи и процессуальные нарушения³.

Другой пример — выселение Международного центра Рерихов из усадьбы Лопухиных в Москве по иску Музея Востока. В МЦР заявили о «последовательном рейдерском захвате усадьбы Лопухиных и наследия Рерихов», подчёркивая, что наследие передавалось в Россию Святославом Рерихом именно под создание общественного музея в этом здании⁴. Показательно, что выселению предшествовали обыски и изъятие картин в рамках уголовного дела о мошенничестве, возбужденного в отношении финансировавшего МЦР банкира⁵.

Общая схема квазиправового рейдерства в сфере наследия включает несколько элементов:

- 1) выявление «привлекательного» объекта — исторического здания в престижной локации или коллекции, имеющей рыночную ценность;
- 2) поиск формальных оснований для оспаривания прав пользователя или собственника;
- 3) использование административного ресурса и судебной системы;
- 4) перераспределение актива в пользу структуры, аффилированной с интересантами;
- 5) легитимация результата через ссылки на «интересы государства» или «сохранение наследия».

³ См.: Имущество сменило дирижера // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8141151#1> (дата обращения: 25.08.2026).

⁴ Центр Рерихов выселили из усадьбы Лопухиной // URL: <https://dnpr.news/news/zemlya-pod-kurganami-podgorodnogo-v-chastnyh-rukah-chto-budet-s-kulturnym-naslediem-nacionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 25.08.2026).

⁵ Там же.

Насильственные и полунасильственные формы

Если квазиправовое рейдерство развивается преимущественно в судах и кабинетах, то насильственные формы предполагают прямое физическое завладение. Примером такой формы рейдерства в сфере культурных ценностей может служить информация из открытых зарубежных источников. Так, например, Europol фиксирует тревожную тенденцию: «музейные ограбления всё чаще совершаются с применением насилия — огнестрельного оружия, кувалд, топоров и взрывчатки. В 2024 году вооруженные преступники ворвались в музей Cognacq-Jay в Париже и похитили ювелирные изделия; в 2025 году было совершено нападение на Лувр с угрозами охране и посетителям»⁶. Europol отмечает, что «если традиционные торговцы культурными ценностями избегали насилия, то новые криминальные сети, вовлечённые в музейные ограбления, часто имеют «историю участия в других видах преступности» и координируются *ad hoc* через социальные сети»⁷. Это меняет криминологический профиль: насилие становится не аномалией, а инструментом. Подобного рода ситуации отсутствуют в открытых источниках по отношению к культурным ценностям нашей страны, но не указывают на их полное отсутствие.

Политически мотивированное рейдерство

Наиболее сложным для квалификации является завладение культурным наследием, мотивированное политическими целями. Концепция «предации наследия» (*heritage predation*), предложенная в академической литературе, описывает использование (эксплуатацию) культурных ресурсов в политических целях — от присвоения символов прошлого до целенаправленного изменения или уничтожения культурного ландшафта [4]. В отличие от рейдерства в узком смысле, предация может осуществляться государственными акторами и не предполагать извлечения прямой коммерческой выгоды.

⁶ См.: Guns, axes, explosives: violent museum heists are on the rise, says Europol // The Guardian. 2026. 23 August. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2026/aug/24/violent-museum-robberies-europol-report#1> (дата обращения: 25.08.2026).

⁷ Growing use of force: Museums warned of rise in violent heists // Museums Association. 2026. 24 August. URL: <https://www.museumsassociation.org/museums-journal/news/2026/08/growing-use-of-force-museums-warned-of-rise-in-violent-heists/#respond> (дата обращения: 25.08.2026).

Примером может служить ситуация во-круг археологических раскопок в Крыму после 2014 года. «Российский археолог А. Бутягин был задержан в Польше по запросу Украины, обвинившей его в незаконных раскопках и присвоении артефактов, включая золотые монеты с именем Александра Македонского. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский охарактеризовал задержание как часть «политической кампании» и систему «похищений, манипуляций, шантажа и лжи», заменившую нормальные судебные процедуры. Украинская сторона, в свою очередь, настаивает, что археология не существует вне правовых рамок, а культурное наследие используется для легитимации территориальных претензий»⁸.

Этот случай обнажает фундаментальную проблему: в условиях политического конфликта квалификация действий как «рейдерства» или «законной научной деятельности» зависит от признания юрисдикции и политической позиции наблюдателя. Криминологический анализ здесь неизбежно пересекается с политико-правовым [11].

Социокультурные аспекты рейдерства в сфере культурных ценностей

Рейдерство в сфере наследия было бы невозможно без определенных социокультурных предпосылок. Первая из них — коммодификация культуры. Когда исторические здания в центрах городов приобретают огромную рыночную стоимость, а музейные предметы — аукционную цену, культурное наследие превращается в «актив», привлекательный для перераспределения. Усадьба Лопухиных в центре Москвы, Николаевский дворец на площади Труда в Санкт-Петербурге, земля под курганами — во всех этих случаях экономическая ценность локации или объекта конкурирует с его культурной ценностью и нередко её перевешивает.

Вторая предпосылка — слабость институциональной защиты. Общественные музеи и некоммерческие организации культуры часто не располагают ресурсами для многолетних судебных тяжб, тогда как государственные структуры или аффилированные с ними бизнес-акторы имеют до-

ступ к административному ресурсу. Показательно, что в деле МЦР картины были изъяты «на хранение» в Музей Востока — структуру, изначально выступавшую истцом по иску о выселении⁹.

Третья предпосылка — «символическая» значимость наследия. Контроль над культурными институциями означает контроль над нарративами — о прошлом, о национальной идентичности, о ценностях. Вытеснение общественного музея, созданного в соответствии с волей жертвователя, — это не только имущественный спор, но и переопределение того, кто имеет право говорить от имени наследия. В этом смысле рейдерство в сфере культуры всегда имеет идеологическое измерение, даже если его непосредственные мотивы экономические.

Четвертая предпосылка — размытость границ между «государственным интересом» и частным интересом. Когда государство выступает истцом по делам о национализации исторических зданий, а затем передаёт их структурам, связанным с конкретными деятелями культуры или бизнесменами, грань между «возвращением наследия народу» и перераспределением активов становится практически неразличимой. Это создаёт пространство для злоупотреблений, которые формально выглядят как торжество закона.

Криминологический анализ рейдерства в сфере культурного наследия

С криминологической точки зрения рейдерство в сфере наследия представляет собой латентное и полиморфное явление. Его латентность обусловлена тем, что значительная часть практик осуществляется в квазиправовой форме: подделка документов, злоупотребление полномочиями, незаконная приватизация, вынесение заведомо неправосудных решений. Потерпевшие часто не имеют возможности доказать умысел или коррупционную составляющую.

Полиморфность выражается в том, что одно и то же деяние может квалифицироваться по-разному в зависимости от контекста: как самоуправство, как мошенничество, как превышение должностных полномочий, как незаконная приватизация или — в международном контексте — как военное преступление или преступление

⁸ См.: Leading Russian archaeologist arrested in Poland over Crimean excavations // The Art Newspaper. 2026. 6 March. URL: https://www.theartnewspaper.com/2026/03/06/russian-archaeologist-arrested-in-poland-over-crimean-excavations?utm_source=rss_feed&utm_medium=rss&utm_campaign=rss_syndication#1 (дата обращения: 25.08.2026).

⁹ Центр Перихов выселили из усадьбы Лопухиной // URL: <https://dnepr.news/news/zemlya-pod-kurganami-podgorodnogo-v-chastnyh-rukah-chto-budet-s-kul-turnym-naslediem-nacionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 25.08.2026).

против человечности. Международный уголовный суд в деле Al Mahdi (2016) признал уничтожение культурных объектов военным преступлением, подчеркнув «уникальную» и «сентиментальную» ценность культурного наследия и его роль в передаче ценностей будущим поколениям [6]. Однако эти механизмы применимы преимущественно к ситуациям вооружённого конфликта, тогда как «мирное» рейдерство остается вне их досягаемости.

Существует и обратная проблема: криминализация защиты наследия. В случае с российским законодательством о залоге при изъятии незаконно приватизированных земель под археологическими памятниками прокуроры фактически лишаются возможности подавать иски, поскольку не располагают средствами для внесения залога¹⁰. Это создает парадоксальную ситуацию, когда инструменты, призванные защищать права собственности, используются для блокирования защиты публичных интересов.

Рейдерство в сфере культурного наследия — это не маргинальный сюжет, а значимое явление на пересечении криминологии, социологии культуры и права. Оно

включает как квазиправовые практики вытеснения законных пользователей из исторических зданий, так и насильственные формы завладения культурными ценностями, а также политически мотивированные действия, квалификация которых зависит от признания юрисдикции.

Социокультурный анализ показывает, что наследие становится объектом рейдерства там, где сочетаются высокая рыночная стоимость активов, слабость институциональной защиты, символическая значимость и размытость границ между государственным и частным интересом. Криминологический анализ выявляет лабильность и полиморфность явления, а также проблемы квалификации, связанные с отсутствием адекватных правовых механизмов для реагирования на «мирные» формы завладения наследием.

Дальнейшее исследование темы требует междисциплинарного подхода, объединяющего криминологию, правоведение, социологию культуры и исследования культурного наследия. Практическая задача состоит в разработке механизмов, которые позволяли бы отличать законную реорганизацию культурных институций от рейдерского захвата, а также в создании правовых инструментов защиты общественных музеев и некоммерческих организаций культуры от недружественного поглощения.

Литература

1. Durney M., Proulx B. Art crime: a brief introduction // *Crime Law Soc Change*. 2011. Vol. 56. 115–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9316-3>
2. Gaudenzi B. The “Return of Beauty”? The politics of restitution of Nazi-looted art in Italy, the Federal Republic of Germany and Austria, 1945–1998 // *European Review of History*. 2021. Vol. 28, no. 2. P. 323–346.
3. Grove L. Heritocide? Defining and Exploring Heritage Crime. *Public Archaeology*. 2013. Vol. 12, no. 4. P. 242–254. DOI: <https://doi.org/10.1179/1465518714Z.00000000046>
4. Геритоцид? Определение и исследование преступлений против культурного наследия
5. Kathem M. Heritage Predation and the Pursuit Of Politics // *The Routledge Handbook of Heritage Destruction*. 2023. 11 p.
6. Naderi A. Attacking Identity: Why Cultural Heritage Trafficking Must Be Recognized as Crime Against Humanity // *The Boğaziçi Law Review*. 2026. Vol. 4. P. 89–133.
7. Ramirez-Trelles I., Vivoni M., Lopez-Figueroa J. Looted Artifacts: Historical Heists and Their Impact on Cultural Heritage // *Journal of Student Research*. 2024. Vol. 13, Iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v13i2.6689>
8. Silwal Sh. B. The Economics of Looting and Destruction of Cultural Heritage Sites and Objects // *Defence and Peace Economics*. 2023. Vol. 34, no. 2. P. 214–227. DOI: <https://doi.org/10.1080/10242694.2021.2007638>
9. Кочедыкова В. М. Методы противодействия рейдерским захватам // *Российский следователь*. 2023. № 12. С. 49–52. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-12-49-52>
10. Кочедыкова В. М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2025. № 1(44). С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73>

10. Кочедыкова В. М. Криминологическая характеристика рейдерства // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень, 2024. С. 366–368.
11. Манапова А. Ф. Криминологический портрет личности преступника, посягающего на культурные ценности (на примере ст. 164 УК РФ) // Вестник экономики, управления и права. 2026. Т. 19, № 1. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.47475/3034-4247-2026-19-1-48-54>.
12. Манапова А. Ф. Предупреждение преступных посягательств на культурные ценности народов // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 9. С. 362–367.
13. Скиданова Л. А. Рейдерство как социальный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 117. С. 309–314.

References

1. Durney M., Proulx B. Art crime: a brief introduction. *Crime Law Soc Change*. 2011. Vol. 56. 115–132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9316-3>
2. Gaudenzi B. The “Return of Beauty”? The politics of restitution of Nazi-looted art in Italy, the Federal Republic of Germany and Austria, 1945–1998. *European Review of History*. 2021. Vol. 28, no. 2. P. 323–346.
3. Grove L. Heritocide? Defining and Exploring Heritage Crime. *Public Archaeology*. 2013. Vol. 12, no. 4. P. 242–254. DOI: <https://doi.org/10.1179/1465518714Z.000000000046>
4. Kathem M. Heritage Predation and the Pursuit Of Politics. *The Routledge Handbook of Heritage Destruction*. 2023. 11 p.
5. Naderi A. Attacking Identity: Why Cultural Heritage Trafficking Must Be Recognized as Crime Against Humanity. *The Boğaziçi Law Review*. 2026. Vol. 4. P. 89–133.
6. Ramirez-Trelles I., Vivoni M., Lopez-Figueroa J. Looted Artifacts: Historical Heists and Their Impact on Cultural Heritage. *Journal of Student Research*. 2024. Vol. 13, Iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v13i2.6689>
7. Silwal Sh. B. The Economics of Looting and Destruction of Cultural Heritage Sites and Objects. *Defence and Peace Economics*. 2023. Vol. 34, no. 2. P. 214–227. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1080/10242694.2021.2007638>
8. Kochedykova V. M. Methods for Countering Corporate Raiding. *Rossiyskiy Sledovatel* [Russian Investigator]. 2023. No. 12. P. 49–52. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-12-49-52>.
9. Kochedykova V. M. Criminal Law Provision Regarding the Unlawful Exercise of Management Functions over a Legal Entity (Corporate Raiding): Structure of the Offense and Qualifying Elements. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2025. No. 1(44). P. 68–73. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73>.
10. Kochedykova V. M. Criminological Characteristics of Corporate Raiding. *Law in the Age of Artificial Intelligence: Future Challenges and Modern Tasks*: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Forum “VI Siberian Legal Readings”. Tyumen, 2024. P. 366–368. (Russ.).
11. Manapova A. F. Criminological profile of the offender targeting cultural assets (based on Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of Economics, Management and Law*. 2026. Vol. 19, No. 1. P. 48–54. (Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/3034-4247-2026-19-1-48-54>.
12. Manapova A. F. Prevention of criminal encroachments on the cultural assets of peoples. *Social Management*. 2024. Vol. 6, No. 9. P. 362–367. (Russ.).
13. Skidanova L. A. Corporate raiding as a social phenomenon. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. Issue 117. P. 309–314. (Russ.).

Сведения об авторе

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия); профессор кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России (г. Тюмень, Россия). E-mail: ab_majorov@mail.ru

Information about the author

Mayorov Andrey V. — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Chelyabinsk State University

(Chelyabinsk, Russia); Professor of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers, Tyumen Institute for Advanced Training of Internal Affairs Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Tyumen, Russia). E-mail: ab_majorov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.08.2026

Дата рецензирования / Received: 30.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 10.09.2026

Кадырова Н. Н.

ОСНОВАНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования и реализации в Российской Федерации уголовной политики по направлению «ресоциализация осужденных» с учетом позиций судов, в том числе Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации, а также результатов отдельных опубликованных исследований проблем ресоциализации осужденных. В тексте статьи представлена сводная таблица по итогам анализа статистических отчетов Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по общему числу осужденных к пожизненному лишению свободы с учетом сложения наказаний.

Ключевые слова: уголовная политика, ресоциализация, уголовное наказание, условно-досрочное освобождение от наказания, профилактика рецидива

Для цитирования: Кадырова Н. Н. Основания ресоциализации: постановка проблемы // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 109–113. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-109-113

Kadyrova N. N.

RESOCIALIZATION BASES: PROBLEM STATEMENT

Abstract. The article considers certain aspects of legal regulation and implementation in the Russian Federation of criminal policy in the direction of “resocialization of convicts,” taking into account the positions of the courts, including the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the results of certain published studies of the problems of resocialization of convicts. The text of the article presents a summary table based on the analysis of statistical reports of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the total number of people sentenced to life imprisonment, taking into account the addition of sentences.

Keywords: criminal policy, resocialization, criminal punishment, parole from punishment, prevention of relapse

For citation: Kadyrova N. N. Resocialization Bases: Problem Statement. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 109–113. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-109-113

Реализация политики в Российской Федерации осуществляется в целях решения задач, указанных в действующем, в том числе уголовном законодательстве. Сами направления уголовной политики разнообразны, а их приоритетность может быть изменчива. Принимая во внимание узкий подход к определению понятия «уголовная политика», обозначенный в литературе [1, с. 470], следует обратить внимание на такое её направление как ресоциализация, реализуемое, в первую очередь, в целях

профилактики совершения уголовно-наказуемого деяния повторно.

Существующие подходы к определению данного термина и к практическому внедрению ресоциализации представлены в различных источниках. Так, ст. 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет ресоциализацию как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами

профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера»¹. Из содержания указанной формулировки следует, что ресоциализация ограничена рамками совершения исключительно общественно-опасных деяний и применения к соответствующим лицам конкретных «вариантов реагирования» со стороны государства. Это, в свою очередь, свидетельствует об ограниченности оснований для возможности применения мер ресоциализации.

Так, следуя букве закона, можно обозначить в качестве таких оснований следующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ): ст. 56, главы 15 «Принудительные меры медицинского характера», 15.1 «Конфискация имущества», 15.2 «Судебный штраф»². Рассмотрим в рамках данного материала то, что имеет отношение непосредственно к осуждению лица и применению к нему уголовного наказания.

Как очевидно, необходимость применения мер ресоциализации к лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы на определенный срок, не вызывает никаких сомнений, но при этом соответствующие меры ресоциализации не могут и не должны по мнению законодателя применяться к лицам, осужденных к пожизненному лишению свободы. Очевидно, что это свидетельствует о серьезном пробеле права, потому что нельзя исключать возможность их условно-досрочного освобождения в соответствии с положениями действующего уголовного закона России.

Так, Ш. А. Арнюдаев в своем исследовании данного вопроса обращает внимание на следующую тревожную тенденцию: «С 2017 по 2028 г. право на условно-досрочное освобождение наступит у более тысячи двухсот осужденных к пожизненному лишению свободы, а также лиц, которым смертная казнь в порядке помилова-

ния заменена на пожизненное лишение свободы. Разумеется, в дальнейшем количество осужденных, получающих такое право, будет только увеличиваться» [2, с. 114].

Еще в одном опубликованном издании указано, что по состоянию на 25 мая 2021 года общее число лиц, приговорённых к пожизненному лишению свободы составляло 1946 человек [4, 12].

Обратимся к официально размещенным отчетам формы № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по общему числу осужденных к пожизненному лишению свободы с учетом сложения наказаний содержатся следующие данные³, анализ которых можно представить в виде сводной таблицы с указанием минимального периода (года) возникновения права на условно-досрочное освобождение от наказания в виде пожизненного лишения свободы с учетом только года его назначения (табл. 1).

Таблица 1

Год	Число осужденных, чел.	Минимальный период (год) возникновения права на условно-досрочное освобождение от наказания
2005	67	2030
2006	46	2031
2007	70	2032
2008	67	2033
2009	73	2034
2010	66	2035
2011	64	2036
2012	66	2037
2013	67	2038
2014	68	2039
2015	61	2040
2016	94	2041
2017	65	2042

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 8 августа 2024). URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 30.07.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1997 № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026). URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 30.07.2026).

³ Данные взяты из судебной статистики официальной статистики, представленной на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.08.2026).

Окончание табл. 1

Год	Число осужденных, чел.	Минимальный период (год) возникновения права на условно-досрочное освобождение от наказания
2018	68	2043
2019	50	2044
2020	45	2045
2021	40	2046
2022	59	2047
2023	59	2048
2024	76	2049
1-е полугодие 2025 г.	54	2050

Анализ указанных данных подтверждает высказываемые мнения о неблагоприятной тенденции суммарного увеличения числа, которым судом было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, и право которых на условно-досрочное освобождение предусмотрено действующим отечественным уголовным законом. При этом действующие разъяснения Верховного суда Российской Федерации по вопросам назначения уголовного наказания, а также условно-досрочного освобождения лиц, совершивших преступления, не содержат каких-либо исключений из правил, сформулированных в самом отечественном уголовном законе.

Более того, в практике не единичны примеры дел о рассмотрении судами Российской Федерации ходатайств лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, о замене назначенного судом наказания иным более мягким видом уголовного наказания. При этом, несмотря на устойчивую на сегодняшний день позицию судов по отказам в удовлетворении таких ходатайств, позиция законодателя свидетельствует о потенциальной возможности освобождения таких осужденных.

Также неоднократно вопросы пожизненного лишения свободы были предметом рассмотрения и в Конституционном суде Российской Федерации. В частности, в решении 2026 года было указано: «Признать положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации —

в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания»⁴. Данное решение, очевидно свидетельствует о признании Конституционным судом Российской Федерации не просто возможности персонифицированной пенитенциарной ресоциализации, но и ее необходимости для всех осужденных к этому виду уголовного наказания.

При детальном анализе указанных ранее отчетов Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации с учетом объекта уголовно-правовой охраны, на который направлено преступное посягательство, очевидно, что преобладают преступления против личности и, в абсолютном большинстве, непосредственно преступления против жизни (убийства, совершенные при отягчающих обстоятельствах). Это дает основание утверждать, что ресоциализация лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы не просто важна, а жизненно необходима, принимая во внимание потенциальную возможность их выхода на свободу.

Еще одним вариантом освобождения лица, которое отбывало наказание в виде пожизненного лишения, является применение в отношении него обратной силы уголовного закона. Так, широкий общественный резонанс вызвал случай Анвара Масалимова⁵.

Особый правовой статус имеет помилование — как исключительное право Президента Российской Федерации принять решение в отношении индивидуально определенного лица, совершившего преступление. Так в отношении лица, осужденного к пожизненному лишению свободы, может быть принято альтернативное решение следующего содержания:

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой». URL: <https://rg.ru/documents/2016/11/24/konstsud-dok.html> (дата обращения: 07.08.2026)

⁵ Осужденного пожизненно убийцу выпустили из колонии в 2016 году. URL: https://rg.ru/2018/02/08/reg-urfo/osuzhdenno-pozhiznennno-vypustili-v-2016-godu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.08.2026)

- освободить такое лицо от дальнейшего отбывания наказания, назначенного судом;
- заменить назначенное судом наказание на более мягкий вид наказания.

Несмотря на то, что в открытых источниках пока нет конкретных примеров помилования лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, сама такая возможность действующим уголовным законодательством Российской Федерации не исключается.

На возможность ресоциализации осужденного к пожизненному лишению свободы указывала также Н. А. Крайнова, относя данный вид уголовного наказания к группе наказаний при которых «ресоциализационный потенциал связан с воздействием в условиях контроля и/или изоляции» [3, с. 319].

Криминологическим обоснованием необходимости ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, являются результаты исследований контингента лиц, отбывающих данный вид наказания в исправительных учреждениях Российской Федерации. Так, Е. М. Меркачёва провела интервьюирование ряда осужденных и сотрудников семи исправительных колоний особого режима [4], изучив которые можно сделать вывод: лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, в большинстве случаев, мотивированы на соблюдение режимных требований, получение образования, занятие трудовой деятельности, поддержку социальных связей именно самой возможностью их условно-досрочного освобождения, но сами сотрудники исправительных учреждений в большинстве случаев считают, что в отношении их контингента принятие положительных решений по условно-досрочному освобождению нецелесообразно.

Обратимся к содержанию еще одного источника права — к Федеральному зако-

ну «О пробации в Российской Федерации», в котором в ст. 5 законодатель, раскрывая содержание термина «ресоциализация», расширяет перечень оснований для ресоциализации таким видом уголовного наказания как принудительные работы⁶. В данном случае имеет место быть очевидное формальное противоречие такого подхода к определению оснований для ресоциализации с тем вариантом, который в 2016 году был сформулирован для решения вопроса профилактики правонарушений в целом и уже обозначенном в тексте выше. Можно предположить, что такая «неточность» Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» — это следствие влияния предыдущей редакции ст. 53¹ УК РФ, в которой законодатель определял принудительные работы как альтернативу наказания в виде лишения свободы. Очевидно, что в связи с этим необходимо проведение работ по аудиту действующего законодательства, регулирующего вопросы ресоциализации, и устранению выявленных противоречий.

В заключение рассмотрения обозначенной проблемы представляется важным отметить неоднозначность подходов при решении вопроса по определению оснований ресоциализации, в том числе в контексте выбора вида уголовного наказания, как связанного с изоляцией лица от общества, так и заключающегося в использовании труда осужденного в условиях его содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Указанное, очевидно, свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы и ее перспективности как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

⁶ О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025). URL: <https://base.garant.ru/406310197/> (дата обращения: 06.08.2026).

Литература

1. Парог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции / А. И. Парог // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 470–479.
2. Арнудяев Ш. А. Условно-досрочное освобождение лиц, отбывающих уголовное-наказание в виде пожизненного лишения свободы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie-lits-otbyvayuschih-ugolovnoe-nakazanie-v-vide-pozhiznennogo-lisheniya-svobody/viewer> (дата обращения: 02.08.2026). — С. 113–117.
3. Крайнова Н. А. Концептуальные основы противодействия преступности в контексте ресоциализации: уголовно-правовое и пенитенциарно-криминологическое исследование: диссерт. на соиск. ученой степени д. ю. н. — Севастополь, 2024. URL: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1776> (дата обращения: 03.08.2026). 500 с.

4. Меркачёва Е. М. Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных. — 3-е изд., доп. М., 2025. — 446 с.

References

1. Rarog A. I. Criminal policy and criminal legal ambitions. *All-Russian Criminological Journal*. 2016. Т. 10. № 3. С. 470–479.
2. Arnyudaev Sh. A. Parole of persons serving a criminal sentence of life imprisonment. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovno-dosrochnoe-osvobozhdenie-lits-otbyvayuschih-ugolovnoe-nakazanie-v-vide-pozhiznennogo-lisheniya-svobody/viewer> (дата обращения: 02.08.2026). — С. 113–117.
3. Krainova N. A. Conceptual foundations of countering crime in the context of resocialization: criminal law and penitentiary-criminological research: dissertation. to the nipple. degree of Doctor of Law — Sevastopol, 2024. URL: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1776> (access date: 03.08.2026). — 500 s.
4. Merkacheva E. M. City of Doomed: Honest report on seven colonies for life-sentenced prisoners. 3rd ed., ext. M., 2025. 446 s.

Сведения об авторе

Кадырова Н. Н. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет. Челябинск. E-mail: kadnn3@mail.ru

Information about the author

Kadyrova N. N. — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Chelyabinsk State University. Chelyabinsk. E-mail: kadnn3@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.09.2026

Дата рецензирования / Received: 17.09.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.09.2026

Капошко Д. Г.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАССМОТРЕНИИ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ХАЛАТНОСТИ (СТ. 293 УК РФ)

Аннотация. В статье исследуются особенности установления причинно-следственной связи при квалификации действий по ст. 293 УК РФ (халатность). Обосновывается, что для правильной квалификации по указанной статье УК РФ решающее значение имеет не только формальное наличие неисполненной обязанности, но и доказанность реальной возможности обвиняемого (подсудимого) предотвратить вред. Предлагается модель установления причинно-следственной связи при расследовании и рассмотрении в суде первой инстанции уголовных дел по халатности (ст. 293 УК РФ).

Ключевые слова: халатность, причинно-следственная связь, бездействие, должностное лицо, уголовная ответственность, объективная сторона преступления

Для цитирования: Капошко Д. Г. Установление причинно-следственной связи при расследовании и рассмотрении в суде первой инстанции уголовных дел по халатности (ст. 293 УК РФ) // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 114–121. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-141-121

Kaposhko D. G.

ESTABLISHING THE CAUSAL LINK IN THE INVESTIGATION AND THE FIRST-INSTANCE TRIAL OF CRIMINAL CASES OF NEGLIGENCE IN OFFICE (ARTICLE 293 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. The article examines the specific features of establishing the causal link when qualifying acts under Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation (negligence in office). It is substantiated that, for a correct qualification under this Article of the Criminal Code of the Russian Federation, decisive importance is attached not only to the formal existence of an unperformed duty, but also to proof of the real ability of the accused (the defendant) to prevent the harm. A model is proposed for establishing the causal link in the investigation and the first-instance trial of criminal cases of negligence in office (Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: dereliction of duty, causal link, failure to act, public official, criminal liability, objective element of the crime

For citation: Kaposhko D. G. Establishing the Causal Link in the Investigation and the First-Instance Trial of Criminal Cases of Negligence in Office (Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 114–121. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-114-121

Проблема причинно-следственной связи в уголовном праве традиционно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. В уголовных делах о халатности эта сложность усиливается тем, что деяние, как правило, выражается не в активном воздействии на охраняемое уголовным законом благо, а в неисполнении либо ненадлежащем исполнении должностной обязанности. Статья 293 УК РФ связывает уголовную ответственность как с фактом дефектного должностного поведения, так и с наступлением определенных последствий в виде причинения крупного ущерба; существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; причинения особо крупного ущерба; причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерть одного и более лиц. Следовательно, без установления причинно-следственной связи между нарушением должностной обязанности и наступившим вредом состав халатности отсутствует. Актуальность темы обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, в российском уголовном законодательстве отсутствует легальное определение причинно-следственной связи и критериев ее установления.

Во-вторых, в правоприменении сохраняется риск объективного вменения: нередко правоприменителем вред связывается с должностным лицом лишь потому, что оно занимало определенную должность без необходимой проверки того, входило ли предотвращение конкретного вреда в круг его обязанностей и могло ли оно реально воспрепятствовать наступлению вреда.

На необходимость ясности критериев указывают и новейшие научные исследования Муриной Ю. В. [1, с. 123–137], Игоиной Е. О. [2, с. 23–24], Царева Е. В. [3, с. 114–117] и других. Универсальная теория причинной связи, пригодная для всех составов преступлений, отсутствует, что затрудняет правоприменение и влечет ошибки в квалификации.

Учитывая изложенное, имеется необходимость в выработке практически применимой модели установления причинно-следственной связи по делам о халатности.

Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: определить значение конкретной должностной обязанности в структуре состава халатности; проанализировать основные научные подходы к причинности; раскрыть специфику причинности при бездействии; сопоставить доктрину с действующим законодательством и правовыми позициями судов; сформулировать предложения по совершенствованию уголовного закона и судебной практики.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Первый позволяет проанализировать конструкцию ст. 293 УК РФ и связанных с ней разъяснений Верховного Суда РФ; второй — рассмотреть причинную связь как элемент объективной стороны в системе иных признаков халатности; третий — оценить зарубежные модели нормативного определения причинно-следственной связи при бездействии.

1. Нормативные основы установления причинной связи по уголовным делам о халатности

Согласно ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) халатность — это неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности. Из буквального толкования данного определения следует, что состав халатности невозможен без установления трех блоков обстоятельств: наличия у лица статуса должностного лица, наличия конкретной обязанности, относящейся именно к его должностной функции, и наступление вреда, состоящего в причинно-следственной связи с неисполнением этой обязанности.

Первое принципиальное положение состоит в том, что ответственность по ст. 293 УК РФ возможна лишь тогда, когда нарушенная обязанность вытекает из статуса лица как представителя власти либо лица, выполняющего организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Если лицо нарушило нормативные требования, которые обязано соблюдать не как должностное лицо, а как специалист, работник или профессионал, вопрос должен решаться в плоскости иных составов преступлений или правонарушений. Именно поэтому для халатности определяющим является не абстрактное «ненадлежащее поведение», а дефект исполнения должностной, а не просто профессиональной функции. Отсюда вытекает второе положение: обязанность должна

быть конкретной. Недопустимо расширительное толкование круга обязанностей должностного лица через призму уже наступившего вреда. Иными словами, нельзя сначала констатировать неблагоприятный исход, а затем под него «подобрать» обязанность. Напротив, следственным органам и суду необходимо установить, каким именно нормативным, ведомственным или локальным актом на лицо возложена конкретная обязанность, была ли она доведена до него надлежащим образом, не противоречит ли такой акт требованиям закона и охватывало ли содержание обязанности именно те действия, неисполнение которых вменяется лицу.

Так, Г. оправдан районным судом по ч. 1 ст. 293 УК РФ. По версии следствия Г., будучи главой органа местного самоуправления поселения — сельсовета, то есть должностным лицом, допустил нарушение жилищных прав лиц, из числа детей — сирот, которое выразилось в том, что он не обеспечил сохранность жилого помещения закрепленного за детьми — сиротами в тот период, когда они находились в специализированном учреждении для таких детей. Жилое помещение являлось объектом противоправных действий третьих лиц, в результате чего были разбиты окна, похищена сантехника, батареи отопления, повреждены двери, а также причинен иной ущерб, в результате которого проживание в жилом помещении указанных детей — сирот, после их возвращения из специализированного учреждения, оказалось невозможным. В основу обвинения положено постановление главы района, которым на главу сельсовета Г. как главу поселения возложена обязанность осуществлять контроль за сохранностью указанного жилого помещения (эта обязанность не конкретизирована). Оправдывая Г., районный суд пришел к выводу о том, что указанное постановление не основано на законе, поскольку вопросы опеки и попечительства относятся к компетенции района, а не поселения. Прямая обязанность у Г. осуществлять мероприятия по обеспечению сохранности указанного жилого помещения, находящегося в частной собственности, отсутствовала, кроме того, Г. не имел соответствующего финансового обеспечения на эти цели. Опекуном или попечителем указанных детей — сирот он не являлся. Приговор оставлен без изменения судом апелляционной инстанции и вступил в законную силу [4].

2. Причинная связь в теории уголовного права и ее значение для определения наличия состава преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ.

В российском уголовном праве отсутствует легальное определение причинно-следственной связи, однако критерии ее установления выработаны доктриной.

Среди основных научных теорий причинной связи в отечественной литературе традиционно рассматриваются теория исключительной причинности, теория эквивалентности условий, теория адекватной причинности и теория необходимого причинения.

Как отмечено Соктоевым З. Б., сущность теории исключительной причинности состоит в том, что действия обвиняемого признаются причиной наступившего последствия, когда исключительно эти действия, без вмешательства других значимых причин, вызвали вредные последствия. Например, удар в жизненно важный орган колюще-режущим предметом. Данная теория плохо применима к сложным управленческим и организационным ситуациям, где результат в виде вреда как последствия формируется под воздействием нескольких факторов [5, с. 338].

Теория эквивалентности состоит в применении «правила мысленного исключения»: исключается действие, которое является предполагаемой причиной результата. Если после такого исключения последствие не наступило, значит данное действие является необходимым условием, то есть причиной результата. Однако недостатком данной теории является то, что ее положения чрезмерно расширяют объективные пределы ответственности лица за последствия своих деяний, поскольку почти любое предшествующее условие может быть объявлено причиной [2, с. 26–27].

Теория адекватной причинности — причиной вреда являются действия лица, которые, исходя из опыта, рассматриваются общепризнанными, адекватными для наступивших последствий. В качестве недостатка данной теории отмечалось невозможность ее применить, когда причинная связь протекала нетипично, а также к преступлениям, совершенным по неосторожности [2, с. 26–27].

В советском уголовном праве получило развитие теория необходимого причинения. Представителями данной теории считают Пионтковского А. А., Шаргородского М. Д., Сергеева Т. Л. [2, с. 30–31]. Так,

Пионтковский А. А. полагал, что вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть решен положительно, когда эти последствия являлись необходимыми и закономерными последствиями совершенного лицом деяния, вытекали из него. Для установления причинной связи необходимо выяснить реальную возможность наступления рассматриваемого события от совершенного действия. Действия лица являются причиной наступившего последствия, когда это последствие вытекает из совершенного действия и имеет в нем свое основание, в отличие от случайных последствий [6, с. 212–215].

Пионтковским А. А. приведен такой пример. Если одно лицо нанесло другому легкое ранение, которое не могло повлечь его смерть, но раненный погиб в результате дорожно– транспортного происшествия по дороге в больницу в результате нарушения правил дорожного движения другим лицом (водителем), то смерть потерпевшего является случайностью относительно ранее причиненного ему легкого ранения, поскольку не вытекает из него, и необходимостью — относительно действий другого лица (водителя), допустившего нарушение правил дорожного движения. Таким образом, по мнению Пионтковского А. А., смерть наступила в результате пересечения одной цепи причинности с другой и лицо, причинившее легкое ранение не может нести уголовную ответственность за смерть потерпевшего еще и потому, что не предвидело и не могло предвидеть такое развитие событий [6, с. 224].

Церетели Т. В., не соглашаясь с Пионтковским А. А., полагала, что случайность лишь форма проявления необходимости. И необходимость, и случайность находятся в диалектическом единстве, то есть не противоречат друг другу [7, с. 132–134]. Наличие причинной связи относится к сфере объективного, а не субъективного, поэтому наличие или отсутствие такой связи не может быть поставлено в зависимость от того, осознает ли лицо все звенья причинной связи и все последствия своего деяния.

Позиция Церетели Т. В. отражена в следующем примере. К. поднял на ноги находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения Б., лежащего на тротуаре, и отошел, после чего Б. прошел несколько шагов, упал на проезжей части и был насмерть сбит автомобилем. Действия К. являются одним из необходимых условий гибели Б., так как если бы он не поднял Б.

с тротуара, последний не оказался бы на проезжей части и автомобиль бы на него не наехал. Причинная связь между действиями К. и смертью Б., по мнению Церетели Т. В., имеется, однако К. не подлежит уголовной ответственности так как его действия (он лишь поставил пьяного на ноги), во — первых, не являются противоправными, не влекут общественную опасность и не несут вред; во — вторых, К. не мог и не должен был предвидеть наступление смерти Б. [7, с. 184–185, 189].

Заслуживает внимания вывод Игонин Е. О. о том, что универсальная теория причинной связи для всех составов преступлений отсутствует [2, с. 35].

Для целей настоящей статьи из вышеизложенного следует важный методологический вывод: причинная связь по уголовным делам о халатности должна анализироваться не абстрактно, а через особенности объективной стороны именно этого состава: через должностную обязанность, возможность ее исполнения и предотвращения негативного результата (вреда).

3. Специфика причинной связи при халатности, совершаемой путем бездействия

Центральная теоретическая проблема заключается в вопросе: может ли бездействие причинять вред? В доктрине этот вопрос решается неоднозначно. Ряд авторов отрицал причиняющую способность бездействия, указывая, что отсутствие действия не изменяет внешний мир и потому не может рассматриваться как причина в философском смысле. Эта линия последовательно прослеживается, в частности, в работах Шаргородского М. Д. и некоторых других авторов [8, с. 98].

Одновременно в доктрине сформировался подход, согласно которому бездействие обладает уголовно-правовой причиняющей способностью при наличии правовой обязанности действовать и реальной возможности предотвратить наступление вреда.

По делам о халатности здесь возможно выделить как минимум две ситуации, с которыми сталкивается правоприменитель.

Во-первых, причиной вреда являются противоправные действия третьих лиц, которые не были пресечены должностным лицом (обвиняемым, подсудимым), обязанным предупредить или пресечь данные действия и тем самым исключить возможность возникновения вреда.

Во-вторых, причиной вреда стали стихийные силы природы, технические про-

цессы и другие факторы, которые должностное лицо в силу своих обязанностей должно было предвидеть и предотвратить, но не сделало этого.

В таких ситуациях неисполнение должностным лицом своих обязанностей является не непосредственной причиной вреда, а необходимым условием для наступления этого вреда.

Наиболее продуктивной для расследования и рассмотрения в суде дел о халатности представляется позиция о том, что бездействие не является причиной в философском, физическом, натуралистическом смысле так же как, например, активное механическое воздействие. Его причиняющее значение носит нормативно-правовой характер. Иначе говоря, должностное лицо не создает вред физически, а не пресекает развитие вредоносного процесса, который в силу возложенной на него обязанности оно должно было и могло пресечь. По уголовным делам о халатности вред причиняется в результате развития причинной цепи, в которую виновное лицо не вмешивается, хотя обязано было вмешаться.

Конституционный Суд РФ в пункте 3 Определения от 08.06.2023 № 1404 -О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богуша Александра Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал на то, что лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ, не предвидит или самонадеянно рассчитывает на предотвращение вредных последствий своего недобросовестного отношения к службе. При халатности причинная связь между деянием и наступившими последствиями опосредуется поведением других лиц или природными явлениями.

Как верно отмечено Яни П. С., чаще правоприменитель, вменяя халатность, придерживается той позиции, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе было не причиной, а необходимым условием причинением вреда. Причинная связь между нарушениями должностного лица по службе и негативными последствиями имеет место в случае, когда надлежащее выполнение должностных обязанностей исключило бы наступление вредных последствий [9, с. 583–586].

В этом смысле представляется целесообразным говорить о причинно – следственной связи при халатности как о юридически значимом непредотвращении последствия. Это и составляет авторскую позицию настоящей статьи. Ее отличие от традиционного описания в том, что акцент переносится с абстрактного вопроса о том, является ли бездействие причиной или условием, на конкретный вопрос: было ли бездействие тем юридически значимым обстоятельством, которое сделало наступление вреда возможным и законным.

Здесь сохраняет значение классическая формула Т. В. Церетели, выделившей три условия установления причинной связи при бездействии: наличие обязанности действовать, наличие объективной и субъективной возможности действовать, а также возможность предотвращения вреда при совершении требуемого действия [7, с. 282]. Эти три условия, подтвержденные и современными исследованиями, по существу образуют минимальный тест причинности при халатности.

Первое условие — обязанность действовать — требует точного установления нормативного основания должностной функции. Второе — возможность действовать — требует анализа реальной ситуации, а не формального статуса лица. И именно здесь особенно важны объективные факторы исполнения обязанности, которые могут не зависеть от воли должностного лица: исправность оборудования, обеспеченность ресурсами, транспортом, условия производства, объем работы, а также совокупность действий нижестоящих должностных лиц. К субъективным факторам необходимо относить особенности личности самого должностного лица. Недостаточная квалификация сама по себе не исключает его ответственности, поскольку если лицо назначено на должность, презюмируется соответствие его подготовки характеру порученных функций. Третье условие — предотвратимость последствия — в практическом плане является самым важным. Недостаточно установить, что лицо было обязано и могло действовать. Необходимо доказать, что исполнение обязанности пресекло бы развитие причинного ряда и наступление вреда. Если же исполнение обязанности лишь гипотетически могло повлиять на ситуацию, но не позволяло реально предотвратить исход, наличие причинно-следственной связи превращается в предположение.

4. Модель установления причинной связи по делам о халатности

С учетом изложенного предлагается следующая трехзвенная модель.

Первый этап — нормативный. Правоприменитель устанавливает точную должностную обязанность: источник ее закрепления, объем, пределы, время исполнения, соотношение с полномочиями иных лиц и законность акта, её возлагающего. На этом этапе исключаются случаи, когда лицу вменяется не должностная, а профессиональная функция либо когда обязанность сформулирована оценочно и неопределенно, либо неправомерно.

Второй этап — фактический. Проверяется, имело ли лицо реальную возможность исполнить обязанность в конкретной обстановке. Здесь должны оцениваться не только формальные полномочия, но и фактические условия: наличие ресурсов, информации, подчиненных, временного интервала, а также отсутствие препятствий непреодолимого характера. Именно на этой стадии отсекаются ситуации, в которых должностное лицо формально отвечало за участок работы, но объективно не могло предотвратить наступление результата.

Третий этап — прогностико-каузальный. Правоприменитель отвечает на вопрос: если бы требуемое действие было совершено своевременно и надлежащим образом, был бы вред предотвращен либо существенно снижен? Если ответ отрицательный или имеет лишь характер предположения, причинно-следственная связь отсутствует. Если же надлежащее действие пресекало бы развитие причинного ряда, связь должна признаваться доказанной.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, неоправданного расширения ответственности, когда вред автоматически вменяется должностному лицу по факту должности; с другой — полного отрицания причинности бездействия.

5. Сравнительно-правовой аспект

Дополнительный аргумент в пользу нормативного осмысления причинности при бездействии дает зарубежное законодательство. Как показывает исследование Игониной Е. О. [2, с. 54–63], в ряде государств данный вопрос решен прямо на законодательном уровне. Так, в Италии ст. 40 УК закрепляет, что непредотвращение результата, предотвращение которого составляло юридическую обязанность лица, равносильно его причинению. В уголовном

законодательстве Грузии и Республики Корея также уделено внимание случаям, когда бездействие лица, обязанного действовать, влечет ответственность в зависимости от наступивших последствий.

Для российского права этот опыт показателен не как образец буквального заимствования, а как подтверждение возможности нормативного закрепления причинности при бездействии. Нынешняя российская модель оставляет этот ключевой вопрос на усмотрение доктрины и практики, что при столь сложном составе, как халатность, вряд ли можно признать оптимальным.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным дополнить уголовный закон либо разъяснения Пленума Верховного Суда РФ специальными критериями установления причинной связи при бездействии. Возможна следующая формула для разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ: «По делам о преступлениях, совершаемых путем бездействия, причинная связь между бездействием и наступившими последствиями признается установленной, если должностное лицо было обязано и реально могло совершить действие, которое при обычном развитии событий предотвратило бы наступление последствий, влекущих уголовную ответственность».

Кроме того, в практике по делам о халатности следует прямо требовать отражения в обвинении и приговоре:

- 1) конкретной неисполненной обязанности;
- 2) нормативного источника этой обязанности;
- 3) фактической возможности исполнения обязанности;
- 4) обоснования того, каким образом надлежащее исполнение обязанности предотвратило бы вред.

Без этих четырех элементов вывод о причинной связи должен признаваться недостаточно мотивированным.

Причинно-следственная связь по делам о халатности представляет собой не просто один из элементов объективной стороны, а центральный узел всей уголовно-правовой оценки. Именно через причинность проходит граница между дисциплинарным проступком, служебной ошибкой и преступлением. Для дел о халатности непригодны как натуралистическое отрицание причинности бездействия, так и чрезмерно широкое понимание причинности как любой предшествующей услов-

ности. Причинная связь здесь должна устоять как юридически значимое непредотвращение вреда при наличии трех обязательных предпосылок: конкретной правовой обязанности, реальной возможности ее исполнения и доказанной предотвратимости последствия.

Именно такая модель позволяет сохранить баланс между принципом вины

и необходимостью уголовно-правовой охраны интересов государственной и муниципальной службы, прав граждан и организаций. Она согласуется с конструкцией ст. 293 УК РФ, с требованиями правовой определенности, на которые указывает Конституционный Суд РФ, и с современными научными подходами к проблеме причинности.

Литература

1. Мурина Ю. В. Уголовно -правовая характеристика халатности. Диссертация к. ю. н. Омск, 2023.
2. Игонина Е. О. Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности. Диссертация к. ю. н. С.-П., 2024.
3. Царев Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития. Диссертация к. ю. н. Н. Новгород, 2009.
4. Приговор Манского районного суда Красноярского края от 03.07.2023 по уголовному делу № 1-7/2023 [Электронный ресурс] http://mansk-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=401863518&delo_id=1540006&new=0&text_number=1
5. Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы. Диссертация доктора юридических наук. М., 2014.
6. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госюриздат, 1961. С. 212–215, 224.
7. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963.
8. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М.; Юрид. изд-во, 1947.
9. Яни П. С. Проблемы квалификации должностных преступлений. Курс избранных лекций. М., 2025.

References

1. Murina Yu. V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika khalatnosti. Dissertatsiya k.yu.n. Omsk, 2023.
2. Igonina E. O. Prichinnaya svyaz' v prestupleniyakh, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami po neostorozhnosti. Dissertatsiya k.yu.n. S.-P., 2024.
3. Tsarev E. V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo ob otvetstvennosti za khalatnost': istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya. Dissertatsiya k.yu.n. N. Novgorod, 2009. S. 114–117.
4. Prigovor Manskogo raionnogo suda Krasnoyarskogo kraya ot 03.07.2023 po ugolovnomu delu № 1–7/2023 [Elektronnyi resurs] http://mansk-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=401863518&delo_id=1540006&new=0&text_number=1
5. Soktoev Z. B. Prichinnost' v ugolovnom prave: teoreticheskie i prikladnye problemy. Dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk. M., 2014.
6. Piontkovskii A. A. Uchenie o prestuplenii po sovetскому ugolovnomu pravu. Kurs sovetского ugolovnogo prava: Obshchaya chast'. M.: Gosyurizdat, 1961.
7. Tsereteli T. V. Prichinnaya svyaz' v ugolovnom prave. M.: Gosyurizdat, 1963.
8. Shargorodskii M. D. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. M.: Yurid. izd-vo, 1947.
9. Yani P. S. Problemy kvalifikatsii dolzhnostnykh prestuplenii. Kurs izbrannykh lektzii. M., 2025.

Сведения об авторе

Капошко Д. Г. — федеральный судья, председатель Манского районного суда Красноярского края, соискатель учёной степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4 Уголовно –правовые науки (юридические науки) кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет». Красноярск. E-mail: dkaposhko@yandex.ru

Information about the author

Kaposhko D.G. — federal judge, Chairman of the Mansky District Court of the Krasnoyarsk Territory, applicant for the academic degree of Candidate of Legal Sciences in scientific specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences (Legal Sciences), Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Fundamentals of Forensic Examination, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Krasnoyarsk State Agrarian University». Krasnoyarsk. E-mail: dkaposhko@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.09.2026

Дата рецензирования / Received: 17.09.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.09.2026

Леванов С. М.

ОТ ФОРМАЛЬНОЙ ВЕРИФИКАЦИИ К РЕКОНФИГУРАЦИИ ПОЗНАНИЯ: КАЧЕСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ЛИЦАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ, КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОБЪЕКТИВНОСТИ, ВСЕСТОРОННОСТИ, ПОЛНОТЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. На сегодняшний день актуален вопрос о кризисе традиционных подходов к выявлению фактов совершения финансовых преступлений при развитии процессов цифровизации, появлении DeFi технологий. В связи с этим актуальным является преодоление роста когнитивного разрыва — следователи работают по схематичным конструкциям, сформулированным в форме составов преступлений, содержащихся в УК РФ; преступники же проводят сплошные стохастические финансовые вычисления и скрывают кражу под прикрытием легальной документации. Выход из данной ситуации заключается во взаимодействии следователя со специалистами в сфере финансовых операций. Новизна предлагаемой статьи состоит в определении детерминанты объективности расследования как гибридной интеллектуальной среды — комплексном сочетании процессуального положения следователя и внепроцессуальных знаний специалистов по определенным вопросам при проведении расследования. Такой симбиоз дает возможность раскрыть сложные, многоступенчатые финансовые преступления.

Ключевые слова: финансовые преступления; специальные знания; специалист; эксперт; расследование; следственные действия; судебная экспертиза

Для цитирования: Леванов С. М. От формальной верификации к реконфигурации познания: качество взаимодействия следователя с лицами, обладающими специальными знаниями, как детерминанта объективности, всесторонности, полноты в расследовании финансовых преступлений // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 122–132. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-122-132

122

Уголовно-правовые
науки

Levanov S. M.

FROM FORMAL VERIFICATION TO COGNITIVE RECONFIGURATION: THE QUALITY OF INVESTIGATOR-SPECIALIST INTERACTION AS A DETERMINANT OF OBJECTIVITY, COMPREHENSIVENESS, AND COMPLETENESS IN THE INVESTIGATION OF FINANCIAL CRIMES

Abstract. Today, the issue of the crisis of traditional approaches to identifying financial crimes in the context of the development of digitalization process-

es and the emergence of DeFi technologies is relevant. In this regard, it is important to overcome the growing cognitive gap, as investigators rely on schematic structures formulated in the form of criminal offenses in the Criminal Code of the Russian Federation, while criminals engage in continuous stochastic financial calculations and conceal their theft under the guise of legal documentation. The solution to this problem lies in the collaboration between investigators and financial experts. The novelty of this article lies in defining the determinant of the objectivity of an investigation as a hybrid intellectual environment, which is a complex combination of the investigator's procedural position and the non-procedural knowledge of experts in specific areas during the investigation. This symbiosis allows for the detection of complex and multi-step financial crimes.

Keywords: financial crimes; special knowledge; specialist; expert; investigation; investigative actions; forensic examination

For citation: Levanov S. M. From Formal Verification to Cognitive Reconfiguration: the Quality of Investigator-Specialist Interaction as a Determinant of Objectivity, Comprehensiveness, and Completeness in the Investigation of Financial Crimes. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 122–132. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-122-132

Архитектура финансового сектора сегодня меняется кардинально. Рынки становятся все более глобальными, процессы перевода денег переходят в электронный формат, а также появляются новые технологии DeFi, которые позволяют проводить операции без участия посредников — всё это открывает огромные возможности для совершения преступлений. Классические способы расследования в условиях современных методов отмывания денежных средств и операций с криптовалютами являются недостаточно эффективными.

Финансово-экономические преступления — это совокупность преступлений, характеризующихся хищением денежных средств, неуплатой или недоплатой налогов (сборов), легализацией преступного дохода, а также совершением финансовых махинаций [1, с. 11–15]. Следствие по таким делам осуществляется с использованием специальных познаний. С развитием глобализации и экономики, в которой применяются информационные технологии, способы совершения финансовых преступлений усложняются — возникает потребность в привлечении специалистов по финансовым операциям к проведению исследований (по установленной процессуальной форме) с целью установления фактов незаконности соответствующих действий.

Современные финансовые схемы характеризуются многоэтапностью. Для сокрытия происхождения денежных средств используются формально законные договоры, цепочки подконтрольных организаций, фиктивные займы, уступка прав требования, электронные средства платежа и операции с цифровыми активами. От-

дельные действия участников могут не содержать очевидных признаков нарушения. Преступность проявляется только при сравнении документов, бухгалтерских записей, операций по банковским счетам и информации из информационно-вычислительных систем.

Методология борьбы с экономическими преступлениями характеризуется основным методологическим противоречием — это когнитивное противоречие между предметом изучения юриспруденции и современными условиями развития макроэкономического пространства. В чем же суть этого явления? В том, что проблема не является лишь недостатком знания у субъекта применения права — это качественное расхождение когнитивных паттернов — следственные органы мыслят дискретными логическими схемами УК РФ (факт, состав преступления, вина, причинная зависимость) против непрерывных стохастических многоступенчатых экономических расчетов современных организованных преступных группировок.

Такой «когнитивный разрыв» проявляется в том, что у субъекта доказывания отсутствует возможность правильно интерпретировать экономическое содержание преступления. Группа преступников строит многослойные схемы с вымышленными партнерами, схемами перевода средств, производными финансовыми инструментами и офшорами — то есть так, чтобы правовая оболочка полностью обесценивала фактическую суть операции. Следовательно при этом видит только грамотно составленную первичную документацию и поэтому чаще всего замечает

лишь её законное оформление — не замечая механизма скрытого получения дохода. То есть получается эффект обратной пропорциональности доказательств — чем более корректно оформлена финансовая документация, тем меньше шанс обнаружить через обычные процессуальные действия наличие подпольной операции. Когнитивный недостаток выражается еще и в неучете вторичных аномалий — побочных эффектов рынка от большого теневого предела капиталов.

Преодоление этого эпистемологического барьера невозможно путем экстенсивного расширения общей юридической эрудиции следователя. Требуется радикальная реконфигурация самого процесса познания обстоятельств дела, предполагающая системную интеграцию экстралегальных компетенций. Речь идет о формировании гибридной интеллектуальной среды, в которой правовой анализ неразрывно сопряжен: с переходом от формальной сверки балансов к глубокому функционально-стоимостному анализу бизнес-моделей для выявления точек генерации неучтенной стоимости; с дешифровкой распределенных реестров, анализом метаданных и восстановлением удаленных информационных артефактов, выступающих единственным объективным отражением реальных финансовых потоков за пределами контролируемой злоумышленниками отчетности; с выявлением нерыночных паттернов принятием решений субъектами хозяйствования, продиктованных скрытыми коррупционными или мошенническими мотивами; с применением теории графов для визуализации и анализа нетипичных кластеров транзакций, невидимых при линейном изучении банковских выписок. Из этого очевидно, что фокус расследования должен быть смещен с ретроспективной фиксации документально подтвержденных фактов на проспективную реконструкцию всей финансово-хозяйственной матрицы деятельности фигурантов. Только в результате объединения процессуальной позиции следователя с методологией работы узких специалистов можно подтвердить реальность экономической сути, скрывающейся за внешне законной хозяйственной деятельностью и преодолеть названный выше когнитивный разрыв.

Доследственная проверка сообщения о факте совершения финансового преступления — это один из самых важных этапов подготовки к проведению дальнейшего

расследования. В данный момент для субъекта проведения расследования важно не только декларативно зафиксировать факт наличия сведений о наличии признаков состава преступления (это минимальное требование к применению ст. 140 УПК РФ) — а также сделать прогноз эффективности возможного уголовного преследования [2, с. 909–916].

Следователю необходимо рассмотреть возможные варианты развития ситуации по доказыванию — как прогнозирования характерных форм противодействия со стороны защиты, так и прогнозирования возможности подрыва создаваемой им системы доказательств при проведении качественной экономической экспертизы (которая в любом случае будет проведена обвинением либо судом в ходе судебного заседания). Игнорирование этого императива чревато преждевременным возбуждением бесперспективного дела либо, напротив, необоснованным отказом при наличии латентных признаков сложного экономического состава.

Для обеспечения надлежащей квалификации деяния и формирования устойчивого обвинительного тезиса уже на этапе проверки первичного материала следователю целесообразно задействовать потенциал специальных знаний. В контексте финансовых преступлений их спектр выходит далеко за рамки узкого прикладного аудита и должен охватывать: глубокое понимание принципов двойной записи, специфики синтетического и аналитического учета, а также знание отраслевых стандартов финансовой отчетности (как российских ФСБУ, так и международных МСФО). Это позволяет выявлять методологические манипуляции с первичной документацией, фиктивный документооборот, схемы необоснованного списания активов и искажения налогооблагаемой базы; владение методами анализа денежных потоков (cash flow), расчет показателей ликвидности и рентабельности, выявление экономически необоснованных транзакций, отклоняющихся от рыночных параметров ценообразования, а также оценка реальной стоимости выведенных из оборота активов; детальное знание механизмов исчисления федеральных, региональных и местных налогов, тонкостей применения трансфертного ценообразования, особенностей уклонения от уплаты сборов в различных организационно-правовых формах бизнеса, а также навыки верификации сложных страховых и пенсионных схем; знания в об-

ласти извлечения криминалистически значимой информации из защищенных баз данных ERP-систем (например, SAP, 1C), электронных кошельков, криптовалютных транзакций, а также навыки работы с альтернативными данными (метаданными документов, логами серверов).

На стадии проверки сообщения привлечение специальных знаний может осуществляться в нескольких процессуальных и непроцессуальных формах. Во-первых, это может быть привлечение специалиста (в порядке ст. 58, 168 УПК РФ) для дачи предварительных справок и заключений по вопросам бухгалтерского учета без проведения полноценного экспертного исследования. Специалист в этих случаях способен оперативно проанализировать выписки по банковским счетам, книги покупок и продаж, выявить аномалии в первичной документации и подготовить обоснованное суждение о наличии материального ущерба. Во-вторых, — проведение документальной ревизии или ведомственной проверки силами контрольно-ревизионных подразделений профильных министерств и ведомств (например, КРУ МВД России, службы внутреннего аудита госкорпораций), что обеспечивает доступ к закрытой внутренней документации хозяйствующего субъекта. В-третьих, — получение консультаций у сотрудников кафедр судебно-экспертной деятельности ведущих юридических вузов или аттестованных аудиторов частных консалтинговых групп для построения предварительной матрицы доказывания и определения круга обстоятельств, подлежащих установлению. В-четвертых, — инициация оперативно-розыскных мероприятий, направленных на негласное получение цифровых следов (выгрузок из биллинговых систем, банковских токенов доступа), дешифровка и последующая интерпретация которых невозможны без участия IT-специалистов. В-пятых — применение автоматизированных информационно-аналитических комплексов (“Спектр”, “Поток”) с консолидацией данных по реестрам ФНС, таможенным декларациям, межбанковскому обмену на определение аномальных признаков финансовой активности проверяемого субъекта.

Названный превентивный метод дает возможность систематизировать отдельные экономические индикаторы в единую совокупность данных еще в ходе проверки сообщения о совершённом преступлении, тем самым предотвращает ситуацию, ког-

да решение будет основано только на факте существования недоимки/разницы денежных средств без дальнейшего анализа механизма совершения латентного финансового преступления с целью его дальнейшей уголовно-правовой квалификации.

При проведении расследований по финансовым преступлениям особо важное место занимают правильность квалификации совершенных деяний и тактика построения системы доказательств. К числу типичных недостатков работы следователя относится неправильное определение статуса лица, в котором на конкретном этапе нуждается расследование — специалиста или эксперта [3, с. 141–146]. Данные лица осуществляют разные функции — отсюда вытекает разное применение тактики привлечения этих лиц.

Процессуальная демаркация здесь имеет сугубо прикладной характер. Экспертиза представляет собой инструмент ретроспективного познания: ее назначение обусловлено необходимостью разрешения возникшего у следствия специального вопроса посредством проведения автономного исследования с последующим формулированием категоричных или вероятностных выводов (ст. 57 УПК РФ). Специалиста используют в основном для решения задач познавательного характера следствия — помощь техническая, помощь при выявлении, фиксации и изъятии вещественных доказательств или документов; для формулирования вопросов перед экспертом (статья 58 УК РФ).

Но под маской формальной регламентации процесса заложены существенные тактические отличия — без учета которых можно полностью исказить динамику раскрытия факта финансового преступления. Например, привлечение специалиста является временным мероприятием; оно проводится при проведении проверки сообщения о преступлении, а также при производстве первоначальных следственных действий (осмотр места происшествия, обыск в офисе предприятия, выемка с серверов документов и др.) [4, с. 177–185]. Тактическая цель — обеспечивать оперативную работу следователя с Big Data: возможность быстро найти отклонение по счетам-фактурам; определить наличие признаков подделки документов либо выявить “цифровой след” движения средств до начала применения мер по удаленному доступу к данным. Эксперт включается в работу только по завершении первичного этапа аналитического исследования —

то есть после формирования информационной матрицы исходных данных, ее юридического оформления и необходимости дальнейшей декомпозиции. А также участие специалиста часто осуществляется во время проведения следственных действий в формате консультаций «на месте». Ценность его заключается в том что он может оперативно оценивать степень важности выявленных предметов/объектов не останавливая осмотр (или обыск). При наличии финансового преступления дает возможность оперативно изменить направление расследования (например, переход от работы с документами к работе по адресам криптокошельков) непосредственно во время проведения обыска. Работа эксперта регламентирована, изолирована от фактов операционного момента и осуществляется по строгому алгоритму научного исследования, без возможности импровизации.

При разграничении компетенций специалиста и эксперта нельзя не принимать во внимание то, что тактика привлечения специалиста должна быть ориентирована на решение поисковых задач микроуровня: выявление латентных каналов вывода ликвидности, трассировка запутанных цепочек взаимозачетов, локализация резервных копий баз «1С» или банковских терминалов. Специалист помогает правильно поставить задачу [5, с. 95–101]. С другой стороны — экспертиза ведется по макропоказателям — оценка размера убытков в целом, доказывание умысла при совершении действий по банкротству; расчет рыночной цены выведенного имущества либо реконструкция динамики финансового состояния предприятия за прошлые периоды времени.

Отличие специалиста от эксперта кроется еще и в методологии работы. Специалист использует инструменты экспресс-диагностики, визуальной оценки информации (к примеру построение карты взаимосвязей контрагентов через специализированный программный комплекс) — для эксперта характерны же экономико-криминалистические моделирование, расчетные аналитические методики; формальная логическая проверка выдвинутых предположений.

Пренебрежение этими гранями различий между специалистом и экспертом влечет за собой комплекс негативных последствий. К таким негативным последствиям, в частности, относится преждевременное назначение судебной экспертизы по нес-

формированной документальной базе, которое приводит к получению вероятностных, двусмысленных выводов и затягиванию сроков предварительного следствия. Наоборот — замена комплексной экспертизы на консультацию специалиста по профилю приведет к тому, что быстро полученное мнение специалиста не будет обладать необходимой для суда доказательственной силой.

Суть эффективной методики расследования финансовых преступлений кроется именно в практическом осознании этих отличий специалиста от эксперта. Специалист — это инструмент получения достоверных фактов (эмпирик), а эксперт — субъект, дающий оценку полученному в ходе расследования массиву финансовых документов, который превращает их из эмпирики в наукообразное знание, устойчивое к проверке судом. Суть организации расследования заключается в гармоничном сочетании данных форм мышления — при этом все задействованные лица действуют строго по своему профилю для получения эффекта сложения результатов работы.

Механизмы включения специальных знаний в орбиту предварительного расследования по делам о преступлениях финансовой направленности меняют свое направление — от ситуативного использования к комплексному обеспечению [6, с. 66–69]. К наиболее эффективной форме работы со специалистом относится консультативная помощь вне существующих процессуальных форм.

Вопреки распространенному мнению, ограничивающему роль сведущего лица технической стороной дела, его участие должно носить стратегический характер. При расследовании преступлений экономической направленности следователь обязан прибегать к консультированию, которое должен давать специалист, не только для определения алгоритма производства отдельных следственных действий (например, выемки или обыска), но и касательно архитектоники всего расследования. На основании заключения специалиста необходимо разрабатывать общий план доказывания — на основе которого предъявляется обвинение, проводится очная ставка, делается проверка показаний на месте.

На первоначальном этапе (до начала применения принудительных процессуальных действий) только специалист может сделать прогностическую реконструкцию

оборота документов юридического лица, которое обоснованно предполагается вовлечённым в криминальную схему. Это определяет эвентуальную доказательственную ценность определенных реестров/электронных данных; обнаружение нестандартных локализаций (резервное копирование на сторонние сервера, скрытые тома жестких дисков, облако) — регламентацию порядка изъятия с сохранением целостности цифрового следа и метаданных.

Обращение особого внимания на эту проблему необходимо по причине актуальности проблемы для условий сегодняшнего дня работы с документацией бухгалтерского учета. В ситуации, когда бухгалтер осуществляется не внутри самой компании первичного источника данных, а выполняется внешней компанией по договору аутсорсинга или вообще строится в среде облачных виртуальных систем — обычные методы поиска информации могут просто не сработать. Без консультационного сопровождения велик риск совершения тактической ошибки: например, направления запроса провайдеру услуг без надлежащего правового оформления, что приведет к безвозвратной потере массива транзакционных логов.

Предшествование внедрения компетентности специалиста на этапе аналитического обеспечения деятельности по расследованию служит фильтром профилактической направленности. Это исключает возможность получения случайной совокупности документов без взаимосвязи с ситуацией, фрагментарных материалов; обеспечивает создание упорядоченного банка данных информации со смысловой целостностью. Такое исключение обеспечивает целостность представления о финансово хозяйственном обороте субъекта, дает возможность в ретроградном порядке восстановить пути совершения подозрительных операций, определить механизм перемещения денег через транзит и раскрыть истинную экономическую суть сделки с точки зрения ее правового оформления. В результате — синергия профессиональных знаний следователя и точной компетентности консультанта трансформирует установленную реальность объективно существующих фактов в форму интеллектуальной модели имевшего место преступного поведения.

Процессуальная форма включения специальных знаний в работу следователя, в соответствии с уголовно-процессуаль-

ным законом, — это принципиально новый вид процесса доказывания при расследовании преступлений финансовой направленности. Специфика данного вида деятельности следователя (во взаимодействии со специалистом) заключается в том, что она происходит не как внешний консультативный процесс (внепроцессуальный), а с прямым вовлечением специалиста в проведение следственных действий для достижения эффекта синергии между криминалистической тактикой и специализированным знанием лица, обладающего узкими (но при этом глубокими) профессиональными познаниями.

Во время следственного осмотра специализированное содействие (со стороны специалиста), имеющее технико-криминалистическую направленность, сочетается с поиском скрытых цифровых носителей информации. Специалист проводит целенаправленный поиск таких устройств, которые могут быть умышленно скрыты сотрудниками организации, например, компактных SSD-накопителей, аппаратных криптокошельков или специальных токенов систем дистанционного банковского обслуживания. Кроме того, специалист осуществляет когнитивный анализ бухгалтерской системы — выявляет смысловую нагрузку по счетам учета, разграничение первички от вторичных отчетов. Задача специалиста — обязательная дубликация информации при наличии возможности проверки целостности файла (хеш суммы), фиксация технических параметров изъятых устройств (серийные номера ПО, конфигурации сети).

При производстве обыска функционал специалиста трансформируется из технического фильтра в предметно-аналитический. Применяя методики реконструктивного учета, он способен оперативно дифференцировать массив документации, выделяя из общей документальной массы лишь те объекты, которые имеют прямое отношение к сомнительным финансово-хозяйственным операциям с конкретными контрагентами за строго определенные ретроспективные периоды. Это исключает процессуальное основание для изъятия всей первички предприятия — тем самым исключается парализация текущего хозяйствования предприятия и минимизируется возможность оспаривания действий следствия.

Немало важная функция специалиста — подготовка к допросу фигуранта. Имплементация его работы на этом этапе

проявляется не столько в помощи следователю при непосредственном диалоге с подозреваемым/свидетелем, сколько в предварительной выработке тактики построения системы доказательств. Специалист вовлекается в создание общих для расследования вопросов высокого уровня по проблеме фальсификации и оборота документов. Рассматривается вопрос об определении действительных бенефициаров по сделке; определение реально существующего порядка согласования платежного поручения минуя установленный порядок утверждения; раскрытие схемы разграничения материально — правовой ответственности должностных лиц; выявление схем извращения экономического содержания операции при ее отражении в синтетическом и аналитическом учете. Такой способ исключает возможность для допрашиваемого сослаться на “обычные практики” либо своё незнание вследствие сложности финансового устройства фирмы.

Конверсия процессуальной формы специальных знаний для целей формирования доказательственной базы при расследовании данных видов преступлений проявляется в институте вынесения заключения специалистом (ст. 80 УПК РФ), его допросом. Такая форма привлечения сведущего лица является самостоятельной формой доказывания, дает возможность придать юридическую силу мнению специалиста до проведения судебной экспертизы.

Заключение специалиста — это документированное выражение мнения специалиста по вопросам его компетенции в интересах следствия. Функциональная нагрузка заключения разнообразна — с одной стороны это экспресс-оценка подлинности изъятой финансовой документации; с другой — ретроактивная проверка версии следователя о возможности ее реализации; кроме того, заключение выступает инструментом процессуальной фильтрации при определении необходимости проведения затратной и длительной экспертизы. На основании этого документа эксперт может убедительно доказать необходимость использования деструктивных способов исследования либо дорогостоящих лабораторных исследований для решения задач, что позволит сократить время проведения досудебных стадий.

Причем важно обозначить пределы полномочий данного лица. Получение заключения специалиста не заменяет, а тем бо-

лее не замещает судебную экспертизу — оно опирается только на имеющиеся у органа дознания, следствия сведения и материалы. В случае необходимости для определения вышеуказанных обстоятельств необходимо осуществить независимую научно-исследовательскую работу (например, химико-техническое исследование чернил по дописанным квитанциям; компьютерно-техническая экспертиза изъятых материалов или почерковедческая идентификация подписей, не сводящаяся к визуальному сравнению), решение данной проблемы является монополией эксперта при соблюдении требований закона.

Поэтому показания специалиста по итогам изучения своего заключения являются подтверждением и пояснением. При допросе он объясняет следствию (суду), другим лицам процессуальное значение обнаруженных им фактов финансовой несостоятельности; расшифровывает для них специальный язык бухучета; поясняет методику проведенного им анализа. Это позволяет трансформировать сугубо технические выводы в понятную правовую аргументацию, формируя у адресатов доказывания внутреннее убеждение относительно механизма совершения преступления еще на досудебных стадиях производства.

Институт судебной экспертизы выступает высшей и наиболее строгой формализованной формой имплементации специальных знаний в методику расследования финансовых преступлений [7, с. 161–171]. В отличие от иных форм участия сведущих лиц, данный институт характеризуется строгой процессуальной регламентацией, детерминированной не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и разветвленной системой ведомственных инструкций и федеральных стандартов судебно-экспертной деятельности [8, с. 189–195]. Процессуальный статус эксперта, детерминированный положениями уголовно-процессуального закона и федерального законодательства о государственной судебно-экспертной деятельности, предполагает полную исследовательскую автономию при строгом соблюдении апробированных методик.

При расследовании финансовых преступлений назначение экспертиз продиктовано необходимостью перевода латентных экономических процессов на язык объективных количественных показателей. Следственная практика выработала устойчивый алгоритм обращения к конкретным

судебным экспертизам при расследовании финансовых преступлений. Это — судебно-бухгалтерская экспертиза, финансово-аналитическая и финансово-кредитная экспертизы, налоговая экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, почерковедческая экспертиза. При этом следует особо отметить то, что в соответствии с Приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72 судебно-бухгалтерская, финансово-аналитическая, финансово-кредитная, налоговая экспертизы рассматриваются, как направления экономической экспертизы.

Назначение и проведение судебно-бухгалтерской экспертизы целесообразно лишь после исчерпания возможностей документальной ревизии. Ключевая особенность её проведения заключается в реконструктивном анализе: эксперт восстанавливает недостающие звенья учетного цикла, выявляет методы нейтрализации средств внутреннего контроля (например, нетипичные бухгалтерские проводки или отсутствие обязательных реквизитов) и устанавливает точное стоимостное выражение материального ущерба от необоснованного списания активов.

Финансово-аналитическая и финансово-кредитная экспертизы направлены на деконструкцию сложных многоуровневых схем движения капитала. В ходе их проведения анализируется не только статика балансов, но и динамика денежных потоков (cash flow). Эксперт определяет экономическую целесообразность сделок с дисконтом, выявляет признаки создания фиктивной дебиторской задолженности для вывода ликвидности и оценивает реальную рыночную стоимость нетрадиционных инвестиционных инструментов.

Налоговая экспертиза отличается жесткой привязкой выводов к действующей фискальной нормативной базе. Особенность ее назначения состоит в постановке перед экспертом вопросов об обоснованности полученной налоговой выгоды или применения специфических отраслевых льгот. Результатом становится точный расчет размера неисполненных налоговых обязательств субъекта.

Компьютерно-техническая экспертиза становится системообразующей за счет всеобщего перехода на электронный учет. Объектом исследования выступают не документы, а метаданные, временные метки операций по действиям с документами, логи работы серверов баз и кэш остатков данных в облачных хранилищах [9, с. 172–

177]. Характерная черта — предварительное создание бит-стримовой копии носителя информации перед началом проведения анализа для сохранения целостности доказательств.

Назначается почерковедческая экспертиза в целях установления факта подлинности (подделки) подписи на кредитном договоре, распорядительных письмах в банк, актах приема-передачи векселей при возбуждении дела о мошенничестве с использованием кредитных средств. Сложностью является исследование короткой подписи по электронно-фотографическим копиям.

Поскольку в настоящее время финансовая преступность характеризуется высокой степенью межотраслевой взаимосвязи, то раздельное выполнение указанных экспертиз может дать лишь отрывочное представление об обстоятельствах совершения преступления. В случае если фабула уголовного дела включает в себя вопросы функционирования распределенного реестра, ценообразования на макроуровне и принципы построения синтетической бухгалтерии — есть необходимость выполнения экспертизы по всем перечисленным вопросам.

Целесообразность производства комплексной экономической и компьютерно-технической либо почерковедческой и судебно-экономической экспертизы определяется невозможностью разрешения поставленного вопроса рамками компетенции одного узкого специалиста. При таком подходе создается комбинированная экспертная группа различных направлений, дающая комплексную оценку — связь действия физического лица (ввод кодов, подпись) с реализованным эффектом на макроуровне — перестройкой баланса организации либо противоправным получением бюджетных средств. Конвергенция именно таких разнородных компетенций дает возможность объединить фрагментарные доказательства и восстановить картину совершения преступления в целом.

Заключение эксперта — имеет особый процессуальный статус как вид доказательства, однако оно оценивается субъектом по общим правилам вместе со всеми остальными доказательствами по уголовному делу [10, с. 20–22]. Специфика исследования, включенная в заключение эксперта никоим образом не снимает с него обязанность следователя проводить комплексную оценку этого заключения

(состоящую в сопоставлении его с другими имеющимися доказательствами).

Гносеологическая оценка экспертного заключения состоит из анализа множества показателей. Определяется уровень компетенции эксперта — образование, специальная подготовка, стаж работы по данной конкретной специальности (финансовый кредитный анализ либо компьютерно-технический анализ) и отсутствие законных причин для отвода. Немаловажную роль играет контроль первичных материалов — следователь должен проверить подлинность и пригодность для исследования предоставленного ему материала, оценить непрерывность цепи легального владения цифровыми объектами через проверку хеш-значений файлов и соответствие хронологии рассматриваемых документов времени совершения преступления.

Дальше рассматривается методология. Оценивается правильность использования данной экспертной методики, актуальность используемой методики для современного состояния науки; верна ли процедура поэтапного проведения исследования; допустимо ли использование определенных математических моделей по отношению к полученным эмпирическим фактам. Акцент делается на логике построения документа — все промежуточные выводы, частичные вычисления результатов должны логически (имплицитно) вести к заключению по документу — без смысловых пропусков, немотивированных обобщений или замен понятий. Итоговый расчет материального вреда должен быть арифметически прослеживаемым через представленные расчетные схемы до получения конечного результата.

Фундаментальная оценка — это оценка соответствия заключения эксперта другим материалам по делу. Сопоставление заключения эксперта с протоколами производства следственных действий, материалами оперативно-розыскных мероприятий, показаниями лиц по делу; выявленные скрытые несоответствия должны быть ликвидированы через дачу пояснений экспертом либо проведение повторной экспертизы. А вот когнитивный фетишизм текста — это совсем другое дело. Наличие сложной профессиональной терминологии, активное использование экономико-математического аппарата, массивные статистические таблицы или ссылки на фундаментальные экономические доктрины зачастую создают иллюзию непогрешимости, однако они лишь маскируют

содержание, но не заменяют его собой. Процессуальный закон возлагает на правоприменителя императивную обязанность демистифицировать любое исследование, проникая в суть аргументации за наукообразным фасадом. В случае необходимости для устранения выявленного когнитивного блока необходимо привлечь другое компетентное лицо для консультаций или провести повторную экспертизу по месту нахождения другого учреждения — непринятие этих мер будет означать неисполнение обязанностей, возлагаемых на следователя. Мерилом оценки является установление истины и не формальное подчинение мнению органа-исполнителя.

В системе изучения финансового преступления специальные знания криминалистического направления являются не дополнительными, а основными методами познания. Особенности деликтов финансовой сферы — большая скрытость, интеллектуальный характер подготовки преступления, фальсификация под видом гражданских правоотношений — требуют именно специализированного подхода.

Данная экспертиза дает возможность разложить до элементов номинальную юридическую конструкцию сделок в целях установления ее реального преступно-экономического содержания; воссоздать на основании имеющихся данных сложившуюся схему перемещения финансовых потоков по цепочке взаимосвязанных лиц с целью выявления конечного выгодоприобретателя; определить наличие признаков многоступенчатого подлога бухгалтерской (финансовой) отчетности и умышленного манипулирования учетной политикой субъекта хозяйствования.

В контексте расследования только финансовых преступлений применение этого аппарата должно быть не разрозненным, а исключительно комплексным — включаться в работу следствия еще на этапе подготовки к проведению мероприятий по сбору большого количества документов и фиксированию электронных носителей. Отсутствие реализации такого тактического требования приводит к следующим гносеологическим и доказательственным пробелам — возможна полная утрата электронного доказательства от действий самого обвиняемого (удаление с серверов/носителей информации удаленно либо путем его зашифровывания), повреждение структуры файлового метаданного при неправильном снятии носителя информа-

ции; отсутствие возможности правильно оценить полученное доказательство без заранее разработанной теории исследования. Предварительное экономическое и аналитическое исследование определяет границы следственной ситуации по преступлению — дает возможность систематизировать разрозненные сведения о не связанных с делом проводках в еди-

ную цепочку доказательств вины до фактического возбуждения уголовного дела. То есть вовремя вызванные специалисты — экономисты позволяют сохранить следы финансовой работы, а зафиксированные ими впоследствии изъятые материалы будут иметь надлежащую доказательную ценность (избегать признания недопустимыми по причине нарушения процедуры).

Литература

1. Мезенцева Ю. Р., Ищенко А. А. Финансовые преступления как угроза современного мира и методы борьбы с ними // Наука и мир. 2023. № 3. С. 11–15.
2. Подольный Н. А. Перспективы предварительного расследования: оценочная категория в деятельности следователя // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2026 Т. 36, вып. 5 С. 909–916.
3. Подольный Н. А. Особенности привлечения специальных знаний при расследовании преступлений, совершённых с применением цифровых технологий // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: Материалы XIV международной научно-практической конференции, Уфа, 12 декабря 2025 года. Уфа: АНО «Право будущего», 2025. С. 141–146.
4. Подольный Н. А. Специальные знания как тактико-криминалистическое средство расследования преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 01 марта 2024 года. — Казань: ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2024. С. 177–185.
5. Подольный Н. А. Специальные знания при выявлении и расследовании киберпреступлений // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 04 июня 2025 года. — Москва: Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева, 2025. С. 95–101.
6. Анешева А. Т. Некоторые аспекты получения заключения специалиста и показаний специалиста // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 23–24 марта 2023 года. — Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. С. 66–69.
7. Ивлиев А. Д. Методологический подход к определению места судебной оценочной экспертизы в классификации судебных экономических экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1(146). С. 161–171.
8. Жданов С. П. Этапы формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы: история и современность // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 1(33). С. 189–195.
9. Подольная Н. Н., Подольный Р. Н. Место компьютерной экспертизы в расследовании преступлений, совершённых с применением цифровых технологий // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 года. Том 2022. — Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2022. С. 172–177.
10. Подольный Н. А. Критерий разумности срока получения заключения эксперта как требование по обеспечению качества проверки сообщения о преступлении // Эксперт-криминалист. 2024. № 1. С. 20–22.

References

1. Mezenceva Yu. R., Ishhenko A. A. Finansovye prestupleniya kak ugroza sovremennogo mira i metody bor'by s nimi. *Nauka i mir*. 2023. № 3. S. 11–15.
2. Podol'nyj N. A. Perspektivy predvaritel'nogo rassledovaniya: ocenochnaya kategoriya v deyatel'nosti sledovatelya. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 2026 T. 36, vy'p. 5 S. 909–916.
3. Podol'nyj N. A. Osobennosti privlecheniya special'ny'x znaniy pri rassledovanii prestuplenij, sovershyonny'x s primeneniem cifrovyy'x tekhnologij. In: Aktual'ny'e problemy ispol'zovaniya special'ny'x znaniy v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativny'x pravonarusheniyax: Materialy XIV mezhduнародной nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 12 dekabrya 2025 goda. Ufa: ANO Pravo budushhego, 2025. S. 141–146.

4. Podol'nyj N. A. Special'ny'e znaniya kak taktiko-kriminalisticheskoe sredstvo rassledovaniya prestuplenij. In: Kazanskije ugovorno-processual'ny'e i kriminalisticheskie chteniya: Materialy' III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 01 marta 2024 goda. — Kazan': OOO Redakcionno-izdatel'skij centr Shkola, 2024. S. 177–185.
5. Podol'nyj N. A. Special'ny'e znaniya pri vy'yavlenii i rassledovanii kiberprestuplenij. Problemy' protivodejstviya kiberprestupnosti: Materialy' III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 04 iyunya 2025 goda. Moskva: Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta RF im. A. Ya. Suxareva, 2025. S. 95–101.
6. Anesheva A. T. Nekotory'e aspekty' polucheniya zaklyucheniya specialista i pokazaniy specialista // Aktual'ny'e problemy' pravovogo regulirovaniya, organizacii i takiki proizvodstva sledstvenny'x dejstvij: Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Omsk, 23–24 marta 2023 goda. Omsk: Omskaya akademiya MVD RF, 2023. S. 66–69.
7. Ivliev A. D. Metodologicheskij podxod k opredeleniyu mesta sudebnoj ocenочноj e'kspertizy' v klassifikacii sudebny'x e'konomicheskix e'kspertiz // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 1(146). S. 161–171.
8. Zhdanov S. P. E'tapy' formirovaniya kriminalisticheskogo ucheniya o realizacii special'ny'x znaniy vne sudebnoj e'kspertizy': istoriya i sovremennost'. *E'konomika. Pravo. Obshhestvo*. 2023. T. 8, № 1(33). S. 189–195.
9. Podol'naya N. N., Podol'nyj R. N. Mesto komp'yuternoj e'kspertizy' v rassledovanii prestuplenij, sovershyonny'x s primeneniem cifrov'x tehnologij. Teoriya i praktika fundamental'ny'x i prikladny'x issledovanij v sfere sudebno-e'kspertnoj deyatel'nosti i DNK-registracii naseleniya Rossijskoj Federacii: materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 13–14 oktyabrya 2022 goda. Tom 2022. Ufa: Nauchno-issledovatel'skij institut problem pravovogo gosudarstva, 2022. S. 172–177.
10. Podol'nyj N. A. Kriterij razumnosti sroka polucheniya zaklyucheniya e'ksperta kak trebovanie po obespecheniyu kachestva proverki soobshheniya o prestuplenii. *E'kspert-kriminalist*. 2024. № 1. S. 20–22.

Сведения об авторе

Леванов С. М. — Майор полиции, старший оперуполномоченный группы экономической безопасности и противодействия коррупции ОМВД России «Голопристанский» ГУ МВД России по Херсонской области. РФ, Херсонская область, г. Голая Пристань. E-mail: levanow@rambler.ru

Information about the author

Levanov S. M. — Police Major, Senior Detective Officer of the Economic Security and Anti-Corruption Group of the Golopristsansky District Police Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kherson Region. Golaya Pristan, Kherson Region, Russian Federation. E-mail: levanow@rambler.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.09.2026

Дата рецензирования / Received: 17.09.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.09.2026

132

Маякова А. С.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА И КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИКОВ

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы, возникающие в ходе уголовно-правовой оценки преступлений в сфере незаконного оборота и контрабанды наркотиков, среди которых: определение момента окончания незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, в том числе, если такой сбыт происходит в рамках проверочной закупки или другого оперативно-розыскного мероприятия; оценка продолжаемого сбыта наркотических средств и психотропных веществ, а также определение его соотношения с институтом множественности преступлений; соотношение субъективной стороны деяний, предусмотренных статьями 228 и 228.1 УК РФ; особенности уголовно-правовой оценки аналогов наркотических средств и психотропных веществ; определение значения фактической ошибки в предмете преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. Предложены варианты решения перечисленных вопросов.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, уголовно-правовая оценка преступлений, сбыт наркотиков, продолжаемые преступления, фактическая ошибка

Для цитирования: Маякова А. С. Спорные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений в сфере незаконного оборота и контрабанды наркотиков // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 133–141. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-133-141

Mayakova A. S.

DISPUTED ISSUES IN THE CRIMINALLEGAL ASSESSMENT OF CRIMES INVOLVING ILLEGAL TRAFFIC AND DRUG SMUGGLING

Abstract. The article discusses certain issues that arise during the criminal assessment of crimes in the field of illicit trafficking and drug smuggling, including: determining the end of the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances, including if such sale occurs as part of a verification purchase or other operational search activity; assessment of the continued sale of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as determining its relationship with the institution of multiple crimes; the ratio of the subjective side of the acts provided for in Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; features of the criminal assessment of analogues of narcotic drugs and psychotropic substances; determining the value of an actual error in the subject of a crime related to drug trafficking. Options for resolving the listed issues have been proposed.

Keywords: narcotic substances, psychotropic substances, analogues of narcotic substances and psychotropic substances, criminallegal assessment of crimes, drug trafficking, continuing crimes, factual error

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, производство неотложных следственных действий по уголовным делам о контрабанде, предусмотренной ст. 229¹ УК РФ, осуществляют таможенные органы Российской Федерации. В случаях совершения контрабанды-вывоза, указанное преступление образует совокупность с общественно опасными деяниями, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 228, 228¹ и (или) 229 УК РФ.

Наиболее распространенными среди названных составов преступлений являются общественно опасные деяния, предусмотренные статьями 228, 228¹ и 229¹ УК РФ. В 2023 году было зарегистрировано 126916 преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, в 2024 г. — 135740, а в 2025 году — 159274 таких общественно опасных деяний. Очевиден рост числа таких преступлений [12].

Стабильно высоким остается и число преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ. В 2023 году было зарегистрировано — 57190, в 2024 г. — 53930, а в 2025 г. — 46380 данных преступлений [12].

Контрабанда, ответственность за совершение которой предусмотрена ст. 229¹ УК РФ, также относится к самым распространенным ее видам. При этом число случаев совершения указанного вида контрабанды также растет. В 2023 году было зарегистрировано 275 преступлений, предусмотренных ст. 229¹ УК РФ, в 2024 г. — 378, а в 2025 г. — 326 таких общественно опасных деяний [12].

В ходе уголовно-правовой оценки преступлений данной группы возникает несколько спорных вопросов, среди которых: 1) определение момента окончания преступления, связанного с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе, если такой сбыт происходит в рамках проверочной закупки или другого оперативно-розыскного мероприятия; 2) оценка продолжаемого сбыта наркотических средств и психотропных веществ, а также определение его соотношения с институтом множественности преступлений; 3) соотношение субъективной стороны деяний, предусмотренных ст. 228 и ст. 228¹ УК РФ; 4) особенности уголовно-правовой оценки аналогов наркотических средств и пси-

хотропных веществ; 5) определение значения фактической ошибки относительно предмета преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрим указанные вопросы последовательно.

С одной стороны, незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или содержащих их растений (далее — наркотики) принято относить к составам с необходимым (обязательным) соучастием в преступлении. Совершение указанного общественно опасного деяния невозможно в отсутствие адресата сбыта (приобретателя названных предметов). При этом каждый из таких субъектов выступает в качестве исполнителя самостоятельного преступления, сбыта (ст. 228¹ УК РФ) либо приобретения (ст. 228 УК РФ) наркотиков, соответственно. С другой стороны, состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ является формальным и не требует фактического наступления последствий в виде распространения наркотиков.

Наибольшие разночтения до настоящего времени вызывает определение момента окончания незаконного сбыта наркотиков, осуществляемого в рамках проверочной закупки, несмотря на разъяснения указанного вопроса в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2]. Так, судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда, усмотрела покушение на незаконный сбыт наркотических средств (ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ) в действиях А., который, находясь в ординаторской хирургического отделения больницы, в рамках проверочной закупки, проводимой сотрудниками ОУР ОВД по Волгодонскому району, передал Б. наркотические средства — смесь, содержащую в своем составе наркотические средства моноацетилморфин и диацетилморфин (героин), общей постоянной массой 0,692 грамма, что является крупным размером. Согласно приговору суда, А. «свои преступные действия, направленные на незаконный сбыт наркотического средства в крупном размере, не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, так как наркотическое средство было изъято из незаконного оборота в ходе проверочной закупки» [8]. На-

против, приговором районного суда г. Владивостока действия В., который, будучи неосведомленным о том, что гражданин Х. действует в рамках проверочной закупки, незаконно сбыл последнему в подъезде многоквартирного дома 1,55 г. каннабиса (марижуаны), были квалифицированы как оконченное преступление по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ [9].

Незаконный сбыт наркотиков следует считать оконченным уже в тот момент, когда лицо совершило все необходимые действия, направленные на передачу этих предметов приобретателю. Для незаконного сбыта наркотиков не имеет значения, получил ли приобретатель указанные предметы фактически, в том числе, если передача происходила в рамках проверочной закупки или другого оперативно-розыскного мероприятия, проводимого на основании Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Последующее изъятие наркотических средств, психотропных веществ или растений сотрудниками правоохранительных органов не меняет квалификацию содеянного как оконченного преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ [2]. Момент, с которого преступление, предусмотренное ст. 228¹ УК РФ и выражающееся в незаконном сбыте, считается оконченным, фактически смещен на стадию покушения: совершения действий, необходимых для передачи предмета преступления адресату приобретения.

Приобретение, хранение, перевозка, изготовление или переработка наркотиков, осуществляемые с целью их последующего незаконного сбыта, образуют часть объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ [6]. Если после совершения указанных действий лицо по независящим от него обстоятельствам не передает предмет преступления адресату сбыта либо не сообщает сведения о месте его нахождения, например, координаты тайника, содеянное квалифицируется, как покушение на незаконный сбыт наркотиков. Так, Р. осужден Железнодорожным районным судом г. Екатеринбурга за незаконное хранение ранее приобретенного наркотического средства с целью дальнейшего незаконного сбыта (ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ). Сверток, содержащий 17 пакетиков с наркотическим средством, Р. положил в карман своей куртки, после чего стал приискивать в Железнодорожном районе г. Екатеринбурга подходящее место для организации тай-

никовых закладок, но был задержан сотрудниками полиции [10].

Следующим является вопрос уголовно-правовой оценки продолжаемого сбыта наркотиков и его соотношение с институтом множественности преступлений. Особую сложность представляет такая оценка сбыта наркотиков посредством тайниковых закладок, если их размещение осуществляется в нескольких тайниках либо неоднократно в одном и том же месте. В связи с этим возникает вопрос: следует ли рассматривать такие действия как совокупность самостоятельных преступлений или как единое продолжаемое преступление. Единым продолжаемым преступлением признается общественно опасное деяние, включающее несколько однородных преступных действий, объединенных общим умыслом и направленных на достижение единой цели. Как правило, совершение нескольких аналогичных деяний, охватываемых единым умыслом, не образует совокупности преступлений. Однако необоснованное признание систематической деятельности по сбыту наркотиков единичным преступлением может привести к назначению несправедливо мягкого наказания.

Считается, что при уголовно-правовой оценке действий лица, распространяющего наркотические средства через несколько тайниковых закладок, необходимо учитывать направленность умысла виновного и его единство, принадлежность наркотиков к одной партии или общей массе, а также то, предназначались ли они одному или нескольким покупателям. Об обоснованности квалификации содеянного как единого продолжаемого преступления также может свидетельствовать наличие предварительной договоренности о приобретении всего объема наркотиков, имевшегося у продавца.

Если реализация наркотических средств и психотропных веществ осуществляется одновременно в рамках единого преступного намерения, направленного на их общий сбыт, содеянное квалифицируется как одно преступление. При этом учитывается то вещество или средство, для которого предусмотрен наименьший порог определения значительного, крупного либо особо крупного размера. Также суд устанавливает, предназначались ли наркотики для передачи одному человеку или нескольким лицам.

Ситуации, при которых наркотическое средство размещается в нескольких

тайниках, а информация об их местонахождении передается в так называемый «магазин» — лицу, организующему незаконный сбыт наркотиков через Интернет, — суды, как правило, квалифицируют как единое преступление. В качестве основания указывается наличие у виновного единого умысла на реализацию всей партии наркотического средства. Так, С. В. Сыромятников и И. И. Сарычев, характеризуя рассматриваемую ситуацию, в качестве примера приводят приговор Куйбышевского районного суда, которым установлено, что Л. забрал из тайника наркотическое средство в крупном размере. Действуя в соответствии с заранее достигнутой договоренностью с неустановленным лицом и реализуя единый преступный умысел, направленный на сбыт всей полученной партии, он хранил наркотическое средство при себе с целью последующей реализации. Затем Л. разместил часть наркотика в десяти тайниках, предварительно зафиксировав их местоположение. Оставшуюся часть вещества он намеревался также распределить по тайникам, подготовить описание их расположения и передать соответствующую информацию в интернет-магазин неустановленному лицу, организовывавшему незаконный сбыт наркотиков посредством сети Интернет. Однако завершить умысел, направленный на сбыт всей партии наркотического средства, включая ее часть, уже помещенную в тайники, Л. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку был задержан сотрудниками полиции. О наличии единого умысла Л. свидетельствует также то, что все действия по подготовке к сбыту были совершены в течение непродолжительного времени, практически в одном месте, в отношении наркотического средства, происходившего из одной партии и расфасованного в однотипные полимерные пакеты [13, с. 21].

Вместе с тем есть и иные подходы к решению указанного вопроса. Ситуации, в которых суд рассматривает действия «закладчика» как соучастие в сбыте наркотиков нескольким «конечным потребителям», квалифицируют по совокупности преступлений. Так, суд признал В. виновным в совершении 14 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, квалифицировав его действия как покушения на незаконный сбыт наркотических средств, с использованием информационно-телекоммуникационных

сетей (включая сеть «Интернет»), в значительном размере, организованной группой. В. осуществил несколько тайниковых закладок наркотиков, принадлежащих к одной партии, координаты расположения которых он планировал передать представителю интернет-магазина, однако был задержан сотрудниками полиции. В качестве аргументации такой квалификации действий В. судом указано следующее: «в каждом случае умысел В. был направлен на сбыт конкретной отдельной части наркотических средств. На это указывает то, что наркотические средства были расфасованы и разложены в тайники, расположенные в разных местах хранения. Исходя из установленных судом фактических обстоятельств, наркотические средства предназначались не одному лицу, а нескольким потенциальным покупателям, которые имели возможность приобрести наркотические средства через различные тайниковые закладки» [4].

Из приведенных выше примеров видно, что сходные действия субъекта, связанные с передачей координат тайниковых закладок, содержащих наркотики, представителю интернет-магазина, судом были квалифицированы по-разному. В основе различной квалификации лежат различные подходы суда к определению количества адресатов сбыта.

Вместе с тем представляется, что в случае планирующейся либо реализованной передачи координат нескольких тайниковых закладок представителю интернет-магазина, мы можем с уверенностью говорить только об одном адресате. На стадии покушения на совершение рассматриваемого преступления, число «конечных потребителей» определить невозможно. При этом в качестве адресата сообщения на данном этапе реально выступает один человек — представитель интернет-магазина, занимающегося продажей наркотиков.

Кроме того, не следует заранее соотносить количество «конечных потребителей» и количество закладок. Так, например, «конечным потребителем» наркотиков, расположенных в нескольких тайниковых закладках в итоге может оказаться и одно лицо. Поэтому осуществленный в короткий промежуток времени сбыт одному адресату, расположенных в различных тайниковых закладках наркотиков, относящихся к одной партии, путем указания координат таких закладок, следует рассматривать как одно продолжаемое преступление, в слу-

чае совершения таких действий с единым умыслом.

При этом действия субъекта, выразившиеся в размещении наркотических средств в разных тайниковых закладках и сообщении координат таких закладок различным адресатам, следует рассматривать применительно к каждой закладке как отдельное оконченное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом. В целом такие действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 228¹ УК РФ.

Квалифицируя повторный сбыт наркотиков одному и тому же адресату, следует учитывать направленность умысла виновного. Совершение указанных действий с новым умыслом, в отсутствие договоренности о неоднократном сбыте наркотиков с определенной периодичностью, образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ.

Наличие либо отсутствие единства умысла виновного на сбыт всей партии наркотиков следует учитывать и при решении вопроса о наличии либо отсутствии совокупности преступлений в случаях, если одна часть наркотического средства была обнаружена в тайниковой закладке, а другая — в транспортном средстве, использовавшемся для его перевозки. В отсутствие единого умысла на сбыт наркотиков, действия субъекта будут квалифицированы как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 228, ч. 3 ст. 30 и ст. 228¹ УК РФ либо ч. 3 ст. 30 и ст. 228¹, ч. 3 ст. 30 и ст. 228¹ УК РФ, в зависимости от цели размещения наркотиков в транспортном средстве.

Преступления, предусмотренные статьями 228 и 228¹ УК РФ, совершаются с прямым умыслом. Субъективная сторона ст. 228 УК РФ не предусматривает цели сбыта наркотиков. Превышение размера наркотического средства над обычной дозой для личного потребления само по себе не может служить прямым доказательством наличия умысла у субъекта на сбыт.

Наличие умысла на сбыт подтверждается совокупностью обстоятельств, среди которых значительный объем наркотиков, находящихся у лица или в его жилище (автомобиле), расфасованных на множество мелких пакетиков, часть из которых может быть оснащена магнитами для крепления в тайниковых закладках; переписка с абонентами по вопросам приобретения наркотиков и уточнения мест их закладки; фо-

тографии с изображением мест тайников, на которых нанесены метки (стрелки, окружности). Дополнительно указывает на такой умысел наличие в квартире упаковочных материалов — зип пакетов, множества одинаковых предметов повседневного обихода (массажных щеток, маркеров, тюбиков губной помады или блеска для губ, контейнеров для ватных палочек, флаконов от лосьона или дезодоранта и др.).

Дискуссионным остается вопрос о наличии или отсутствии состава преступления, связанного с незаконным оборотом и контрабандой наркотиков в случаях, когда предметом преступления выступает их аналог. Анализ определения аналогов, содержащегося в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее — ФЗ № 3) [3], позволяет выделить ряд их характерных признаков.

Так, А. В. Федоров, с опорой на закрепленное в ФЗ № 3 определение, указывает, что к аналогам относятся вещества, которые: 1) имеют синтетическое или естественное происхождение; 2) не включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации; 3) воспроизводят психоактивное действие веществ, входящих в указанный Перечень; 4) обладают химической структурой, сходной со структурой контролируемых наркотических средств и психотропных веществ, действие которых они воспроизводят; 5) имеют свойства, аналогичные свойствам таких контролируемых веществ; 6) запрещены к обороту на территории Российской Федерации [14, с. 101]. Вместе с тем существующая административная процедура включения аналогов в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (далее — Перечень № 681)[5] находится в процессе реформирования в связи с необходимостью устранения избыточной бюрократизации такого процесса, а также повышения возможности оперативного реагирования на появление новых препаратов и форм.

Поясняя отличительные признаки аналогов, следует согласиться с исследователями рассматриваемой области знаний, которые в целом подчеркивают следующее:

— аналогом наркотика не может являться препарат, растение или природный

материал в целом. Однако аналоги могут быть у отдельных наркотиков, входящих в состав препаратов (смесей), а также у веществ, получаемых из растений, и у психотропных компонентов, содержащихся в природных материалах;

— если вещество, ранее квалифицированное как аналог, включается в Перечень № 681, оно перестает считаться таковым и приобретает статус самостоятельного наркотического средства или психотропного вещества;

— под воспроизведением аналогами психоактивного действия вещества из Перечня № 681 понимается, что они: 1) оказывают возбуждающее либо угнетающее воздействие на центральную нервную систему (вызывают стимуляцию, дезориентацию, ступор, эйфорию, галлюцинации, абстинентный синдром и т. п.); 2) способны формировать зависимость (синдром зависимости);

— сходная химическая структура аналога и наркотика устанавливается только экспертным путем. Однако обоснованность экспертного заключения может вызывать сомнения, например, если: эксперт не обозначил конкретное наркотическое средство или психотропное вещество, с которым производится сопоставление; в заключении отсутствует описание признаков и критериев химической близости; вывод основан преимущественно на наименовании вещества, его формуле либо отнесении к определенной химической группе. Например, «дизайнерские наркотики» изготавливаются так, чтобы не подпадать под действие правовых норм;

— необходимо учитывать взаимосвязь между химическим строением вещества и его фармакологическим, в том числе психоактивным, воздействием. Само по себе сходство химических структур еще не означает идентичности или аналогичности фармакологического действия. Близкие по строению вещества могут проявлять схожую активность, но могут и существенно отличаться по своим свойствам. Кроме того, свойства аналогов должны быть сопоставимы со свойствами наркотиков. Свойства веществ — это признаки, позволяющие отличить одни вещества от других, или установить сходство между ними. К физическим свойствам вещества относят агрегатное состояние, цвет, плотность, теплопроводность, электропроводность, температуру кипения, температуру плавления и др. К химическим свойствам — способность вещества всту-

пать в различные химические реакции и взаимодействовать с другими соединениями. Вместе с тем законодательство не устанавливает четких критериев относительно того, с какими именно свойствами должно совпадать вещество для признания его аналогом [14, с. 102–114; 1, с. 5–20; 13, с. 23–25; 11, с. 19].

В делах, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, предмет преступления выступает обязательным элементом состава. Его отсутствие может повлиять на квалификацию совершенного деяния. Поэтому представляется важным разрешение спорных вопросов уголовно-правовой оценки содеянного как в тех случаях, когда предметом незаконного оборота и контрабанды наркотиков выступает аналог, так и при наличии фактической ошибки в предмете таких преступлений.

Например, в ситуации, когда субъект по ошибке из аптеки вместо наркотиков похищает лекарство, их не содержащее, образуют покушение на хищение наркотических средств (ч. 3 ст. 30 и ст. 229 УК РФ). Но поскольку в этом случае фактический вред причинен также другому объекту — общественным отношениям, обеспечивающим защиту собственности, дополнительно действия такого лица следует квалифицировать по соответствующей части ст. 158 УК РФ, в отсутствие признаков малозначительного деяния, то есть когда стоимость похищенного лекарства достаточна для привлечения такого субъекта к уголовной ответственности.

Вместе с тем вопрос о причинении по ошибке вреда дополнительному или другому объекту рассматривается отдельными авторами несколько иначе. Позиция таких авторов о необходимости квалификации содеянного только по ч. 3 ст. 30 и ст. 229 УК РФ аргументируется обычно «приоритетом направленности умысла виновного», а также «посягательством на негодный предмет» [15, с. 129; 16, с. 35]. Вместе с тем представляется, что указанные аргументы не исключают причинения вреда общественным отношениям, обеспечивающим защиту собственности. Поэтому верна позиция тех ученых, которые усматривают в рассматриваемой ситуации идеальную совокупность преступлений.

Если лицо с целью извлечения выгоды продает под видом наркотиков какие-либо другие вещества или средства, не обладающие соответствующими свойствами, та-

кие действия квалифицируются как мошенничество. При этом покупатели, которые добросовестно полагали, что приобретают именно наркотики, несут ответственность за покушение на их приобретение, в связи с фактической ошибкой в предмете преступления [7]. Квалификация в ситуации фактической ошибки, в том числе и в области предмета незаконного оборота и контрабанды наркотиков, определяется по направленности умысла субъекта, но с учетом причинения вреда различным объектам уголовно-правовой защиты.

Например, лицо должно нести ответственность: 1) за покушение на контрабанду наркотиков в случаях, когда оно полагает, что перемещает через границу наркотическое средство, но фактически перемещаемое им вещество не содержит запрещенных компонентов; 2) за покушение на контрабанду наркотиков в особо крупном размере в случаях, когда оно ошибочно полагает, что перевозит вещество в особо крупном размере, а фактический размер меньше. Вместе с тем представляется, что выявление указанных ситуаций в ходе осуществления правоприменительной деятельности относится скорее к уникальным случаям.

Проведенный анализ отдельных спорных вопросов уголовно-правовой оценки преступлений в сфере незаконного оборота и контрабанды наркотиков, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, момент окончания преступления, связанного с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе, если такой сбыт происходит в рамках проверочной закупки или другого оперативно-розыскного мероприятия фактически смещен на стадию покушения: совершение действий, необходимых для передачи предмета преступления адресату приобретения.

Во-вторых, решая вопрос о соотношении продолжаемого сбыта наркотиков, осуществляемого посредством тайниковых закладок, и множественности преступлений в рассматриваемой области, следует учитывать наличие либо отсутствие единого преступного намерения, направленного на их общий сбыт одному и тому же адресату. Наличие нескольких адресатов такого сбыта свидетельствует о совокупности преступлений в рассматриваемой области.

В-третьих, несмотря на то, что нормативная база для признания вещества аналогом существует, детальный порядок такого установления, а также исчерпывающий набор обязательных критериев аналогов закреплены недостаточно четко.

В-четвертых, фактическая ошибка в предмете незаконного оборота и контрабанды наркотиков влияет на квалификацию с точки зрения момента окончания преступления, а в случае причинения вреда иному объекту уголовно-правовой защиты, меняет квалификацию содеянного.

Литература

1. Александров А. И., Бурданова В. С., Владимиров В. Ю., Кузьминых К. С., Мирзоян Н. Л., Петухов В. Г., Сальников В. П. Вопросы совершенствования федерального законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах // Наркомания и наркобизнес: проблемы противодействия: материалы научно-практической конференции. СПб., 25 мая 1999 г./ под общ. ред. В. П. Сальникова, В. С. Бурдановой, В. Ю. Владимирова, К. С. Кузьминых. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД. 1999. С. 5–20.
2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. и доп.) (далее — Постановление № 14). П. 13.1 // СПС «Гарант».
3. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Ст. 1 // СПС «Гарант».
4. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409175698/> (дата обращения 8 августа 2026 г.).
5. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 1998 г. № 681 (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».
6. Постановление № 14. П. 13.2 // СПС «Гарант».
7. Постановление № 14. П. 16 // СПС «Гарант».

8. Приговор № 22-1302/2018 от 19 марта 2018 г. по делу № 22-1302/2018 судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oghNwfCqonbJ/> (дата обращения 8 августа 2026 г.).
9. Приговор № 1-497/2022 1-79/2023 от 26 октября 2023 г. по делу № 1-497/2022 Фрунзенского районного суда г. Владивостока // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ewlzz2gkE> (дата обращения 8 августа 2026 г.).
10. Приговор № 1-35/2020, 1-558/2019 от 18 февраля 2020 г. по делу № 1-35/2020 Железнодорожный районный суд г. Екатеринбурга // <https://sudact.ru/regular/doc/ikN5n0mQYAVY/> (дата обращения 8 августа 2026 г.).
11. Иванова Е. В. Специальные знания о наркотических средствах. М. Юрлитинформ. 2009. 351с.
12. Сводный отчет по РФ «Единый отчет о преступности» Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Форма 491. Книга 1 // ЕМИСС. URL: fedstat.ru.
13. Сыромятников С. В., Сарычев И. И. Производные наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 21–25.
14. Федоров А. В. Аналоги наркотических средств и психотропных веществ как предмет контрабанды // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. Право. 2012. № 3, С. 98–135.
15. Черненко Т. Г. Фактическая ошибка в объекте и предмете посягательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 126–130.
16. Якушин В. А., Назаров В. В. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения. Ульяновск. УлГ У. 1997. 62с.

References

1. Alexandrov A. I., Burdanova V. S., Vladimirov V. I., Kuzminykh K. S., Mirzoyan N. L., Petukhov V. G., Salnikov V. P. Voprosy sovershenstvovaniya federalnogo zakonodatelstva o narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veshchestvakh. Narkomaniya i narkobiznes: problemy protivodeystviya: materialy nauchno prakticheskoy konferencii. SPb. 25 maya 1999 g./ pod obshch red V. P. Salnikova, V. S. Burdanovoy, V. I. Vladimirova, K. S. Kuzminykh. SPb. Sankt peterburgskij universitet MVD. 1999. S. 5–20.
2. O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, silnodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 iyunya 2006 g. № 14 (s izm. i dop.) (dalee — Postanovlenie № 14) P 13.1. SPS «Garant».
3. O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veshchestvakh: Federalnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 8 yanvarya 1998 g. № 3-FZ. St. 1. SPS «Garant».
4. Obzor sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv i ih analogov (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 26 iyunya 2024 g.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409175698/> (data obrashcheniya 8 avgusta 2026 g.).
5. Ob utverzhdenii perechnya narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv i ih prekursorov, podlezhashchih kontrolyu v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 30 iyulya 1998 g. № 681 (s izm i dop) // SPS «Garant».
6. Postanovlenie № 14. P. 13.2 // SPS «Garant».
7. Postanovlenie № 14. P. 16 // SPS «Garant».
8. Prigovor № 22-1302/2018 ot 19 marta 2018 g. po delu № 22-1302/2018 sudebnoj kolegii po ugolovnym delam Rostovskogo oblastnogo suda // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oghNwfCqonbJ/> (data obrashcheniya 8 avgusta 2026 g.).
9. Prigovor № 1-497/2022 1-79/2023 ot 26 oktyabrya 2023 g. po delu № 1-497/2022 Frunzenskogo rajonnogo suda g. Vladivostoka // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ewlzz2gkE> (data obrashcheniya 8 avgusta 2026 g.).
10. Prigovor № 1-35/2020, 1-558/2019 ot 18 fevralya 2020 g. po delu № 1-35/2020 Zheleznodorozhnyj rajonnnyj sud g. Ekaterinburga // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ikN5n0mQYAVY/> (data obrashcheniya 8 avgusta 2026 g.).
11. Ivanova E. V. Specialnye znaniya o narkoticheskikh sredstvakh. M. Yurлитinform. 2009. 351s.
12. Svodnyj otchet po RF «Edinyj otchet o prestupnosti» Generalnoj prokuratury Rossijskoj Federacii. Forma 491. Kniga 1 // EMISS. URL: fedstat.ru.
13. Syromyatnikov S. V., Sarychev I. I. Proizvodnye narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv // Narkokontrol. 2011. № 2. S. 21–25.
14. Fedorov A. V. Аналоги наркотических средств и психотропных веществ как предмет контрабанды // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. Право. 2012. № 3, С. 98–135.
15. Chernenko T. G. Fakticheskaya oshibka v obekte i predmete posyagatelstva // Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava. 2014. No. 3 (35). S. 126–130.

16. Yakushin V. A., Nazarov V. V. Oshibka v ugodnom prave i ee vliyanie na predely subektivnogo vmeneniya. Ulyanovsk. UIGu. 1997. 62s.

Сведения об авторе

Маякова А. С. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия, Люберцы. E-mail: mayakova-70@mail.ru

Information about the author

Mayakova Anastasia S. — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy, Lyubertsy. E-mail: mayakova-70@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Муратова Н. Д.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия биометрических персональных данных и предлагается их структурная классификация с учётом потребностей уголовно-правовой охраны. Автор анализирует существующие в доктрине точки зрения на юридическую природу биометрической информации, выявляет её отличительные признаки как особой категории персональных данных и обосновывает необходимость дифференцированного уголовно-правового регулирования отдельных видов биометрических сведений. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию понятийного аппарата уголовного закона в исследуемой сфере.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, уголовный закон, персональные данные, цифровая идентификация, объект уголовно-правовой охраны, дипфейк, искусственный интеллект

Для цитирования: Муратова Н. Д. Понятие и структура биометрических персональных данных для целей уголовного закона // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 142–148. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-142-148

Muratova N. D.

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF BIOMETRIC PERSONAL DATA FOR THE PURPOSES OF CRIMINAL LAW

Abstract. The article examines theoretical approaches to defining the concept of biometric personal data and proposes a structural classification of it, taking into account the needs of criminal law protection. The author analyzes the existing viewpoints in doctrine regarding the legal nature of biometric information, identifies its distinctive features as a special category of personal data, and substantiates the need for differentiated criminal law regulation of certain types of biometric information. Based on the research results, proposals are formulated to improve the conceptual framework of criminal law in the area under study.

Keywords: biometric personal data, criminal law, personal data, digital identification, object of criminal law protection, deepfake, artificial intelligence

For citation: Muratova N. D. The Concept and Structure of Biometric Personal Data for the Purposes of Criminal Law. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 142–148. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-142-148

Стремительное развитие цифровых технологий идентификации личности — систем распознавания лиц, голоса, отпечатков пальцев, рисунка сетчатки глаза, а также поведенческих биометрических характеристик — закономерно порождает потребность в переосмыслении традици-

онных уголовно-правовых институтов охраны частной жизни и персональных данных. Речь идёт о проблеме, которая приобретает особую остроту в связи с массовым внедрением биометрических систем в банковской сфере, государственном управлении, системах безопасности

и правоохранительной деятельности. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что уголовное законодательство Российской Федерации не содержит самостоятельного, юридически завершенного определения биометрических персональных данных, что порождает существенные затруднения в правоприменении при квалификации преступлений, связанных с их незаконным получением, использованием, распространением или фальсификацией.

Актуальность обращения к исследуемой теме обусловлена также нарастающей практикой создания поддельных изображений, аудио- и видеозаписей с использованием технологий синтеза биометрических характеристик человека (так называемых дипфейков), что создаёт качественно новые угрозы для личности, общества и государства [6]. Как справедливо отмечается в литературе, отсутствие легального определения биометрических данных в уголовном законе существенно затрудняет разграничение смежных составов преступлений и порождает неопределённость в вопросах квалификации [10]. В связи с этим целью настоящей статьи является формулирование научно обоснованного понятия биометрических персональных данных для целей уголовного закона и разработка их структурной классификации, учитывающей специфику уголовно-правовой охраны.

1. Доктринальные подходы к понятию биометрических персональных данных

Прежде всего требует уточнения соотношение категорий «персональные данные» и «биометрические персональные данные». В общей теории информационного права персональные данные традиционно определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определённом либо определяемому физическому лицу. Биометрические данные представляют собой особую разновидность персональных данных, характеризующую физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для этой цели [5]. Важно отметить, что законодательство о персональных данных относит биометрическую информацию к специальной категории сведений, требующей повышенных гарантий защиты, однако само по себе гражданско-правовое или административно-правовое определение

не может быть механически перенесено в уголовно-правовую плоскость без учёта специфики предмета и объекта уголовно-правовой охраны.

Следует отметить, что перечень биометрических персональных данных не является исчерпывающим и законодательно не закреплён, что связано с постоянным расширением технических возможностей идентификации личности и появлением новых видов биометрических индикаторов [5]. В связи с этим интерес представляет позиция В. А. Чукреева, который обосновывает необходимость уголовно-правовой охраны различных видов биометрических персональных данных исходя из степени их уникальности, неизменности и незаменимости для конкретного субъекта [12]. Действительно, в отличие от иных категорий персональных данных (например, паспортных сведений, адреса проживания, номера телефона), биометрические характеристики обладают свойством онтологической связанности с телесной организацией человека: они не могут быть произвольно изменены по волеизъявлению субъекта, а их компрометация порождает пожизненные, а не временные риски для личности.

Заметим, что касается зарубежного опыта, то в компаративных исследованиях биометрические данные определяются как сведения о биологических и физиологических характеристиках человека, которые могут быть использованы для его идентификации, включая отпечатки пальцев, изображение лица, сканирование сетчатки глаза, геометрию руки, голос, подпись и походку [4]. Данное определение, сформулированное в рамках сравнительно-правового анализа моделей регулирования биометрической идентификации, коррелирует с российским доктринальным подходом, однако включает более широкий перечень поведенческих характеристик, что заслуживает внимания при совершенствовании отечественного законодательства.

Достаточно подробно описаны в литературе также подходы, связывающие биометрические данные с категорией частной жизни. Так, соотношение понятий «частная жизнь» и «биометрические персональные данные» для целей уголовного законодательства рассматривается как проблема пересекающихся, но не совпадающих по объёму понятий: биометрическая информация одновременно относится и к сфере неприкосновенности частной

жизни, и к самостоятельному объекту информационной безопасности личности [9]. Научная задача заключается в том, чтобы выяснить, какой из объектов уголовно-правовой охраны — неприкосновенность частной жизни либо информационная безопасность личности — испытывает первичное негативное воздействие при совершении посягательства на биометрические данные, поскольку от правильного решения этого вопроса зависит выбор надлежащей уголовно-правовой нормы при квалификации.

2. Признаки биометрических персональных данных как предмета преступления

На наш взгляд, для целей уголовного закона биометрические персональные данные целесообразно определять через совокупность признаков, отличающих их от иных видов персональной информации.

Во-первых, это неразрывная связь с телесной (физиологической) либо поведенческой природой человека — биометрические данные фиксируют объективно существующие характеристики организма или устойчивые модели поведения личности, а не сведения, присваиваемые субъекту извне (номера, коды, идентификаторы).

Во-вторых, это уникальность и относительная неизменность — большинство биометрических параметров (папиллярный узор, радужная оболочка глаза, ДНК-профиль) остаются постоянными на протяжении жизни человека либо изменяются крайне медленно, что принципиально отличает их от восстанавливаемых идентификаторов типа пароля или ПИН-кода.

В-третьих, это функциональная предназначенность для идентификации и (или) аутентификации личности, то есть биометрические данные всегда используются или потенциально могут быть использованы в целях установления тождества конкретного физического лица.

Одним из наиболее существенных недостатков уголовного законодательства является отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от степени чувствительности и уникальности конкретного вида биометрических данных. Между тем очевидно, что незаконное получение генетической информации порождает несопоставимо более высокие риски для личности, нежели, например, несанкционированное использование геометрии руки при доступе в офисное помещение. Поскольку решающими критериями криминализации соответствующих деяний

должны выступать степень общественной опасности посягательства и характер вреда, причиняемого правам и законным интересам личности, целесообразно ввести в доктрину и, в перспективе, в законодательство градацию биометрических данных по степени их правовой значимости.

Проблемы защиты биометрических персональных данных приобретают особую остроту в контексте расследования преступлений, поскольку сведения, получаемые правоохранительными органами в порядке дактилоскопической и геномной регистрации, при неправомерном использовании могут стать источником повторной виктимизации граждан [11]. Таким образом, здесь налицо двойственная природа биометрических данных: с одной стороны, они выступают эффективным инструментом раскрытия и расследования преступлений, а с другой — сами являются предметом, требующим самостоятельной уголовно-правовой охраны от неправомерного посягательства, в том числе со стороны лиц, обладающих законным доступом к соответствующим базам данных в силу служебных полномочий.

3. Структура биометрических персональных данных: предлагаемая классификация

Опираясь на проведенное исследование, представляется обоснованным предложить структурирование биометрических персональных данных для целей уголовного закона по нескольким взаимодополняющим основаниям. По характеру биометрического индикатора следует выделять физиологические данные (отпечатки пальцев, изображение лица, радужная оболочка и сетчатка глаза, геометрия руки, ДНК-профиль, венозный рисунок) и поведенческие данные (голос, подпись, походка, динамика нажатия клавиш, манера работы с сенсорным экраном, иные устойчивые паттерны двигательной активности человека). Данное деление коррелирует с подходом, представленным в исследовании поведенческой биометрии в праве Европейского союза, где отдельно рассматриваются регулятивные модели, применимые к поведенческим биометрическим характеристикам ввиду их специфической природы — способности изменяться со временем при сохранении статистической устойчивости в краткосрочной перспективе [3].

По степени уникальности и необратимости компрометации целесообразно различать данные с абсолютной неизменно-

стью (генетический материал, папиллярные узоры, радужная оболочка глаза), утрата контроля над которыми порождает пожизненные риски для субъекта, и данные с относительной изменчивостью (голос, почерк, некоторые поведенческие характеристики), которые при определённых условиях могут быть скорректированы или заменены.

По функциональному назначению в правоприменении биометрические данные подразделяются на данные, используемые в целях идентификации (установления личности из неопределённого круга лиц), и данные, используемые в целях аутентификации (подтверждения тождества конкретного, заранее известного лица).

Наконец, по степени сопряжённости с иными категориями охраняемой информации выделяются биометрические данные в чистом виде и биометрические данные, интегрированные с иными сведениями о частной жизни (например, данные о состоянии здоровья, извлекаемые из генетического материала, или сведения об эмоциональном состоянии, получаемые при анализе выражения лица).

Особо следует выделить проблему производных (синтезированных) биометрических данных, возникающую в связи с распространением технологий глубокого обучения. Дипфейк-технологии позволяют создавать синтетические биометрические образы (голос, изображение лица), которые формально не являются подлинными характеристиками конкретного человека, но при этом объективно ассоциируются с ним в восприятии третьих лиц и способны причинить сопоставимый, а порой и более значительный вред его правам [10]. Целесообразность корректировки отечественного уголовного законодательства в части защиты лиц от фальсификации их биометрических характеристик обусловлена именно этим обстоятельством: традиционные составы преступлений, ориентированные на защиту подлинных персональных данных, не в полной мере охватывают ситуацию противоправного создания и использования синтезированных биометрических образов [10].

Нельзя обойти вниманием и появление принципиально новых пространств цифрового взаимодействия, в которых биометрические данные приобретают дополнительное функциональное значение. Так, в исследовании уголовно-правовых проблем противодействия преступности в метавселенных отмечается, что регистрация

уникального цифрового образа (аватара) пользователя технически может быть увязана с его биометрическими данными, а неправомерное использование чужих биометрических характеристик для создания дискредитирующего цифрового образа порождает самостоятельную угрозу чести, достоинству и деловой репутации личности [2]. Это наблюдение подтверждает тезис о необходимости рассматривать биометрические данные не как статичную категорию, а как динамично развивающийся предмет преступлений, содержание которого должно пересматриваться по мере появления новых цифровых сред и технологий идентификации.

4. Проблемы уголовно-правовой охраны отдельных видов биометрических персональных данных

Наиболее сложным вопросом остаётся определение достаточности существующих уголовно-правовых средств для защиты биометрических персональных данных несовершеннолетних. Как справедливо указывается в специальной литературе, повышенная уязвимость несовершеннолетних, обусловленная незрелостью восприятия рисков цифровой среды и ограниченной способностью самостоятельно защищать свои права, требует разработки дополнительных уголовно-правовых средств охраны их биометрических данных [8]. Целью соответствующего исследования являлся анализ возможности защиты биометрических персональных данных несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами, и по его результатам сформулирован обоснованный вывод о необходимости специализации отдельных норм с учётом возрастного критерия потерпевшего [8].

Не менее существенно и то обстоятельство, что конструкция статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за нарушение законодательства о персональных данных, вызывает обоснованную критику в части соответствия характера и степени общественной опасности деяния избранному законодателем средствам криминализации [7]. Самостоятельная криминализация хранения персональных данных в цифровой форме в качестве деяния средней тяжести не вполне соотносится с фактической распространённостью подобных нарушений и создаёт риски избыточной репрессии в отношении операторов данных, действовавших без умысла на причинение вреда [7]. Данное

наблюдение подтверждает необходимость более тонкой дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вида биометрических данных, характера нарушения и наступивших последствий.

Обеспечение защищённости биометрических персональных данных от использования в криминальных целях требует также учёта специфики создания поддельных фотографий, аудиозаписей и видеоизображений, при котором потенциальные преступники не получают согласия на использование указанных биометрических характеристик потерпевшего [6]. Следовательно, предмет посягательства в подобных случаях расширяется: помимо собственно биометрических данных как таковых, уголовно-правовой охране подлежит и производный от них цифровой образ личности, сформированный без согласия и против воли субъекта.

Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить, что развитые правовые порядки идут по пути дифференцированного, риск-ориентированного регулирования [4] систем биометрической идентификации, выделяя категории высокого и низкого риска в зависимости от сферы применения соответствующих технологий и вероятных последствий ошибок идентификации. Подобная методология, апробированная в зарубежной практике регулирования искусственного интеллекта и систем распознавания лиц, представляет несомненный интерес для отечественного законодателя, поскольку позволяет соотносить строгость уголовно-правовых санкций с объективной степенью общественной опасности неправомерного использования конкретного вида биометрических данных в конкретной сфере общественных отношений.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, биометрические персональные данные для целей уголовного закона целесообразно определять как охраняемые уголовным законом сведения о физиологических, биологических либо устойчивых поведенческих характеристиках физического лица, объективно присущих его телесной организации либо деятельности, обладающие свойствами уникальности и относительной неизменности и используемые (либо предназначенные для использования) в целях идентификации или аутентификации личности, а также синтезированные (производные) данные, ассоциируемые третьими лицами с конкретным человеком независимо от их тех-

нической подлинности. Подобное определение, в отличие от существующих в законодательстве о персональных данных формулировок, учитывает специфику предмета преступления и включает в свой объём как подлинные, так и синтезированные с помощью технологий искусственного интеллекта биометрические образы [1].

Во-вторых, структура биометрических персональных данных для целей уголовного закона должна строиться по многоуровневому основанию, включающему разграничение физиологических и поведенческих характеристик, дифференциацию по степени необратимости компрометации, разделение по функциональному назначению (идентификация либо аутентификация) и выделение самостоятельной категории синтезированных (производных) биометрических данных. Именно последняя категория, на наш взгляд, наименее проработана в законодательстве и требует приоритетного внимания в связи с распространением дипфейк-технологий.

В-третьих, дифференциация уголовной ответственности за посягательства на биометрические персональные данные должна осуществляться не по формальному признаку цифровой формы хранения данных (как это реализовано в статье 272¹ УК РФ) [13], а по содержательному критерию — виду биометрических данных, степени их уникальности и необратимости компрометации, а также характеру наступивших либо создаваемых последствий для потерпевшего. Такой подход позволит избежать как избыточной криминализации технических нарушений, не создающих реальной угрозы правам личности, так и недооценки общественной опасности посягательств на наиболее уязвимые категории биометрической информации, включая генетические данные и данные несовершеннолетних.

Наконец, представляется целесообразным дополнить понятийный аппарат уголовного закона указанием на риск-ориентированную градацию биометрических систем по аналогии с зарубежным опытом регулирования искусственного интеллекта, что позволит соотносить строгость уголовно-правового реагирования со сферой применения биометрических технологий — от бытового использования до критически значимых объектов государственной и общественной безопасности.

Дальнейшее развитие уголовно-правовой доктрины в исследуемой сфере видится в разработке специализированных со-

ставов, охватывающих неправомерное создание и использование синтезированных биометрических образов, а также в законодательном закреплении дефиниции

биометрических персональных данных непосредственно в тексте уголовного закона либо в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Литература

1. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological risks of using artificial intelligence // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, № 6. P. 767–775.
2. Efremova M. A., Russkevich E. A. Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3, № 2. P. 187–202. DOI:10.21202/jdtl.2025.8
3. Rakhmetov B., Khaizabekov K. Behavioral Biometrics in the European Union: Legal Challenges and Technological Prospects. Journal of Digital Technologies and Law. 2025;3(1):108–124. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.5>. EDN: joupzt
4. Begishev I. R. Criminological classification of robots: risk-based approach. Pravoprimenenie = Law Enforcement Review, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 185–201. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).185-201
5. Артемьева А. С. Биометрические персональные данные как элемент системы обеспечения криминологической безопасности, требующий уголовно-правовой защиты // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 24. С. 42–51.
6. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. DOI:10.35750/2071-8284-2025-2-159-169
7. Князьков А. А. Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272.1 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025 № 5 (129). С. 65–73. DOI:10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073
8. Копенкин И. О. Биометрические персональные данные несовершеннолетних нуждаются в уголовно-правовой охране // Образование и право. 2024. № 9. С. 59–65.
9. Крылов Д. А. Соотношения понятий «частная жизнь» и «биометрические персональные данные» в уголовном законодательстве // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 232–239. DOI: 10.24412/2312-0444-2026-1-232-239
10. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 1. С. 95–110. doi:10.21638/spbu14.2025.107
11. Рождайкина Е. И. Проблемы защиты биометрических персональных данных при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 378–386.
12. Чукреев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 3 (91), 2022. С. 107–116.
13. ШUTOVA A. A. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.

References

1. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological risks of using artificial intelligence // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, № 6. P. 767–775.
2. Efremova M. A., Russkevich E. A. Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3, № 2. P. 187–202. DOI:10.21202/jdtl.2025.8
3. Rakhmetov B., Khaizabekov K. Behavioral Biometrics in the European Union: Legal Challenges and Technological Prospects. Journal of Digital Technologies and Law. 2025;3(1):108–124. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.5>. EDN: joupzt
4. Begishev I. R. Criminological classification of robots: risk-based approach. Pravoprimenenie = Law Enforcement Review, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 185–201. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).185-201
5. Artemyeva A. S. Biometric personal data as an element of the system ensuring criminological security, requiring criminal-legal protection // Problems of Law Enforcement. 2024. No. 24. Pp. 42–51.
6. Zheludkov M. A., Alekseeva A. P. Ensuring the protection of biometric personal data from being used for criminal purposes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (106). Pp. 159–169. DOI:10.35750/2071-8284-2025-2-159-169

7. Knyazkov A. A. Criminal law innovation for violating legislation on personal data (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of constructing the corpus delicti and issues of qualification // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2025, No. 5 (129), pp. 65–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073
8. Kopenkin I. O. Biometric personal data of minors require criminal-legal protection // Education and Law. 2024. No. 9. Pp. 59–65.
9. Krylov D. A. The Relationship between the Concepts of “Private Life” and “Biometric Personal Data” in Criminal Law // State Service and Personnel. 2026. No. 1. Pp. 232–239. DOI: 10.24412/2312-0444-2026-1-232-239
10. Mosechkin I. N. Deepfake technologies and biometric data: directions for criminal-legal regulation // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Right. 2025. Vol. 16, No. 1. Pp. 95–110. doi:10.21638/spbu14.2025.107
11. Rodzhaykina E. I. Problems of Protecting Biometric Personal Data in Crime Investigation // Issues of Russian Justice. 2023. No. 28. Pp. 378–386.
12. Chukreev V. A. Personal data, including biometric data, as objects of criminal-legal protection // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2022. No. 3 (91), 2022. Pp. 107–116.
13. Shutova A. A. Novelties in criminal legislation concerning liability for the illegal circulation of personal data // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2024. Vol. 166, No. 6. Pp. 122–134. DOI 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134. EDN LXPPWK.

Сведения об авторе

Муратова Н. Д. — кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. Казань. E-mail: ndmuratova@mail.ru

Information about the author

Muratova N. D. — Candidate of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov. Kazan. E-mail: ndmuratova@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.08.2026

Дата рецензирования / Received: 07.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Никитин В. В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СРОКОВ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАПРОСОВ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается правовая регламентация исполнения запросов следователей, направляемых при расследовании уголовных дел. В результате анализа действующего законодательства выявлено отсутствие нормативного закрепления срока исполнения запросов следователя органов федеральной службы безопасности. В целях устранения выявленного пробела автором предлагается внести изменения в Федеральный закон от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».

Ключевые слова: расследование преступлений, процессуальные сроки, запрос о предоставлении информации, следователь органов федеральной службы безопасности

Для цитирования: Никитин В. В. Совершенствование правового регулирования сроков исполнения запросов следователя органов Федеральной службы безопасности // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 149–155. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-149-155

Nikitin V. V.

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF TIME LIMITS FOR EXECUTING REQUESTS OF AN INVESTIGATOR OF THE FEDERAL SECURITY SERVICE

Abstract. The article addresses the issue of legal regulation of sending and executing requests made by investigators during criminal proceedings. The analysis of current legislation reveals the absence of a statutorily fixed time limit for executing requests of an investigator of the Federal Security Service. In order to eliminate the identified gap, the author proposes amending Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995, "On the Federal Security Service."

Keywords: criminal investigation, procedural time limits, request for information, investigator of the Federal Security Service.

For citation: Nikitin V. V. Improving the Legal Regulation of Time Limits for Executing Requests of an Investigator of the Federal Security Service. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 149–155. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-149-155

Для успешного расследования преступлений следователю необходимо своевременное поступление полной и достоверной информации, охватывающей все обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному уголовному делу. Отсутствие либо неполнота таких сведений, равно как и их поступление за пределами процессуальных сроков, неизбежно влечет за собой невозможность принятия обосно-

ванных и своевременных решений по уголовному делу, что в конечном счете ставит под угрозу саму результативность предварительного следствия.

В ходе расследования уголовного дела следователь получает информацию из различных источников. Прежде всего такими источниками выступают следственные действия, в рамках которых обнаруживаются, фиксируются и проверяются следы

преступления, показания, предметы и документы. Кроме того, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве не только следственных, но и иных процессуальных действий; при проверке сообщения о преступлении он вправе получать объяснения, истребовать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать специалистов и давать обязательные письменные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Отсюда следует, что информационная база расследования формируется как за счет следственных действий, так и за счет иных процессуальных действий.

Направление запросов в различные органы и организации рассматривается как неотъемлемый, рутинный элемент работы следователя. Как отмечается в современных исследованиях, «востребованность и повседневность» запросов и требований следователя в правоприменительной практике не вызывают сомнений [1, с. 45]. Анализ работ, посвященных проблемам истребования предметов и документов, показывает, что данный способ проверки сообщения о преступлении также является широко применяемым на этапе возбуждения уголовного дела [2, с. 12].

Адресат запроса о предоставлении информации определяется не ведомственной принадлежностью, а его информированностью о событии преступления, его участниках, следах и последствиях, поэтому круг возможных адресатов заведомо широк. Наиболее часто запросы направляются в федеральные органы исполнительной власти и их территориальные подразделения, подведомственные учреждения, органы местного самоуправления, государственные корпорации, предприятия, учреждения, транспортные, логистические и складские организации, кредитные организации, образовательные и медицинские учреждения, коммерческие структуры, операторам связи, а также должностным лицам, располагающим характеристическими и иными сведениями о проверяемом лице.

Важно и качество составления самого запроса. Его криминалистическая и процессуальная ценность определяется тем, насколько точно в нем обозначены предмет и пределы истребуемых сведений,

основание запроса, связь требуемой информации с расследуемым делом, способ и срок ответа, а при необходимости ссылка на режим ограничения доступа к сведениям и обязанность соблюдения конфиденциальности. Неудачно сформулированный запрос порождает уклончивый ответ, формальный отказ либо предоставление сведений, не пригодных для немедленного использования в расследовании. Напротив, грамотно составленный запрос способствует получению интересующих следствия сведений. Запрос следователя о получении информации включает обязательные реквизиты документа, а сам текст обычно содержит: 1) наименование органа предварительного расследования; 2) указание на уголовное дело; 3) ссылку на ч. 4 ст. 21 УПК РФ и иные применимые нормы; 4) изложение существа запрашиваемых сведений; 5) указание срока представления ответа; 6) реквизиты для направления ответа. В качестве примера можно привести запрос следователя Черемушкинского межрайонного следственного отдела СУ по ЮЗАО г. Москвы ГСУ СК России по г. Москве главному врачу Наркологического диспансера № 12 в рамках проверки сообщения о преступлении:

«Черемушкинским межрайонным следственным отделом следственного управления по Юго-Западному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ проводится проверка по заявлению <...> о противоправных действиях со стороны работников <...>.

На основании изложенного и руководствуясь ч. 4 ст. 21 УПК РФ, прошу сообщить, состоит ли на учете у врача-нарколога <...>.

Ответ на запрос прошу выдать на руки предъявителю.

Кроме того, напоминаю, что в соответствии со ст. 17.7 КоАП РФ невыполнение законных требований следователя влечет наложение административного штрафа».

Обращает на себя внимание последний абзац запроса, предупреждающий адресата о невыполнении законных требований следователя. Анализ аналогичных запросов по уголовным делам показывает, что следователями используются и другие схожие формулировки: «В связи с ограниченными сроками следствия прошу направить ответ на запрос в кратчайшие сроки» и т. д.

В этом контексте необходимо учитывать, что ст. 162 УПК РФ ограничивает общий срок предварительного следствия двумя месяцами со дня возбуждения уголовного дела с возможностью продления этого срока, а ст. 144, 145 УПК РФ обязывает уполномоченное лицо принять, проверить сообщение о преступлении и принять по нему решение, как общее правило, не позднее трех суток; при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий этот срок может быть продлен до десяти, а в предусмотренных законом случаях — до тридцати суток. При этом следователь в силу п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ самостоятельно направляет ход расследования и принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Одновременно ч. 4 ст. 21 УПК РФ закрепляет общеобязательный характер требований, поручений и запросов следователя. А ч. 1 ст. 144 УПК РФ прямо допускает истребование документов и предметов, назначение экспертизы, получение объяснений, производство осмотров и инициирование иных действий, направленных на получение информации в рамках проверки сообщения о преступлении. Следовательно, уже на стадии проверки сообщения о преступлении запросная работа является значимым инструментом установления обстоятельств, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и не меньшее значение она сохраняет и после возбуждения уголовного дела.

Из этого следует прямая зависимость: чем быстрее и качественнее следователь получает необходимую информацию, тем в большей степени обеспечивается своевременность и полнота расследования; напротив, задержка в поступлении сведений ведет к возможному переносу следственных и иных процессуальных действий, нарушению плана расследования, продлению срока предварительного следствия.

Следует подчеркнуть, что невыполнение запроса следователя не образует процессуально нейтрального бездействия адресата. В уже упомянутой ч. 4. ст. 21 УПК РФ законодатель прямо устанавливает, что «Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодек-

сом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами». В соответствии со ст. 17.7 КоАП РФ за «Умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» предусмотрена административная ответственность. Тем самым запрос следователя подкреплен не только общим авторитетом публичной власти, но и специальным механизмом юридического принуждения. Санкция ст. 17.7 КоАП РФ предусматривает административный штраф; для должностных лиц также возможность дисквалификации; для юридических лиц возможность административного приостановления их деятельности.

Показательно, что судебная практика подтверждает именно такой подход. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2025 год приводится Постановление № 84-АД25-1-КЗ, в соответствии с которым глава администрации сельского поселения был привлечен к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за неисполнение запроса следователя о представлении характеристики на лицо, в отношении которого было возбуждено уголовное дело. Верховный Суд указал, что в соответствии с частью 1 и пунктом 3 части 2 статьи 38 УПК РФ следователь в пределах установленной для него компетенции вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Согласно пункту 3 части 1 статьи 73 УПК РФ обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу.

В силу части 4 статьи 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

В ходе производства по делу было установлено, что старшим следователем с целью сбора характеризующих данных на подозреваемого, в отношении которого

возбуждено уголовное дело, на основании части 4 статьи 21 УПК РФ на имя главы администрации сельского поселения направлен запрос о представлении в максимально короткий срок характеристики на подозреваемого, проживающего на территории данного сельского поселения.

Указанный запрос администрацией сельского поселения получен, однако запрашиваемая информация, необходимая следователю для осуществления производства по уголовному делу, не была представлена.

Доводы о том, что запрос был сделан в рамках производства по уголовному делу, тогда как статьей 17.7 КоАП РФ установлена административная ответственность за невыполнение требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, признаны несостоятельными.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ, заключается в умышленном невыполнении требований как прокурора, следователя и дознавателя, так и должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Диспозиция данной статьи относит следователя к должностным лицам, осуществляющим производство по делу, что вытекает из его полномочий, установленных федеральным законом.

Требование старшего следователя об истребовании из администрации сельского поселения характеризующих сведений на подозреваемое лицо, проживающее на территории данного сельского поселения, вытекает из его полномочий, установленных УПК РФ, а потому являлось законным и обязательным для исполнения администрацией в лице ее главы.

В результате, действия должностного лица, не исполнившего свои служебные обязанности надлежащим образом и умышленно не выполнившего законное требование следователя, вытекающее из его полномочий, установленных федеральным законом, обоснованно квалифицированы по статье 17.7 КоАП РФ, а Верховным судом Российской Федерации оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Однако наличие общей обязанности исполнить обоснованный и законный запрос следователя само по себе не устанавливает

сроки такого исполнения. Анализ действующего законодательства показывает, что режим исполнения запросов в различных ведомствах урегулирован неодинаково.

Так, ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» прямо устанавливает, что «Требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок». В первом варианте используется временная характеристика незамедлительно, означающая немедленное выполнение, без каких-либо задержек, в тот же момент, как только требование (запрос, поручение) было предъявлено. Во втором случае инициатива по определению срока принадлежит сотруднику Следственного комитета. Именно он в своем требовании (запросе, поручении) указывает конкретный срок, в который оно должно быть исполнено. Этот срок должен быть разумным и реально исполнимым для адресата, но при этом не должен быть чрезмерно длительным, чтобы не препятствовать расследованию.

Часть 4 ст. 13 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», закрепляет, что требования (запросы, представления, предписания) уполномоченных должностных лиц полиции, предусмотренные в том числе п. 4 ч. 1 ст. 13 (в связи с расследуемыми уголовными делами и находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (при наличии технической возможности и с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информа-

ции), от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации), обязательны для исполнения всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными лицами и иными лицами в сроки, установленные в требовании (запросе, представлении, предписании), но не позднее одного месяца с момента вручения требования (запроса, представления, предписания). В данном случае закреплены два связанных между собой временных ориентира: срок, установленный в самом требовании (запросе, представлении, предписании), который определяется уполномоченным должностным лицом полиции, и предельный срок, составляющий 1 месяц с момента вручения требования (запроса, представления, предписания).

На этом фоне обращает на себя внимание иная законодательная конструкция Федерального закона от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». Пункт «м» ст. 13 названного Федерального закона наделяет органы федеральной службы безопасности правом «получать на безвозмездной основе от государственных органов, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности информацию, необходимую для выполнения возложенных на органы федеральной службы безопасности обязанностей, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (при наличии технической возможности и с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации), за исключением случаев, когда федеральными законами установлен запрет на передачу такой информации органам федеральной службы безопасности». Однако в отличие от положений Федеральных законов «О Следственном комитете Российской Федерации» и «О полиции» здесь отсутствует прямое указание на то, в какой срок такая информация должна предоставляться. Иначе говоря, право запросить информацию закреплено, а императивно определенный временной предел исполнения запроса в законодательстве не установ-

лен. Данное обстоятельство не отменяет действия ч. 4 ст. 21 УПК РФ, однако с прикладной точки зрения отсутствие в законодательстве четкой формулировки о сроках исполнения создает благоприятную почву для волокиты, произвольного толкования и необоснованного затягивания сроков предоставления информации.

Частично данная проблема решается наличием положений о порядке ответа на запросы правоохранительных органов, в том числе следователя, в правовых актах отдельных ведомств. Для федеральных органов исполнительной власти и местного самоуправления такие положения обычно закреплены в их внутренних регламентах, разработанных на основе Типового регламента. Так п. 11.2 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, утверждённый Постановлением Правительства РФ от 28 июля 2005 года № 452, предусматривает, что «Запросы, поступающие в соответствии с законодательством Российской Федерации из правоохранительных органов, исполняются в федеральном органе исполнительной власти в указанный в запросе срок, а если срок не установлен — в течение 30 дней. В случае если запрашиваемая информация не может быть предоставлена в указанный в запросе срок, руководитель (заместитель руководителя) федерального органа исполнительной власти направляет инициатору запроса ответ о невозможности его исполнения в срок с указанием причин, а также возможного срока исполнения запроса». Например, Регламент Федеральной службы судебных приставов, утверждённый Приказом ФССП России от 30 апреля 2021 года № 190, в пункте 165 закрепляет: «Запросы, поступающие из правоохранительных органов, исполняются в ФССП России в указанные в них сроки, а если сроки не установлены — в течение 30 дней. В случае если запрашиваемая информация не может быть предоставлена в указанный в запросе срок, Директор (заместитель Директора) направляет инициатору запроса промежуточный ответ о невозможности его исполнения в срок». Пункт 106 регламента Администрации Осташковского муниципального округа Тверской области, утверждённый Постановлением Администрации Осташковского муниципального округа Тверской области от 07 июля 2025 года № 766 «Об утверждении регламента Администрации Осташковского муниципального округа Тверской области»,

содержит следующее положение «Ответы на запросы правоохранительных органов (полиция, следственный комитет, ФСБ и т. д.) направляются в указанные в них сроки. В случае если такой срок не установлен, то ответ на запрос направляется в тридцатидневный срок».

Вместе с тем, наличие подобных положений не решает проблему в полном объёме. Во-первых, такие формулировки содержатся в правовых актах далеко не всех государственных органов, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности. Значительная часть юридических лиц, в том числе коммерческие организации, не имеют внутренних регламентов, регулирующих порядок ответа на запросы правоохранительных органов, либо такие регламенты не содержат прямых указаний на сроки исполнения. Это порождает правовую неопределённость и ведёт к затягиванию процессуальных сроков. Во-вторых, следователь органов федеральной службы безопасности, направляя запрос, нуждается не в поиске и анализе регламентов каждой конкретной организации-адресата, а в универсальной формулировке, которая содержала бы чёткое и обоснованное предписание о сроках исполнения запроса, применимое ко всем получателям независимо от их принадлежности. Отсутствие единого законодательного подхода вынуждает следователя либо указывать в запросе общие отсылки к «установленным законодательством срокам» либо «просить направить ответ в максимально короткий срок», что не всегда имеет под собой явную нормативную основу.

Здесь обнаруживается следующая проблема: норма уголовно-процессуального закона возлагает обязанность исполнить законный запрос следователя. Федеральный закон, регулирующий статус соответствующего ведомства, может конкретизировать порядок, форму и сроки исполнения таких требований, придавая им большую определенность и тем самым повышая эффективность практического применения. Если такая конкретизация отсутствует, адресат запроса формально остается обязанным ответить, однако реальный механизм понуждения к своевременному исполнению ослабляется. Отсюда вытекает вывод, что специальное законодательное закрепление срока исполнения запросов следователя органов федеральной службы безопасности представляет собой не техническую деталь, а дополнительную

гарантию эффективности расследования. В процессе расследования уголовных дел эта гарантия имеет важное значение, поскольку промедление в получении информации способно повлечь затягивание сроков предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов федеральной службы безопасности.

Кроме того, следует учитывать, что по уголовным делам о преступлениях, находящихся в подследственности следователей органов федеральной службы безопасности, значительная часть существенных сведений, сосредоточена не в одном, а в нескольких ведомствах и организациях; часть из них относится к служебной либо персональной информации; часть находится у субъектов, для которых уголовное дело не является приоритетом текущей деятельности. В такой ситуации отсутствие прямого указания на срок ответа на запрос следователя органов федеральной службы безопасности ослабляет его процессуальные позиции. Поэтому проблема имеет не только юридическое, но и криминалистическое измерение: она затрагивает сроки предварительного следствия, своевременность принятия решений на первоначальном и последующем этапах расследования.

В связи с изложенным представляется обоснованным предложение о внесении изменений в Федеральный закон от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». С учетом конструкции пункта «м» статьи 13 данного Федерального закона наиболее удачным видится не абстрактное указание на «обязанность отвечать», а включение нормы, прямо связывающей право на получение информации с обязанностью адресата представить ее в определенный срок.

Таким образом, предлагается пункт «м» статьи 13 Федерального закона от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» после слов «на безвозмездной основе» дополнить формулировкой «в установленный в требовании (запросе, поручении) срок». Итоговый вариант пункта «м» статьи 13 Федерального закона от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» изложить следующим образом: «Получать на безвозмездной основе в установленный в требовании (запросе, поручении) срок от государственных органов, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности информацию,

необходимую для выполнения возложенных на органы федеральной службы безопасности обязанностей, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (при наличии технической возможности и с соблюдением мер по обеспечению конфиденциальности и безопасности передаваемой информации), за исключением случаев, когда федеральными законами установлен запрет на передачу такой информации органам федеральной службы безопасности».

Внесение такого изменения имело бы несколько позитивных последствий. Во-первых, была бы устранена неопределенность, относительно сроков исполнения запросов следователей органов феде-

ральной службы безопасности о предоставлении информации. Во-вторых, следователи органов федеральной службы безопасности получили бы возможность прямо ссылаться не только на ч. 4 ст. 21 УПК РФ, но и на норму Федерального закона, регулиющую срок получения ответа. Это повысило бы дисциплинирующее воздействие запроса на адресата, поскольку требование о сроке ответа вытекало бы непосредственно из текста Федерального закона, что в свою очередь имело бы несомненное прикладное значение для повышения эффективности расследования, где своевременность получения информации прямо влияет на быстроту и полноту предварительного следствия.

Литература

1. Валов С. В. Запрос и требование следователя // Российский следователь. — 2024. — № 5. — С. 42–47.
2. Артемова В. В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. — 2014. — № 3. — С. 10–14.

References

1. Valov S. V. Request and Demand of an Investigator. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2024, no. 5, pp. 42–47.
2. Artemova V. V. Problematic Aspects of Requesting and Seizing Items and Documents at the Stage of Initiating a Criminal Case. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2014, no. 3, pp. 10–14.

Сведения об авторе

Никитин Владимир Викторович — юрист. Москва. E-mail: V-VNikitin@yandex.ru

Information about the author

Nikitin Vladimir V. — Lawyer. Moscow. E-mail: V-VNikitin@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.08.2026

Дата рецензирования / Received: 07.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

155

Уголовно-правовые
науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-156-161

УДК 343.1

Петров А. В.

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГУМАНИЗМ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию значения судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса как важнейшего института защиты конституционных прав и свобод личности. На основе анализа научных трудов, законодательства и судебной практики автор обосновывает положение о том, что судебный контроль является самостоятельной формой отправления правосудия, обеспечивающей баланс между публичными интересами уголовного преследования и частными правами граждан. В работе раскрывается роль судебного контроля в реализации судебной власти, его значение для обеспечения справедливости и гуманизма судопроизводства, а также анализируются проблемы, требующие законодательного совершенствования.

Ключевые слова: судебный контроль, досудебное производство, правосудие, судебная власть, конституционные права, справедливость, гуманизм

Для цитирования: Петров А. В. Значение судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса: гарантия справедливости и гуманизм судопроизводства // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 156–161. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-156-161

Petrov A. V.

THE SIGNIFICANCE OF JUDICIAL CONTROL AT THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS: A GUARANTEE OF FAIRNESS AND HUMANISM OF LEGAL PROCEDURE

Abstract. The article is devoted to the study of the significance of judicial control at the pre-trial stages of criminal proceedings as a crucial institution for the protection of constitutional rights and freedoms of the individual. Based on an analysis of scientific works, legislation, and judicial practice, the author substantiates the position that judicial control is an independent form of administering justice, ensuring a balance between the public interests of criminal prosecution and the private rights of citizens. The paper reveals the role of judicial control in the implementation of judicial power, its significance for ensuring fairness and humanism of legal procedure, and also analyzes problems requiring legislative improvement.

Keywords: judicial control, pretrial proceedings, justice, judicial power, constitutional rights, fairness, humanism

For citation: Petrov A. V. The Significance of Judicial Control at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: a Guarantee of Fairness and Humanism of Legal Procedure. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 156–161. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-156-161

156

Уголовно-правовые
науки

Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса является одним из важнейших институтов уголовно-процессуального права, применение которого направлено на защиту конституционных прав и свобод личности. Как справедливо отмечает С. С. Лукьянов, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2023 году судами первой инстанции в ходе досудебного производства по уголовным делам было рассмотрено не менее 1049871 ходатайств должностных лиц и жалоб участников уголовного процесса, что свидетельствует о существенной доле судебного контроля в нагрузке судов и его значимости как функционального инструмента, направленного на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [1, с. 4].

Появившись в отечественном законодательстве в связи с принятием Концепции судебной реформы в РСФСР в 1991 году и Конституции Российской Федерации в 1993 году, судебный контроль продолжает развиваться, появляются его новые формы [1, с. 23–24]. Однако, несмотря на позитивную динамику развития института, правовое регулирование судебного контроля подвергается обоснованной критике со стороны представителей научного сообщества с точки зрения его недостаточной эффективности для выполнения задач уголовного судопроизводства.

Определение места судебного контроля в системе функций судебной власти является ключевым для понимания его значения. В юридической литературе представлены различные подходы к пониманию правовой природы судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ. Как отмечает Э. Р. Миргородская, ученые определяют его как функцию суда, либо как форму деятельности суда, либо как форму осуществления судебной власти, либо как особый способ осуществления правосудия [2, с. 20].

Л. А. Воскобитова полагает, что у суда есть две функции: функция разрешения уголовного дела по существу и функция судебного контроля законности действий (бездействия), решений должностных лиц и органов, иных ветвей государственной власти и нижестоящих судебных органов [3, с. 25]. К. А. Рыгалова также определяет судебный контроль как судебную функцию в зависимости от того, на проверку чего она направлена: законности ограничения конституционных прав при производстве

следственных действий или рассмотрения жалоб [4, с. 100].

Наиболее последовательной представляется позиция, в соответствии с которой судебный контроль является самостоятельной уголовно-процессуальной функцией суда, формой отправления правосудия. Как указывает Лукьянов С. С., анализ положений действующего законодательства, правовых позиций высших судебных инстанций и научных точек зрения приводит к выводу о том, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса представляет собой самостоятельную уголовно-процессуальную функцию (основное направление деятельности, полномочие общего характера) суда, которая является одной из форм осуществления правосудия, неразрывно с ним связана и подчинена тем же принципам, на которых строится модель современного российского правосудия, при этом данная функция отличается своеобразием, обусловленным различием собственных процессуальных целей и целей разрешения дела по существу, а также характером стадий уголовного процесса (досудебные стадии), на которых она реализуется [1, с. 43–44].

Данный подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ. В п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П закреплено: право на судебную защиту, будучи универсальным правовым средством защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и вытекающими из статей 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции РФ ее прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковую, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействий) субъектов публичной власти.

Таким образом, судебный контроль на досудебных стадиях органично вписывается в систему реализации судебной власти, выступая не второстепенной, а полноценной формой осуществления правосудия.

Справедливость уголовного процесса заключается не только в его результате (виде и размере наказания), но и в самой процедуре. Критерии такой процедурной справедливости включают: уважительное

обращение с участниками уголовного судопроизводства и сохранение достоинства личности вне зависимости от того, какое процессуальное положение она занимает; реальную возможность быть услышанным, а не формальное участие; беспристрастность и нейтралитет судьи; понятную и подробную мотивировку всех решений.

Судебный контроль на досудебных стадиях играет ключевую роль в обеспечении этих критериев. Во-первых, он предоставляет участникам уголовного судопроизводства — подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, заявителям — возможность оперативно обратиться к независимому суду за защитой своих прав, не дожидаясь рассмотрения уголовного дела по существу, которое может состояться лишь спустя длительное время [5].

Во-вторых, как подчеркивает Н. Л. Ильин, при осуществлении судебного контроля за соблюдением прав на свободу и личную неприкосновенность международное законодательство и международная практика придерживаются в первую очередь принципов, определяющих критерии законного вмешательства в права и свободы человека. К таковым относятся принципы законности, наличия законной (социально значимой) цели, необходимости в демократическом обществе (пропорциональности), а также принцип исключения рисков нарушения прав человека при осуществлении судебного контроля [6, с. 75].

Особое значение указанные принципы приобретают при рассмотрении судом ходатайств о применении мер пресечения, в частности заключения под стражу. Заключение под стражу представляет собой физическую изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества, содержание его в буквальном смысле этого слова под стражей в специально для этого предназначенных учреждениях [7, с. 56–58]. Применение данной меры пресечения существенно ограничивает конституционные права личности, в связи с чем особую значимость приобретает судебный контроль за законностью и обоснованностью его избрания и продления.

Как справедливо указывает Н. А. Колоколов, современный российский суд оказался в сложной ситуации. Призванный беспристрастно рассматривать ходатайство следователя, он стал пристрастным в том отношении, что в его распоряжении оказались лишь те материалы, которые сформированы следователем. Данные материалы могут не содержать тех доказа-

тельств, которые свидетельствовали бы, например, о необоснованности возведенного на привлекаемое к уголовной ответственности лицо подозрения, или доказательств, характеризующих его личность с положительной стороны [7, с. 67]. В этой связи особую значимость приобретает правильное определение компетенции суда по участию в процессе доказывания при осуществлении судебного контроля.

Одним из сложных вопросов, возникающих при определении характера и объема полномочий суда в судебно-контрольных производствах, является вопрос о сущности и содержании деятельности суда по установлению обстоятельств, входящих в предмет судебного контроля. Как отмечает С. С. Лукьянов, в науке уголовного процесса сложилось три основных подхода: первый заключается в оценке судебно-контрольной деятельности суда как доказательственной; второй подход не предполагает доказательственного характера судебного познания; третий (комбинированный) подход заключается в том, что процесс познания осуществляется судом как средствами доказывания, так и иными способами [1, с. 108].

Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой в ходе досудебного производства познавательная деятельность суда может осуществляться исключительно в форме уголовно-процессуального доказывания в соответствии с общими положениями о доказательствах и доказывании, содержащимися в главах 10 и 11 УПК РФ. При этом суд не может основываться в своих решениях на сведениях, не обремененных в доказательственную форму, и уполномочен давать оценку представляемым доказательствам.

Как аргументирует С. С. Лукьянов, данный вывод подтверждается несколькими обстоятельствами. Во-первых, главы 10 и 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующие единое по своему существу уголовно-процессуальное доказывание, располагаются в его общей части, в связи с чем распространяют свое действие как на судебные, так и на досудебные стадии уголовного процесса. Во-вторых, недопустимо проводить разграничение между доказательствами и «фактическими данными», «фактическими обстоятельствами», «конкретными сведениями» и «конкретными обстоятельствами», поскольку согласно ст. 74 УПК РФ указанные обстоятельства/сведения могут существовать только в форме уголовно-процессу-

альных доказательств. В-третьих, степень ограничения конституционных прав личности едины вне зависимости от того, на какой стадии происходит данное ограничение, в связи с чем нет оснований для предоставления обвиняемым на стадии предварительного расследования меньших процессуальных гарантий [1, с.86].

Таким образом, суд при осуществлении судебного контроля не только вправе, но и обязан давать оценку представляемым доказательствам. Лишение суда полномочий по оценке представляемых доказательств полностью дезавуировало бы смысл института судебного контроля.

Гуманизм судебного контроля на досудебных стадиях проявляется в нескольких аспектах. Прежде всего, он выражается в том, что судебный контроль направлен на защиту прав и законных интересов личности от незаконного ограничения со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование. Как отмечает Н. П. Кириллова, целью судебного контроля на стадии предварительного расследования является создание для участников уголовного процесса дополнительных процессуальных гарантий со стороны независимой судебной власти [8, с.51].

Кроме того, гуманизм судебного контроля проявляется в том, что суд при его осуществлении руководствуется принципами справедливости и соразмерности ограничения прав личности. Н. Л. Ильин подчеркивает, что для того, чтобы мера считалась пропорциональной и необходимой в демократическом обществе, необходимо исключить возможность применения альтернативной меры, которая нанесла бы меньший ущерб фундаментальному праву, ставшему объектом рассмотрения, при достижении той же цели [6, с.75].

Следует отметить, что «публичный интерес» — понятие широкое, включающее политические, экономические и социальные вопросы, по поводу которых мнения могут сильно различаться. Власти должны иметь широкие пределы усмотрения при осуществлении социально-экономической политики, и уважает избранное властями понимание «публичного интереса», если оно не является очевидно необоснованным [1, с.108].

Особого внимания заслуживает принцип исключения рисков нарушения прав человека при осуществлении судебного контроля, в случаях экстрадиции, которая может повлечь за собой ответственность государства в соответствии с Конвенцией,

если создает предсказуемый риск нарушения конвенционных прав высылаемого лица в стране назначения [6, с.78].

Несмотря на несомненную значимость судебного контроля, его реализация сталкивается с рядом проблем. Как показывают результаты обобщения судебной практики, проведенного С. С. Лукьяновым, при осуществлении судебного контроля суды практически в 100 % случаев не указывают в своих решениях на то, что осуществили оценку представленных сторонами доказательств [1, с.4]. Это свидетельствует о формальном подходе к реализации контрольной функции.

Одной из причин такого положения дел является отсутствие на законодательном уровне регламентации познавательной деятельности суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, надлежащего механизма ее реализации, что лишает сам суд возможности определить объем и пределы собственных полномочий [1, с.91].

Э. Р. Миргородская, анализируя судебную практику, отмечает, что около 70 % жалоб подаются именно на действия (бездействия), решения, обжалуемые на стадии возбуждения уголовного дела. Однако значительная часть этих жалоб не рассматривается по существу. В Невском районном суде г. Санкт-Петербурга за период с 2016 по 2020 год количество жалоб, не рассмотренных по существу по различным причинам, составило 88,6 % (всего 1495 производств из 1688 поданных жалоб) [2, с.50].

Основными причинами отказа в принятии жалоб являются: отсутствие предмета обжалования (что нередко связано с его неверным определением заявителем), несоответствие жалобы формальным требованиям, а также устранение допущенного нарушения должностным лицом после подачи жалобы, что, по мнению судов, влечет прекращение производства [2, с.749–50].

Н. А. Колоколов по этому поводу замечает, что избранная российским законодателем модель оперативного судебного контроля за деятельностью судебного следователя выгодно отличалась от современного законодательства практически полной «беспробельностью» как по перечню обжалуемых действий, так и по кругу участников судопроизводства, ибо в ст. 491 УУС было зафиксировано, что «участвующие в деле лица могли приносить жалобы на всякое следственное действие,

нарушающее или стесняющее их права» [7, с.56].

В целях совершенствования судебного контроля предлагается ряд законодательных изменений. С. С. Лукьянов предлагает дополнить УПК РФ отдельным разделом, регулирующим судебно-контрольную деятельность, унифицировать процедуры различных судебно-контрольных производств [1, с. 189,220]. Э. Р. Миргородская предлагает установить в законе срок, в течение которого должностные лица уголовного преследования должны ответить на запрос суда (10-суточный срок ответа на запрос суда при рассмотрении жалобы в срок до 14 суток, и до 3 суток — при рассмотрении жалобы при производстве дознания в сокращенной форме), а также установить срок исполнения постановления суда по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ с уведомлением суда о принятых мерах [2, с.200–204].

Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса является необходимым средством защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Он представляет собой самостоятельную уголовно-процессуальную функцию суда и форму отправления правосудия, обеспечивающую баланс между публичными интересами уголовного преследования и частными правами граждан.

Значение судебного контроля для реализации судебной власти проявляется в том, что он расширяет сферу судебного воздействия на досудебные стадии, создавая дополнительные гарантии законности и обоснованности решений и действий органов предварительного расследования. Справедливость судопроизводства обеспечивается через соблюдение принципов законности, соразмерности ограничения прав и реальной возможности для участников процесса обжаловать действия и решения должностных лиц независимому суду.

Гуманистическая составляющая судебного контроля выражается в его направленности на защиту прав и законных интересов личности, создание дополнительных процессуальных гарантий со стороны независимой судебной власти, а также в требовании соразмерности ограничения прав личности целям уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, существующие проблемы правового регулирования и правоприменения требуют дальнейшего совершенствования законодательства в части определения компетенции суда при осуществлении судебного контроля, регламентации познавательной деятельности суда, а также установления четких процедур и сроков, обеспечивающих эффективность судебно-контрольной деятельности.

Литература

1. Лукьянов С. С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2025–225с.
2. Миргородская Э. Р. Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела Дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2025–232с.
3. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 334 с.
4. Рыгалова К. А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 98–105.
5. Кудрявцева А. В. Гуманизация уголовного судопроизводства посредством правоприменительной практики // Судья. 2026 № 3, С. 32–39.
6. Ильин Н. Л. Международно-правовые принципы судебного контроля за соблюдением прав на свободу и личную неприкосновенность // Судья. 2019. № 3 С. 74–85
7. Колоколов Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: Проблемы осуществления в условиях правовой реформы: дисс. ... канд. юрид. наук 12.00.09. Москва, 1998. 225 с.
8. Кириллова Н. П. Теоретические и практические проблемы судебного контроля в российском законодательстве // Уголовная юстиция: связь времен: Избранные материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 06–08 октября 2010 года. М., 2012. С. 50–51.

References

1. Lukyanov S. S. Kompetentsiya suda pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsesssa. Diss. ... kand. jurid. nauk. 5.1.4. Sankt-Peterburg. 2025–225 s.
2. Mirgorodskaya E. R. Sudebnyy poryadok rassmotreniya zhalob na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela. Diss. ... kand. jurid. nauk. 5.1.4. Chelyabinsk. 2025–232 s.
3. Voskobitova L. A. Teoreticheskie osnovy sudebnoy vlasti: uchebnyk. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 334 s.
4. Rygalova K. A. Sudebnyy kontrol kak samostoyatel'naya ugovno-protsessual'naya funktsiya. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1 (73). S. 98–105.
5. Kudryavtseva A. V. Gumanizatsiya ugovnogo sudoproizvodstva posredstvom pravoprimenitel'noy praktiki. Sudya. 2026. № 3. S. 32–39.
6. Ilyin N. L. Mezhdunarodno-pravovye printsipy sudebnogo kontrolya za soblyudeniem prav na svobodu i lichnyuyu neprikosновенность. Sudya. 2019. № 3. S. 74–85.
7. Kolokolov N. A. Sudebnyy kontrol v stadii predvaritelnogo rassledovaniya prestupleniy: vazhnaya funktsiya sudebnoy vlasti: Problemy osushchestvleniya v usloviyakh pravovoy reformy: diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.09. Moskva, 1998. — 225 s.
8. Kirillova N. P. Teoreticheskie i prakticheskie problemy sudebnogo kontrolya v rossiyskom zakonodatel'stve. Ugolovnaya yustitsiya: svyaz vremen: Izbrannyye materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 06–08 oktyabrya 2010 goda. M., 2012. S. 50–51.

Сведения об авторе

Петров А. В. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Санкт-Петербург. E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Information about the author

Petrov A. V. — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev. Saint Petersburg. E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 07.08.2026

Дата рецензирования / Received: 07.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА РАССЛЕДОВАНИЯ И НАКАЗАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Аннотация. Изучение механизмов «расследования» и «наказания» преступлений, направленных против, половой свободы и неприкосновенности личности, позволило всесторонне исследовать актуальные вопросы и проблемы, связанные с защитой прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности обладают высокой степенью общественной опасности, в первую очередь это подтверждается тем, что указанные преступления относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, за которые в качестве наказаний, назначаются длительные сроки лишения свободы (по частям 1–2 указанных статей от 6 до 10 лет лишения свободы, за части 3–5 указанных статей – наказание может превышать 20 лет лишения свободы, а в отдельных случаях может быть назначено пожизненное лишение свободы).

Изучение судебной практики позволяет сделать вывод о гибкости системы наказания, позволяющей избрание соразмерное совершенному преступлению наказание, учитывая все смягчающие и отягчающие факторы, личность самого подсудимого и многое другое (так, за отдельные составы преступлений, помимо лишения свободы, в качестве основного вида наказания могут быть избраны принудительные или обязательные работы). Так же помимо основного наказания, предусмотрены дополнительные наказания в виде: лишние права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничением свободы и штрафа.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и неприкосновенности, половые преступления, рецидив преступления, сексуальное насилие, жертвы сексуального насилия

Для цитирования: Петров П. К. Проблемы механизма расследования и наказания преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 162–167. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-162-167

PROBLEMS OF THE MECHANISM FOR INVESTIGATING AND PUNISHING CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INTEGRITY

Abstract. The study of the mechanisms of “investigation” and “punishment” of crimes directed against sexual freedom and personal integrity has made it possible to comprehensively examine the pressing issues and problems related to protecting the rights and legitimate interests of citizens from criminal encroachments directed against sexual freedom and sexual integrity. Crimes against sexual freedom and sexual integrity are characterized by a high degree

of public danger; this is primarily confirmed by the fact that these crimes belong to the categories of grave and especially grave crimes, for which long prison sentences are imposed as punishment (under parts 1–2 of the specified articles, the sentence ranges from 6 to 10 years of imprisonment; under parts 3–5 of the specified articles, the punishment may exceed 20 years of imprisonment, and in some cases, life imprisonment may be imposed). An analysis of judicial practice allows us to conclude that the system of penalties is flexible and allows for the selection of a punishment proportionate to the crime committed, taking into account all mitigating and aggravating factors, the personality of the defendant, and many other aspects (for example, for certain types of crimes, in addition to imprisonment, forced or compulsory labor may be chosen as the main type of punishment). In addition to the main punishment, additional penalties are provided in the form of: the loss of the right to hold certain positions or engage in certain activities, restriction of freedom, and a fine.

Keywords: crimes against sexual freedom and integrity, sexual crimes, recidivism, sexual violence, victims of sexual violence

For citation: Petrov P. K. Problems of the Mechanism for Investigating and Punishing Crimes Against Sexual Freedom and Sexual Integrity. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 162–167. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-162-167

Преступления направленные, против половой свободы и половой неприкосновенности, указанные в главе 18 УК РФ, обладают рядом особенностей и сложностей, связанных как с их исследованием, так и с назначением наказания.

Как было сказано ранее, расследование данной категории преступлений имеет свои особенности, которые включают в себя: сбор доказательной базы (в первую очередь это биологический материал), проведение сексологический и психологических экспертиз, и прочее. Все это можно назвать «традиционными» способами расследования преступлений, но развитие цифровизации и внедрение в современную жизнь социальных сетей и мессенджеров предоставило возможность совершения преступлений с использованием сети «Интернет».

В рамках главы 18 УК РФ с использованием сети «Интернет» чаще всего совершаются преступления, связанные с психологическим воздействием, шантажом и «онлайн-грумингом» или «кибергрумингом» (данное понятие не закреплено в УК или других нормативных актах. Под «онлайн-грумингом» или «кибергрумингом» подразумевается преступная или вредоносная деятельность, при которой взрослый человек устанавливает доверительные и эмоциональные отношения с ребенком или подростком через интернет для его дальнейшей сексуальной эксплуатации, шантажа или вовлечения в противоправные действия.)

В апреле 2025 года на платформе¹ Mediascope (технологичной исследовательской компании, лидера российского рынка медиа-исследований, мониторинга рекламы и СМИ), были представлены результаты социологического опроса, который проводился с сентября по ноябрь 2024 года, которые отображают количество несовершеннолетних, пользующихся сетью «Интернет» и мессенджерами. Так исследование показало, что:

- ключевое устройство для выхода в интернет у детей — это смартфон. 36 % малышей 4–5 лет уже владеют личным смартфоном, среди ребят 6–8 лет смартфон есть у 69 %, в 9–13 лет — у 88 %, а среди подростков 14–17 лет этот показатель достигает 92 %;
- уже в возрасте 9–11 лет почти 60 % детей умеют редактировать фотографии, почти 40 % — монтировать видео, более 25 % — озвучивать видео и создавать наборы стикеров;
- примерно к 10 годам больше половины детей либо уже завели свой блог/канал, либо мечтают о нем. Но уже начиная с 14 лет больше половины ребят отвечают, что личного блога у них нет и он не нужен.
- И т. д.

¹ Дети в цифре: как устроено медиапотребление детей и подростков в интернете [Электронный ресурс] // — URL: <https://mediascope.net/news/2928544/>.

Таким образом, можно сделать вывод, что возрастная группа подростков от 14–17 лет уже имеют свободный доступ к сети «Интернет» и являются активными пользователями онлайн-среды, что включает их в группу потенциальных жертв «онлайн-груминга» [5, с. 150].

Использование сети «Интернет» являются квалифицирующим признаком, поскольку прямо закреплен в статьях, указанных в главе 18 УК РФ. Так к таким преступлениям относят:

- Развратные действия (ч. 2, ч. 4 ст. 135 УК РФ). Суть данной статьи с использованием сети «Интернет» может подразумевать действия как: отправку несовершеннолетнему лицу интимных фотографий или видео, видение откровенных переписок на сексуальные темы, принуждение ребенка к демонстрации себя на камеру и т. д.;
- Понуждение к действиям сексуального характера (ч. 3 ст. 133 УК РФ). Суть заключается в том, что преступник с помощью сети «Интернет» угрожает жертве, чтобы заставить ее прислать новые порнографические материалы, продолжать общение на интимные темы, совершать сексуальные действия на камеру, а также согласиться на реальную встречу [6, с. 13];
- Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшем 16 лет (ст. 134 УК РФ). Данная статья применяется, если преступник использовал социальные сети, мессенджеры или сайты знакомств для онлайн-груминга, что в конечном итоге привело к добровольному сексуальному контакту в реальном мире. В данном случае использование сети «Интернет» будетотячающим обстоятельством.
- Совершение таких преступлений как: изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ст. 131, ст. 132 УК РФ) прямо в сети «Интернет» невозможно, так как они требуют физического контакта или непосредственного насилия (угрозы). Однако сеть «Интернет» может выступать как «инструмент подготов-

ки» (поиск, отслеживание и заманивание жертвы на встречу через ненастоящие (фейковые) аккаунты, применение шантажа или угроз физической расправой, отправляемые в мессенджерах для подавления воли жертвы и т. д.).

К сожалению, преступления, направленные против половой неприкосновенности, совершенные с использованием сети «Интернет» не указываются отдельной статистикой, собираемой и публикуемой правоохранительными органами, а теряются среди подавляющего числа преступлений совершаемых в интернет-среде (мошенничество, кража, призыв к террористической деятельности и т. д.) [7, с. 45].

Отсутствие в статистике связано со многими факторами:

Во-первых, приоритет базового состава преступления. Статистический учет в РФ строится по объекту посягательства (в данном случае — половая неприкосновенность). Сеть «Интернет» в данном случае выступает как «инструмент» (способ) и является отягчающим фактором, а не самостоятельным видом преступления.

Во-вторых, при внутренней статистике преступлений делается пометка об использовании ИКТ-технологий. Однако при выгрузке публичных отчетов ИКТ-преступления традиционно группируются вокруг мошенничеств, краж и компьютерных преступлений, оставляя насильственные составы в рамках классических категорий.

Отсутствие статистических данных по преступлениям, предусмотренных главой 18 УК РФ, с использованием сети «Интернет» имеет определенные недостатки:

- Искажение реального масштаба угроз;
- проблемы планирования и профилактики;
- дефицит кадров и специализации;
- иллюзия безопасности в обществе.

Таким образом, отсутствие подробной статистике, отображающей количество половых преступлений, совершаемые с использованием сети «Интернет», негативным образом сказывается на оценке криминальной обстановке в целом, а так же в разработке и применении мер защиты и профилактики [3].

Помимо этого, сотрудники правоохранительных органов, при расследование преступлений, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности с использованием сети «Интернет» сталкиваются с серьезными криминалистическими, техническими и правовыми трудностями:

- **анонимность и маскировка пользователей сети** (использование преступниками VPN, прокси-серверов, и т. д.);
- **сложность сбора цифровых следов** (переписка, аудио- и видеофайлы могут быть оперативно удалены подозреваемым или автоматически стерты системами, а IP-адреса — динамическими или поддельными);
- **латентность** (скрытый характер) и страх потерпевших: Пострадавшие (особенно несовершеннолетние) часто боятся или стыдятся заявлять в полицию, из-за чего преступления выявляются с большим запозданием.

Помимо сложностей связанных с расследованием преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет», следует выделить такую проблему, которая давно обсуждается российским законодательством и обществом в целом — открытый реестр преступников.

К сожалению, суровость, предусмотренных УК РФ, наказаний за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, не всегда является сдерживающим фактором как для лиц, впервые совершающих преступления, так и для лиц, уже имеющих за спиной криминальный опыт.

Назначение сурового наказания не гарантирует обеспечение добросовестного поведения у бывших заключенных и после отбытия наказания, указанные лица, с большой вероятностью, возвращаются к девиантному поведению [1, с. 111].

В России существует комплекс мер, направленных для осуществления надзора за лицами, которые ранее были осуждены за преступления, направленные против половой свободы и половой неприкосновенности (обязательство о явке в полицию, комендантский час, запрет посещать массовые мероприятия и т. д.), но, к сожалению, их бывает недостаточно, для предотвращения преступления.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то во многих из них, помимо установленных ограничений и запретов, существуют открытые реестры лиц, ранее осужденных за половые преступления.

Зарубежный опыт показывает, что ведение открытых реестров в отношении лиц, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, имеет положительный эффект как с точки зрения надзора со стороны правоохранительных органов, так и в обеспечении безопасности и информировании граждан [2, с. 164].

Поэтому открытый реестр стоит рассматривать не только как меру дополнительного надзора для лиц, осужденных за половые преступления, а так же как способ защиты и информирования населения.

На основании вышесказанного, были выделены следующие проблемы правового регулирования, касающиеся механизма расследования и наказания преступлений, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности:

1. Высокая латентность преступлений, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности (сюда же относятся и преступления, совершенные с использованием сети «Интернет»). Расследование преступлений совершенных с использованием сети «Интернет» сопряжено с рядом технических и информационных трудностей. Ситуацию с расследованием таких преступлений так же усложняет: отсутствие закрепленного в праве термина, описывающего посягательство на половую неприкосновенность в отношении несовершеннолетних, с использованием сети «Интернет», и отсутствие дополнительной статистики по данным преступления.

2. Отсутствие дополнительных мер контроля и надзора за бывшими осужденными. Ужесточенные сроки, дополнительные запреты и ограничения не всегда могут быть сдерживающим фактором перед лицом, имеющим за плечами криминальный опыт. Во многих странах ведение открытого реестра преступников, осужденных за половые преступления, является не только способом надзора за бывшими осужденными, а так же возможностью для граждан быть осведомленными по поводу криминальной обстановки вокруг себя, а так же своевременно обеспечить

безопасность для себя и своей семьи.

Таким образом, механизмы расследования и наказания необходимо совершенствовать, подстраивая их под непре-

рывно меняющееся общество, внедрять новые методы и технологии для уменьшения количества насильственных и ненасильственных преступлений.

Литература

1. Алексеева А. П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // В сборнике: Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 110–115.
2. Быстрова Ю. В., Ганаева Е. Э., Дадашов М.М. Половая свобода и половая неприкосновенность несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические аспекты. // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2024. № 1 (53). С. 163–170.
3. Богунова Г. В., Драница Н. К. Правовые коллизии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // В сборнике: Научная Россия: теории, проблемы и вызовы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием. Хабаровск, 2025. С. 21–23.
4. Бурханова Д. А. Понятие рецидивных преступлений, их основные показатели // международный научный журнал «Вестник науки». 2024. № 6 (75).
5. Ивасюк О. Н.К проблеме предупреждения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних// Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 177–182.
6. Кобасин В. В. Оценка латентности и фактического состояния насильственной сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 1 (63)
7. Колосович М. С., Тарасов М. Ю., Кузнецов В. А. Публичный реестр лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, как эффективная мера противодействия названной преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 32–41.
8. Лазакович Д. С. Первоначальный этап расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: выпускная квалификационная работа / Д. С. Лазакович. — Томск, 2024. — 75с.
9. Моисейченко А. Е. Становление и развитие законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности личности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 6. С. 30–33.

References

1. Alekseeva AP, Anisimova TV. Legislative initiatives to strengthen the protection of minors from criminal encroachments: problems and prospects. In: Criminal policy and law enforcement practice: collection of articles based on the materials of the X International scientific and practical conference. Saint Petersburg; 2023. Pp. 110–115.
2. Bystrova YuV, Ganaeva EE, Dadashov MM. Sexual freedom and sexual inviolability of minors: criminal-law and criminological aspects. *Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov*. 2024;(1):163-170.
3. Bogunova GV, Dranitsa NK. Legal collisions of crimes against sexual inviolability of minors. In: Scientific Russia: theories, problems and challenges: proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference with student participation. Khabarovsk; 2025. Pp. 21–23.
4. Burkhanova DA. The concept of recidivist crimes and their main indicators. *Bulletin of Science*. 2024;6(75).
5. Ivasyuk ON. On the problem of preventing sexual violence against minors. *Criminological Journal*. 2023;(4):177–182.
6. Kobasin VV. Assessment of latency and the actual state of violent sexual crime against minors. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;1(63).
7. Kolosovich MS, Tarasov MYu, Kuznetsov VA. Public registry of persons convicted of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors as an effective measure to counter this crime. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;4(67):32–41.
8. Lazakovich DS. Initial stage of investigation of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: qualification thesis [master's thesis]. Tomsk; 2024. 75 p.
9. Moiseichenko AE. Formation and development of legislation establishing criminal liability for crimes against sexual inviolability of the individual. *Current Issues of Combating Crime*. 2023;(6):30–33

Сведения об авторе

Петров П. К. — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доцент. Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска». Челябинск. E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the author

Petrov P. K. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal and Penal Law and Criminology, South Ural State University, Associate Professor. Chairman of the Bar Association of the NonProfit Organization "Bar Association of Chelyabinsk". Email: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Подольный Н. А.

ТЕХНИКО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ СОКРЫТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЛАТЕНТНОСТЬ СЛЕДА И ПОТРЕБНОСТЬ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЯХ

Аннотация. Применение различных видов сервисов VPN и анонимайзеров с целью скрыть противоправные действия делает ряд информационных инцидентов юридически неопределимыми, при этом невозможно однозначно квалифицировать такое нейтральное действие как преступление. В то же время традиционный способ проведения осмотра места происшествия неприменим к информационной сфере вследствие высокой вероятности удаленного уничтожения/изменения информации — это диктует необходимость разработки новых способов фиксации и сохранения доказательств. Актуальность представленной статьи состоит в необходимости решения проблемы несоответствия роста сложности IT-инфраструктуры (экспоненциальный рост) к возможностям следственных органов. Новизна статьи состоит в обосновании базиса алгоритма интеграции специальных технических знаний в процесс построения достоверной и законной доказательственной базы при проведении расследования.

Ключевые слова: преступления, совершённые с применением цифровых технологий; цифровые следы; расследование; латентность преступлений; доказательства; специальные знания; специалист

Для цитирования: Подольный Н. А. Техничко-инструментальное сокрытие цифровых преступлений: латентность следа и потребность в специальных знаниях // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 168–174. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-168-174

Podolnyy N. A.

TECHNICAL AND INSTRUMENTAL CONCEALMENT OF DIGITAL CRIMES: TRACE LATENCY AND THE NEED FOR SPECIAL KNOWLEDGE

Abstract. The use of various types of VPN services and anonymizers in order to conceal illegal actions makes a number of information incidents legally undefinable, and it is impossible to unambiguously classify such a neutral action as a crime. At the same time, the traditional method of conducting a scene of crime is not applicable to the information sphere due to the high probability of remote destruction/modification of information, which necessitates the development of new methods for capturing and preserving evidence. The relevance of this article lies in the need to address the issue of the discrepancy between the growing complexity of IT infrastructure (exponential growth) and the capabilities of investigative bodies. The novelty of the article lies in the justification of the basis for integrating specialized technical knowledge into the process of building a reliable and legal evidence base during investigations.

Keywords: crimes committed using digital technologies; digital traces; investigation; crime latency; evidence; specialized knowledge; specialist

For citation: Podolnyy N. A. Technical and Instrumental Concealment of Digital Crimes: Trace Latency and the Need for Special Knowledge. *Problemy*

Понятие борьбы с преступностью исторически определяется через введение уголовно-правового запрета на совершение преступления и применение наказания в отношении лица, его совершившего. Но только факт жесткости меры наказания недостаточен для реализации предупреждающего действия. Ничто не так важно как осведомленность вероятного преступника о возможности выявления им совершенных действий, идентификации личности и ее дальнейшего привлечения к ответственности. Данная особенность для деяний, связанных с использованием информационных технологий имеет особую актуальность — удаленный способ совершения деяния, возможность автоматизировать процесс совершения преступления, применение технических приспособлений для маскировки позволяют виновному чувствовать себя неуязвимым.

Поэтому неотвратимость ответственности следует понимать не как формальное наличие уголовно-правового запрета, а как реально действующую систему обнаружения, раскрытия и доказывания преступлений [1, с. 168–176]. Если технически сложные деяния выявляются лишь случайно, а установление причастного лица зависит от допущенной им грубой ошибки, предупредительное значение уголовного закона снижается. Совсем наоборот — умение правоохранительных органов выявлять неочевидные цифровые следы, связывать отдельные эпизоды в единую цепочку фактов и фиксировать их на процессуальном уровне значительно повышает субъективный уровень угрозы привлечения к ответственности.

Следовательно, гарантия неотвратимости ответственности по данной категории дел достигается не только уголовным наказанием [2, с. 297–303]. Гарантирует её определенный уровень технического обеспечения службы правопорядка, квалификация сотрудников, информационное взаимодействие между ними, применение специальных знаний.

Существенным препятствием на пути её практического обеспечения является несоответствие между сложностью применяемых преступниками технологий и технической подготовкой правоприменителя. Следователь не обладает достаточным объемом технических знаний, позволяющим самостоятельно оценивать все про-

цессы, происходящие в современных информационных системах. Такое положение нельзя объяснять лишь недостатками профессионального обучения. Оно имеет объективную основу: следователь является прежде всего юристом, владеющим нормами уголовного и уголовно-процессуального права, положениями криминалистики и методиками расследования. Одновременно быть квалифицированным программистом, сетевым администратором, специалистом по мобильным устройствам, облачной инфраструктуре, компьютерной криминалистике, анализу вредоносного программного обеспечения и криптографическим средствам защиты практически невозможно.

Вместе с тем именно следователь принимает процессуальные решения, определяет направление расследования, выдвигает версии и устанавливает предмет доказывания. Поэтому определенное понимание принципов работы цифровых технологий ему необходимо. Оно позволяет увидеть возможный источник информации, грамотно поставить задачу перед оперативным подразделением, специалистом или экспертом, а также критически оценить полученные результаты. Но знание следователем некоторых особенностей цифровой технологии не может заменить специалиста в сфере цифровых технологий, имеющего специальное образование и опыт работы, хотя оно, несомненно, полезно для качества проводимого расследования. Более того, поверхностная техническая осведомленность иногда создаёт дополнительный риск, если следователь переоценивает собственные возможности и совершает необратимые действия с электронным устройством.

Техническая сложность противоправных действий влияет на их восприятие правоохранительными органами. Традиционное преступление обычно оставляет понятные внешние признаки: повреждение имущества, телесные повреждения, недостатку, следы проникновения. В цифровой среде внешнее проявление события нередко нейтрально. Оно может выглядеть как штатный сетевой запрос, обычная авторизация, программная ошибка, автоматическая операция или использование предусмотренной разработчиком функции.

Это меняет привычную логику обнаружения преступления. Внешне нейтральное

техническое действие приобретает противоправный характер не в силу названия использованного инструмента, а с учётом полномочий лица, цели, последовательности операций и наступивших последствий. Использование штатной функции выгрузки данных может быть обычной служебной операцией, а может выступать способом хищения коммерчески значимой информации. Дистанционное соединение с персональным компьютером возможно в рамках технического обслуживания; однако в других случаях является элементом несанкционированного проникновения. Передача цифровых ценностей по адресам — сама по себе еще ничего не говорит о сути происходящего, если не смотреть на то откуда пришли деньги, кто контролирует адреса и как эта операция связана с остальными фактами.

Возможно, что преступник и не будет «ломать» систему, а использует законные программы, штатное программное обеспечение для администрирования, облачные технологии, реальные пароли. Именно поэтому эта схема стала популярной — ведь сам по себе легальный инструмент ничего не говорит о незаконности применения. Важно всё остальное — ситуация, порядок выполнения операций, права доступа к системе, задача операции, результат её проведения.

С этим непосредственно связана латентность преступлений, совершённых с применением цифровых технологий [3, с. 146–155]. В наиболее общем виде она означает, что фактически совершённое преступление остаётся неизвестным правоохранительным органам либо не получает правильной уголовно-правовой оценки и потому не отражается как преступление в официальном учёте [4, с. 179–183]. В цифровой среде можно говорить о нескольких последовательно возникающих уровнях латентности. Сначала сам потерпевший может не знать об имевшем место вмешательстве. Затем, обнаружив необычное событие, он может принять его за техническую неисправность. Организация, установившая признаки атаки, иногда сознательно не сообщает о ней из опасения репутационного ущерба. Наконец, поступившая информация может быть ошибочно воспринята правоохранительными органами как описание гражданско-правового конфликта, нарушения договора или технического инцидента.

Для того, чтобы скрыть свою деятельность преступники применяют VPN серви-

сы, прокси-узлы, анонимные сети, используют виртуальные машины, временные номера, подставные аккаунты, арендуют серверы, пользуются криптовалютой и автоудалением сообщений. Криминальные действия делят на несколько человек и технических средств. Первый — получает доступ; второй — организует технические условия; третий — выводит деньги; четвертый — работает с жертвами. Отдельное цифровое событие может казаться не заслуживающим внимания из-за незначительности либо легитимным, а криминальный смысл проявляется лишь при наличии совокупности фактов в целостном контексте.

Умышленные действия преступников направлены на то, чтобы скрыть результаты преступления за счет отнесения их к естественным событиям. Изменение цены актива, когда оно искусственно достигается посредством соответствующих манипуляций, представляется как нормальная рыночная ситуация; недоступность ресурсов сети Internet объясняется перегрузкой, наступившей в результате повышения пользовательской активности или неисправностью оборудования; безобидное списание небольших сумм — комиссией, округлением или изменением расчетной базы. Потерю клиентов можно интерпретировать как обычный переход к конкурентам, а искажение результатов автоматизированной системы — как ошибку в программном обеспечении. Маскировка особенно удачно работает, когда преступный умысел реализуется не через явную незаконную операцию, а через ряд формально допустимых действий, которые вместе приводят к желаемому результату.

В рамках расследованных уголовных дел выделяется категория цифровых преступников, которых можно назвать «дилетантами». Такие лица обладают базовыми пользовательскими навыками, умеют находить готовые руководства, покупать программное обеспечение и применять чужие разработки, однако не обладают глубоким пониманием принципов их работы. Они используют общедоступные инструменты анонимизации, готовые фишинговые пакеты, чужое вредоносное программное обеспечение или стандартные схемы социальной инженерии для совершения своих преступлений.

«Дилетант» часто ошибочно считает, что применение одного инструмента анонимизации обеспечит полную скрытность его личности. В реальности же он использует

личные и подконтрольные ему учетные записи с единого устройства, повторно применяя электронные адреса, псевдонимы и номера телефонов. Часто на его компьютере сохраняются исходные файлы, пароли, отрывки программного кода, история поиска и информация о применяемой инфраструктуре, что может привести к раскрытию его идентичности. Выплаты осуществляются через счета, которые непосредственно или косвенно связаны с виновным или его близкими. Ошибки могут быть допущены не только во время совершения преступления, но и на этапах, связанных с оплатой сервера, регистрацией почты, восстановлением пароля или общением с соучастниками.

Данные виды преступлений в большинстве случаев не сложны для расследования при условии изъятия устройств, получения информации у операторов и служб сервиса, изучения финансовых транзакций и привлечения эксперта. Расследование осуществляется за счет наличия связи цифрового следа с определенным субъектом.

Принципиально иная ситуация возникает, когда преступник глубоко понимает архитектуру информационных систем, способен самостоятельно создавать вредоносное программное обеспечение и заранее прогнозирует действия правоохранительных органов. Такой субъект не зависит от готового инструмента и может разработать программный код для конкретной цели, изменить его после каждого применения, отказаться от сохранения файлов на носителе либо встроить преступную функцию в легитимную программу. Знает, какие журналы записывает система; в каком месте хранится временная информация; как формируется маршрутизация по сети; какую информацию можно взять у оператора/провайдера.

Суть проблемы заключается не в выявлении самого факта наличия злонамеренного поведения в цифровом пространстве. Она состоит в установлении личности субъекта управления инфраструктурой; в ответе на вопросы: кто разрабатывал или применял программное обеспечение? Кто знал о природе своих действий? И на что был направлен умысел? Определение IP-адреса, устройства или аккаунта — это еще не определение исполнителя преступления.

В то же время — техническая атрибуция не равнозначна идентификации виновного лица. IP-адрес характеризует подключение к сети — человек при этом далеко не всегда идентифицируется; аккаунт мо-

жет передаваться, вороваться либо использоваться издали; наличие файла на устройстве еще не доказывает факт его создания владельцем, запуска им и осведомленности о целях использования; даже совпадение кусков программного кода имеет множество интерпретаций (например, применение публичной библиотеки или клонирование чужого программного обеспечения). Чем выше подготовка виновного, тем сложнее перейти от обнаружения технического события к доказанному выводу о сознательных действиях конкретного лица.

Основной проблемой при проведении предварительного следствия по уже совершённым преступлениям является переход от технических сведений к относимым, допустимым и достоверным доказательствам о фактах юридического значения [5, с. 423–426]. Сведения могут свидетельствовать с достаточной степенью вероятности об участии конкретного человека — однако они еще не являются доказательством.

В ходе предварительного расследования необходимо обеспечить проверяемость происхождения цифровых данных и их неизменности после обнаружения. Для этого фиксируются характеристики носителя и информационной системы, последовательность выполненных действий, применённые аппаратные и программные средства, условия копирования, временные параметры и контрольные значения. Но даже технически безупречно полученная информация должна быть связана с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания. Для суда это значит — важно не просто видеть объект цифрового документа, а знать — что он удостоверяет; как его получили; почему в него можно верить.

Достоверность доказательств необходимо обосновать источником их получения, способом получения и мерами, предпринятыми для их сохранения, принадлежностью к определенному устройству/аккаунту, сохранением неизменности при выемке, смысловой нагрузкой в контексте соответствующего эпизода совершения преступления. При формировании копий цифровых материалов важную роль играют контрольные суммы хэш-алгоритмов, информация о программном обеспечении и оборудовании для дублирования данных; версия программного обеспечения, время создания копии и непрерывность их хранения.

В ходе проверки сообщений о преступлениях, совершенных с использованием

цифровых технологий, становится особенно очевидной недостаточность знаний следователя, работающего на уровне «пользователя». Владение компьютером и распространенными приложениями не подразумевает понимания того, где физически располагаются данные, как изменяются метаданные и какие последствия могут возникнуть после выключения устройства. Информация, отображаемая на экране, может быть хранима не на изъятом устройстве, а на удаленном сервере, что требует от следователя более глубоких технических знаний. Отключение работающей системы может привести к потере данных, хранящихся в оперативной памяти, или к блокировке зашифрованного раздела. С другой стороны, поддержание соединения с сетью может повлечь за собой удаленное уничтожение информации. Не существует универсального решения для этой ситуации; оно принимается с учетом особенностей конкретной системы.

Отсюда вытекает необходимость участия специалиста по ст. 58 УПК РФ — его участие должно быть системным (не эпизодическим), в рамках той части расследования, что касается работы с цифровыми данными [6, с. 104–108]. Не обязательно присутствие одного специалиста в ходе всего расследования, при проведении всех процессуальных действий, их может быть несколько — для проведения разных действий [7, с. 68–69]. Необходимо постоянное сопровождение специалистом всего хода расследования — от организации сбора информации о цифровых следах до определения необходимости дальнейшего сбора доказательств и формирования вопросов экспертам [8, с. 108–110].

До проведения следственного действия специалист осуществляет предварительную оценку возможных мест нахождения информации; оценивает архитектуру информационно-системы; определяет возможные потери данных. Специалист привлекается для информирования следователя о наличии шифрования, удаленного управления, синхронизации в облачных сервисах, дублировании/архивировании и специфике эксплуатации технических средств [9, с. 210–217]. В присутствии специалиста определяются технические способы сбора доказательств, устанавливается порядок действий, формулируется предмет поиска информации. Данная мера исключает бессмысленную конфискацию всего оборудования — что может привести к остановке деятельности предприятия

и в тоже время не даст возможности получить необходимую информацию.

При проведении следственного действия специалист проводит анализ устройств и элементов инфраструктуры, фиксирует работоспособность системы, выявляет действующие связи, осуществляет оценку возможности изменения содержания информации; при необходимости — участвует в процессе сохранения информации из оперативной памяти, создания копии, расчета хеш-значений, упаковки носителей информации. Также он информирует следователя о том, что происходит в данный момент — эта информация помогает ему разобраться с ситуацией. Помощь специалиста имеет тактический характер — влияет как на технические моменты в проведении расследования, так и на тактику проведения отдельных следственных действий (своевременное использование тактических приемов, позволяющих получить доказательства).

При составлении протокола специалист помогает сформулировать корректные выражения, указание на параметры устройства, программное обеспечение примененного при работе с данными; как именно были получены данные, когда и при каких условиях они были скопированы. Необходимо фиксировать не только сам факт «выявления переписки» либо «наличия вирусов», но и указывать место хранения информации (какое приложение), способ открытия данных, принадлежность к какому пользователю или учетной записи, которая была сделана на устройстве. Неполнота технического описания может привести к невозможности перепроверить доказательства и вызывает вопросы об их достоверности.

Специалист по своей сути не является следователем или экспертом. Он не осуществляет процессуальные действия, не квалифицирует правоотношения и не устанавливает вины конкретного лица [10, с. 263–270]. При необходимости установить отдельные обстоятельства совершенного деяния должно проводиться самостоятельное исследование с целью формулирования заключения эксперта — то есть назначается судебная компьютерно-техническая экспертиза. Проведение экспертизы и привлечение специалиста — это два параллельных действия следователя, они дополняют друг друга при получении доказательств, а не являются взаимоисключающими.

В ходе возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования следователь сохраняет роль организатора расследования и лица, принимающего процессуальные решения. Несмотря на то, что знание им специфики цифровых технологий не может полностью заменить специалиста с соответствующим образованием и опытом, оно существенно улучшает качество расследования и делает взаимодействие более плодотворным. Для успешного проведения следственных действий, выявления и фиксации цифровых следов, а также для копирования данных, оценки технических угроз, составления заключений и формулирования вопросов эксперту требуется присутствие специалиста в данной области.

Знание следователем особенностей применения цифровых технологий способствует повышению эффективности работы, исключает возможные ошибки и облегчает коммуникацию со специалистом в сфере компьютерной техники и программного

обеспечения. Но при этом такое знание не подменяет собой профессиональную квалификацию и стаж работы специалиста. Понимание данного обстоятельства не умаляет процессуальной самостоятельности следователя — напротив, оно служит гарантом реализации этой самостоятельности в содержательном смысле. Самостоятельность следователя применительно к цифровому миру не означает того, что он должен стремиться выполнить любую техническую задачу самостоятельно, а состоит в умении вовремя определить необходимость специализированных знаний, привлечь к работе компетентного специалиста, четко сформулировать ему задачу и эффективно использовать полученные результаты в рамках требований уголовно-процессуального законодательства. Данный методологический подход позволяет способствовать снижению скрытности цифровых преступлений и позволяет реализовывать принцип неотвратимости уголовной ответственности.

Литература

1. Силкин В. П. Неотвратимость уголовной ответственности в законе, теории и правоприменительной практике // *Ius Publicum et Privatum*. — 2023. — № 2(22). — С. 168–176.
2. Николаев И. А. Теоретико-правовая проблема реализации принципа неотвратимости юридической ответственности // *Моя профессиональная карьера*. — 2025. — Т. 1, № 73. — С. 297–303.
3. Поляков В. В. Латентность высокотехнологичных преступлений: понятие, структура, методы оценки уровня // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 146–155.
4. Палий Е. С. К вопросу о латентности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики (памяти профессора С. Е. Вицина) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 июня 2025 года*. — Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2025. — С. 179–183.
5. Ахъядов Э. С. М. Основные характеристики преступлений, совершаемых в сфере обращения цифровой информации // *Аграрное и земельное право*. — 2026. — № 1. — С. 423–426.
6. Молохов А. В. Эволюция роли специалиста в уголовном процессе // *Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811–1873): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 года*. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. — С. 104–108.
7. Темирганова М. Т. Специалист как субъект уголовного процесса // *NovalInfo. Ru*. — 2021. — № 124. — С. 68–69.
8. Хачикян С. А. Особенности участия специалиста в уголовном процессе на стадии возбуждения уголовного дела // *Тенденции развития науки и образования*. — 2023. — № 97–6. — С. 108–110.
9. Лукошкина С. В. Проблемы изъятия электронного носителя информации в контексте участия специалиста и назначения судебных экспертиз // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 210–217.
10. Сотников К. И. Тактико-правовые нюансы участия специалиста при проведении следственных действий, связанных с изъятием и копированием электронной информации // *Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2025 года*. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 263–270.

References

1. Silkin V. P. Neotvratimost' ugovnoy otvetstvennosti v zakone, teorii i pravoprime-nitel'noj praktike // *Ius Publicum et Privatum*. — 2023. — № 2(22). — S. 168–176.
2. Nikolaev I. A. Teoretiko-pravovaya problema realizacii principa neotvratimosti yuridicheskoy otvetstvennosti // *Moya professional'naya kar'era*. — 2025. — T. 1, № 73. — S. 297–303.
3. Polyakov, V. V. Latentnost' vy'sokotekhnologichny'x prestuplenij: ponyatie, struk-tura, metody' ocenki urovnya // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. — 2023. — T. 17, № 2. — S. 146–155.
4. Palij E. S. K voprosu o latentnosti prestuplenij, sovershaemy'x s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionny'x tehnologij // *Voprosy' sovershenstvovaniya pravooxranitel'noj deyatel'nosti: vzaimodejstvie nauki, normotvorchestva i prakti-ki (pamyati professora S. E. Vicina) (k 50-letiyu obrazovaniya Moskovskoj vy'sshej shkoly' milicii MVD SSSR): Sbornik nauchny'x trudov Vserossijskoj nauchno-prak-ticheskoy konferencii, Moskva, 18 iyunya 2025 goda*. — Moskva: Moskovskij univer-sitet MVD RF im. V. Ya. Kikotya, 2025. — S. 179–183.
5. Ax'yadov E'. S. M. Osnovny'e karakteristiki prestuplenij, sovershaemy'x v sfere obrashheniya cifrovoj informacii // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. — 2026. — № 1. — S. 423–426.
6. Moloxov A. V. E'voluciya roli specialista v ugovnom processe // *Ustav ugovlov-nogo sudoproizvodstva 1864 g. i ego vliyaniye na sovremenny'j ugovny'j process (Pamyati Nikolaya Andreevicha Buczkovskogo (1811–1873): Materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 16 noyabrya 2023 goda*. — Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2024. — S. 104–108.
7. Temirxanova M. T. Specialist kak sub'ekt ugovnogo processa // *NovalInfo.Ru*. — 2021. — № 124. — S. 68–69.
8. Xachikyan S. A. Osobennosti uchastiya specialista v ugovnom processe na sta-dii vzbuzhdeniya ugovnogo dela // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. — 2023. — № 97–6. — S. 108–110.
9. Lukoshkina S. V. Problemy' iz'`yatiya e'lektronnogo nositelya informacii v kon-tekste uchastiya specialista i naznacheniya sudebny'x e'kspertiz // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. — 2024. — T. 18, № 2. — S. 210–217.
10. Sotnikov K. I. Taktiko-pravovy'e nyuansy' uchastiya specialista pri provedenii sledstvenny'x dejstvij, svyazanny'x s iz'`yatiem i kopirovaniem e'lektronnoj infor-macii // *Sudebnaya e'kspertiza: proshloe, nastoyashhee i vzglyad v budushhee: Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 16 maya 2025 goda*. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. — S. 263–270.

Сведения об авторе

Подольный Н. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Казань. E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

Information about the author

Podolnyy Nikolai A. — Doctor of juridical sciences, professor, head of the sub-department of criminal procedure and criminalistics, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Kazan. E-mail: ipk-saransk@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.08.2026

Дата рецензирования / Received: 23.08.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.08.2026

Тазетдинов Р.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. Статья посвящена психолого-криминологическому анализу преступности среди несовершеннолетних через призму системы социальной профилактики. На основе эмпирических данных Республики Узбекистан и зарубежного опыта России, США и Германии рассматриваются внутриличностные механизмы формирования девиантного поведения подростков — семейная депривация, школьная безнадзорность, «криминогенный удар» и социальная дезорганизация среды. Показано, что эффективная профилактика подростковой преступности требует сочетания территориально-общинного подхода, свойственного узбекской модели махалли, с профессиональными психодиагностическими и коррекционными инструментами, апробированными за рубежом. Сформулированы предложения по совершенствованию системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: юридическая психология, криминология несовершеннолетних, социальная профилактика, девиантное поведение подростков, семейная депривация, школьная дезадаптация, когнитивно-поведенческая терапия, ювенальная юстиция

Для цитирования: Тазетдинов Р. Психолого-криминологический анализ преступности несовершеннолетних через призму социальной профилактики (зарубежный опыт) // Проблемы права. 2026. № 3 (103). С. 175–180. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-175-180

Tazetdinov R.

PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF JUVENILE DELINQUENCY THROUGH THE LENS OF SOCIAL PREVENTION (FOREIGN EXPERIENCE)

Abstract. The article is devoted to the psychological and criminological analysis of juvenile delinquency through the lens of the social prevention system. Based on empirical data from the Republic of Uzbekistan and foreign experience from Russia, the USA, and Germany, the paper examines intrapersonal mechanisms underlying the formation of deviant behavior in adolescents — family deprivation, school neglect, the “criminogenic impact,” and social disorganization of the environment. It is demonstrated that effective prevention of juvenile delinquency requires a combination of the territorial-community approach characteristic of the Uzbek mahalla model with professional psychodiagnostic and correctional tools tested abroad. The study formulates proposals for improving the system for preventing juvenile offenses in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: legal psychology, juvenile criminology, social prevention, adolescent deviant behavior, family deprivation, school maladjustment, cognitive-behavioral therapy, juvenile justice

For citation: Tazetdinov R. Psychological and Criminological Analysis of Juvenile Delinquency through the Lens of Social Prevention (Foreign Experience). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. № 3 (103). Pp. 175–180. (In Russ.). DOI: 10.24412/2075-7913-2026-3(103)-175-180.

Преступность несовершеннолетних занимает особое место в структуре криминологического знания, поскольку затрагивает не завершённую, а формирующуюся личность, чьё противоправное поведение в решающей степени определяется условиями семейного воспитания, качеством школьной социализации и характером ближайшего социального окружения. В отличие от преступности взрослых, где значительную роль играют уже сложившиеся личностные установки, подростковая девиация носит преимущественно ситуативно-реактивный и обучаемый характер, что делает её психологически более пластичной и, следовательно, более восприимчивой к своевременному профилактическому воздействию.

В первую очередь необходимо определить психологические механизмы формирования девиантного поведения несовершеннолетних.

В частности, семья выступает первичным и наиболее значимым психологическим пространством социализации ребёнка, в котором закладываются базовые представления о любви, ответственности, границах дозволенного и способах разрешения конфликта. Нездоровая семейная обстановка — насилие, эмоциональная нестабильность, безнадзорность — формирует у ребёнка искажённую модель совладания с трудностями, при которой агрессия воспринимается как естественный и оправданный способ решения проблем; ребёнок, выросший в условиях родительского деспотизма, склонен усваивать насилие как универсальный поведенческий образец, переносимый впоследствии на собственные социальные взаимодействия. Одновременно ослабление дисциплины и психолого-педагогического сопровождения в образовательных учреждениях устраняет второй по значимости институт контроля, что усиливает безнадзорность и открывает подростку путь к девиантному окружению.

Данные наблюдения согласуются с классической теорией социальной дезорганизации Чикагской школы: К. Шоу и Г. Маккей на основании длительного картографирования городской преступности установили, что наивысшая концентрация подростковых правонарушений устойчиво воспроизводится в кварталах с разрушен-

ными социальными связями, бедностью и низким качеством образования, вне зависимости от смены проживающего там этнического состава населения — то есть определяющим фактором выступает не индивидуальная порочность конкретных жителей, а дезорганизация самой социальной среды [2]. Данный вывод методологически важен для профилактической практики: воздействие должно быть направлено не столько на «трудного подростка» как такового, сколько на оздоровление семейной и территориальной среды, в которой он формируется.

Концепция «криминогенного удара» П. Вудса конкретизирует психологический механизм подростковой девиации, указывая на роль резкого негативного события — неуспеваемости, исключения из школы, развода или насилия в семье — как триггера, запускающего цепь дезадаптивных реакций [3]. У взрослого человека подобное событие чаще компенсируется уже сформированными копинг-ресурсами, тогда как у подростка, чья психика находится в стадии становления, оно с большей вероятностью фиксируется в виде устойчивой антисоциальной установки при отсутствии своевременной психологической поддержки со стороны семьи, школы или иных институтов.

Одним из старейших направлений криминологической мысли, заложивших основу дифференцированного отношения к личности правонарушителя, выступает позитивистская школа Р. Гарофало, обосновавшего понятие «естественного преступления» как деяния, нарушающего базовые альтруистические чувства сострадания и честности [1]. Несмотря на биологизаторский крен ранней позитивистской криминологии, её ключевая заслуга состоит в самой постановке вопроса о необходимости изучения личности правонарушителя, а не только формального состава деяния, — идея, впоследствии получившая развитие в отечественной юридической психологии применительно к анализу мотивационно-ценностной структуры личности несовершеннолетнего правонарушителя [6].

Институциональный ответ Республики Узбекистан на проблему подростковой преступности выстроен вокруг территориального механизма. Так называ-

емой «махаллинской семёрки», в состав которой включён лидер молодёжи, а профилактическая работа со школьниками и учащейся молодёжью дополнительно опирается на институт школьных психологов, осуществляющих деятельность непосредственно в образовательных учреждениях. Нормативную основу данной модели составляют постановление Кабинета Министров № 801 от 30 ноября 2024 года «О мерах по повышению эффективности системы социальной профилактики в махаллах» [11] и указ Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 года № УП-27 «Об утверждении Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» [12], закрепляющие единую государственную политику территориальной профилактической деятельности, включая работу с молодёжью группы риска.

Вместе с тем анализ региональной практики показывает, что, несмотря на закрепление за каждой махаллёй инспектора по профилактике и внедрение цифрового мониторинга, ряд негативных факторов подростковой преступности остаётся не полностью устранённым: не обеспечена в полной мере занятость молодёжи, адресность профилактических мероприятий носит преимущественно реактивный, а не превентивный характер, а оценка эффективности работы с несовершеннолетними базируется главным образом на статистике зарегистрированных правонарушений, а не на психологических индикаторах риска [11]. Это указывает на необходимость усиления именно психодиагностической составляющей индивидуальной профилактической работы с подростками, дополняющей уже существующий территориально-общинный ресурс махалли.

Особенно интересен зарубежный профилактики подростковой преступности.

В частности, Российская Федерация закрепила многосубъектный подход к профилактике правонарушений несовершеннолетних на уровне Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», отнеся к числу самостоятельных субъектов профилактики комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, образовательные и медицинские организации [7]. Российская юридико-психологическая школа, в частности работы Ю. М. Антоняна,

М. И. Еникеева и В. Е. Эминова, обосновала необходимость квалифицированной психологической диагностики личности несовершеннолетнего правонарушителя, поскольку внешне схожие по фабуле деяния подростков могут иметь принципиально различную внутриличностную природу — от ситуативной импульсивности до устойчивой деформации ценностной структуры [6], что требует индивидуализации, а не унифицированного шаблона профилактического воздействия.

Соединённые Штаты Америки продемонстрировали наиболее методологически строгий доказательный подход к профилактике именно подростковой преступности. Программа «Becoming a Man» (BAM), реализуемая для учащихся школ Чикаго из социально неблагополучных районов, построена на методах когнитивно-поведенческой терапии, обучающих подростка распознаванию и сознательному замедлению автоматической импульсивной реакции в конфликтной ситуации. Серия рандомизированных контролируемых испытаний, проведённых учёными Чикагского университета, зафиксировала снижение числа арестов участников программы за насильственные преступления на 45–50 %, снижение общего числа арестов на 28–35 % и рост доли своевременного окончания школы на 12–19 % [8]. Значение данного результата для психологической теории профилактики состоит в эмпирическом подтверждении того, что значительная часть подростковых правонарушений совершается не вследствие устойчивой криминальной направленности личности, а вследствие несформированности навыков произвольной саморегуляции в стрессовой ситуации, — дефицита, поддающегося целенаправленной и относительно кратковременной психологической коррекции.

Федеративная Республика Германия развивает специализированный институт работы именно с несовершеннолетними правонарушителями — «Дом ювенального права» (Haus des Jugendrechts), впервые созданный в Штутгарте в 1999 году и с тех пор тиражированный в большинстве федеральных земель. Его сутью заключается в размещении сотрудников полиции, прокуратуры по делам несовершеннолетних и органов по делам молодёжи (Jugendamt) в одном здании, что позволяет уже на самой ранней стадии, зачастую до формального судебного разбирательства, передать дело подростка в службу

социально-педагогического сопровождения [9; 10]. Германский опыт психологически значим сокращением временного разрыва между правонарушением и получением помощи: чем короче этот путь, тем ниже риск закрепления девиантной идентичности и стигматизации подростка в собственных глазах и глазах окружения.

На глобальном уровне Руководящие принципы **Организации Объединённых Наций** в области предупреждения преступности прямо относят социальную интеграцию детей, семей и молодёжи из групп риска к числу базовых элементов эффективной профилактической политики [5], а разработанная Управлением ООН по наркотикам и преступности программа развития жизненных навыков на основе спорта «Line Up Live Up» демонстрирует практическую реализацию данного принципа через формирование у подростков когнитивных, эмоциональных и социальных навыков, снижающих факторы риска противоправного поведения [15]. Всемирная организация здравоохранения, в свою очередь, относит семейное неблагополучие, низкое качество образования и подростковую безнадзорность к числу основных факторов социального риска, устранение которых через расширение доступа к образованию и создание позитивной социальной среды для молодёжи признаётся одной из наиболее эффективных стратегий снижения преступности [4].

Сопоставление рассмотренных практик показывает, что профилактика подростковой преступности за рубежом опирается на три взаимодополняющих психологических механизма: индивидуализированную психодиагностику личности несовершеннолетнего (российская традиция), доказательную коррекцию когнитивных навыков саморегуляции (американский опыт) и сокращение институциональной дистанции между правонарушением и психолого-педагогической помощью (германский опыт). Узбекская модель, опирающаяся на институт лидера молодёжи в составе «махаллинской семьи» и на сеть школьных психологов, обладает значительным территориально-общинным ресурсом доверия, сопоставимым по функции с идеей социальной интеграции, заложенной в Руководящих принципах ООН [5], однако уступает рассмотренным моделям в части систематической, стандартизированной психодиагностики и строгой доказательной оценки эффективности профилактических программ,

работающих непосредственно с подростками.

Показательно, что теоретические концепции, объясняющие природу подростковой девиации, — социальная дезорганизация среды по Шоу и Маккею [2] и «криминогенный удар» Вудса [3], — находят прямое эмпирическое подтверждение в узбекских региональных данных: концентрация подростковой преступности в отдельных районах и связь противоправного поведения с семейным неблагополучием, зафиксированные в отечественной практике [11], соответствуют закономерностям, описанным в зарубежной криминологии почти столетие назад. Это открывает возможность прямого заимствования апробированных зарубежных инструментов профилактики без необходимости создания принципиально новой теоретической базы.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, преступность несовершеннолетних представляет собой психологически пластичное явление, в основе которого лежат преимущественно устранимые факторы — семейная депривация, школьная безнадзорность и острые психотравмирующие события («криминогенный удар»), а не устойчивая криминальная направленность личности. Во-вторых, зарубежный опыт России, США и Германии предлагает три различных, но совместимых психологических механизма профилактического воздействия — индивидуальную психодиагностику, доказательную когнитивно-поведенческую коррекцию и институциональное сокращение дистанции между инцидентом и помощью, — каждый из которых применим к узбекской модели без разрушения её территориально-общинной основы. В-третьих, дальнейшее совершенствование системы профилактики подростковой преступности в Республике Узбекистан требует перехода от преимущественно статистической оценки результатов к системной психологической диагностике и научно обоснованной оценке эффективности конкретных программ.

С учётом изложенного представляется возможным рассмотреть следующие научно-практические предложения по совершенствованию системы профилактики преступности несовершеннолетних:

1. Расширить сеть школьных психологов до нормативно закреплённого мини-

мального норматива на каждое образовательное учреждение и включить в их обязанности регулярный скрининг признаков семейного неблагополучия, буллинга и школьной дезадаптации учащихся.

2. Разработать и апробировать в пилотных школах адаптированную к национальным условиям программу развития когнитивных навыков саморегуляции для подростков группы риска по модели, доказавшей эффективность в американских рандомизированных испытаниях, с обязательной последующей научной оценкой результатов.

3. Создать в одном или нескольких пилотных районах интегрированный центр работы с несовершеннолетними правонарушителями по образцу германского «Дома ювенального права», объединив в одном помещении представителей ин-

спектора по профилактике, комиссии по делам несовершеннолетних, органов образования и здравоохранения.

4. Внедрить в деятельность лидера молодёжи и инспектора по профилактике стандартизированный инструмент ранней психологической диагностики подростков, переживших острое негативное событие (развод родителей, семейное насилие, неуспеваемость, исключение из школы), с обязательным незамедлительным подключением психолога.

5. Использовать методологию углублённой психологической диагностики личности несовершеннолетнего правонарушителя, апробированную в российской юридико-психологической школе, при подготовке специалистов, работающих с подростками, состоящими на профилактическом учёте.

Литература

1. Гарофало P. Criminologia. — Torino: Fratelli Bocca, 1885.
2. Shaw C. R., McKay H. D. Juvenile Delinquency and Urban Areas. — Chicago: University of Chicago Press, 1942. — 451 p.
3. Woods P. The Myth of the 'Culture of Deprivation' // British Journal of Sociology of Education. — 1991. — Vol. 12, № 2. — P. 139–150.
4. Violence prevention: the evidence [Электронный ресурс]. — Geneva: World Health Organization, 2010. — URL: <https://www.who.int/publications/item/9789241597821> (дата обращения: 31.07.2026).
5. Guidelines for the Prevention of Crime: ECOSOC Resolution 2002/13, Annex [Электронный ресурс] // United Nations Economic and Social Council. — New York, 2002. — URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 31.07.2026).
6. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. — М.: Юрист, 1996. — 336 с.
7. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2026).
8. Heller S. B., Shah A. K., Guryan J., Ludwig J., Mullainathan S., Pollack H. A. Thinking, Fast and Slow? Some Field Experiments to Reduce Crime and Dropout in Chicago // The Quarterly Journal of Economics. — 2017. — Vol. 132, № 1. — P. 1–54.
9. Haus des Jugendrechts [Электронный ресурс] // Landeshauptstadt Stuttgart. — URL: <https://www.stuttgart.de/haus-des-jugendrechts> (дата обращения: 31.07.2026).
10. Schairer M., Birnzain G. Das «Haus des Jugendrechts» in Stuttgart: Modellprojekt und Vorbild einer ganzheitlichen, behördenübergreifenden Zusammenarbeit in Baden-Württemberg // Kriminalpolizei. — 2005. — № 1.
11. О мерах по повышению эффективности системы социальной профилактики в махаллях на основе принципа «Благоустроенная и безопасная махалля»: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 30.11.2024 № 801 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lex.uz/docs/7243832> (дата обращения: 31.07.2026).
12. Об утверждении Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан и мерах по ее реализации: указ Президента Республики Узбекистан от 29.11.2021 № УП-27 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 31.07.2026).
13. Криминология: учебник / К. Р. Абдурасулова, А. Г. Закирова, И. Исмаилов [и др.]. — Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2023. — 318 с.
14. Мертон Р. Социальная структура и anomia // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е. А. Самарской; ред. пер. М. Н. Грецкий. — М.: Прогресс, 1966. — С. 299–313.
15. Line Up Live Up: a sport-based life skills programme for the prevention of crime, violence and drug use among youth [Электронный ресурс]. — Vienna: UNODC, 2019. — URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 31.07.2026).

References

1. Garofalo R. *Criminologia*. Torino, Fratelli Bocca; 1885.
2. Shaw CR, McKay HD. *Juvenile Delinquency and Urban Areas*. Chicago, University of Chicago Press; 1942. 451 p.
3. Woods P. The Myth of the 'Culture of Deprivation'. *British Journal of Sociology of Education*. 1991;12(2):139-150.
4. Violence prevention: the evidence. Geneva: World Health Organization; 2010 [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://www.who.int/publications/item/9789241597821>
5. Guidelines for the Prevention of Crime: ECOSOC Resolution 2002/13, Annex. New York: United Nations Economic and Social Council; 2002 [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://www.unodc.org>
6. Antonyan YuM, Enikeev MI, Eminov VE. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestupleniy* [Psychology of the Criminal and Investigation of Crimes]. Moscow, Yurist; 1996. 336 p.
7. Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ [On the Fundamentals of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016] [Internet] [cited 2026 Jul 31]. Available from: <http://pravo.gov.ru>
8. Heller SB, Shah AK, Guryan J, Ludwig J, Mullainathan S, Pollack HA. Thinking, Fast and Slow? Some Field Experiments to Reduce Crime and Dropout in Chicago. *The Quarterly Journal of Economics*. 2017;132(1):1-54.
9. Haus des Jugendrechts. Landeshauptstadt Stuttgart [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://www.stuttgart.de/haus-des-jugendrechts>
10. Schairer M, Birnzain G. Das «Haus des Jugendrechts» in Stuttgart: Modellprojekt und Vorbild einer ganzheitlichen, behördenübergreifenden Zusammenarbeit in Baden-Württemberg. *Kriminalpolizei*. 2005;(1).
11. O merakh po povysheniyu effektivnosti sistemy sotsialnoy profilaktiki v makhalliyakh na osnove printsipa «Blagoustroennaya i bezopasnaya makhalla»: postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Uzbekistan ot 30.11.2024 № 801 [On Measures to Improve the Efficiency of the Social Prevention System in Mahallas Based on the Principle of "Well-Arranged and Safe Mahalla": Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 801 of November 30, 2024] [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://lex.uz/docs/7243832>
12. Ob utverzhdenii Kontseptsii obshchestvennoy bezopasnosti Respubliki Uzbekistan i merakh po ee realizatsii: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 29.11.2021 № UP-27 [On Approval of the Concept of Public Security of the Republic of Uzbekistan and Measures for Its Implementation: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-27 of November 29, 2021] [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://lex.uz>
13. Abdurasulova KR, Zakirova AG, Ismailov I, et al. *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: Textbook]. Tashkent, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan; 2023. 318 p.
14. Merton R. *Sotsialnaya struktura i anomia* [Social Structure and Anomie]. Trans. from French by EA Samarskaya; ed. by MN Gretskey. In: *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)]. Moscow, Progress; 1966. p. 299-313.
15. Line Up Live Up: a sport-based life skills programme for the prevention of crime, violence and drug use among youth [Internet]. Vienna: UNODC; 2019 [cited 2026 Jul 31]. Available from: <https://www.unodc.org>

Материалы к публикации отправлять по адресу:
problemiprava28@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Издатель и учредитель: Коллегия Адвокатов г. Челябинска
Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10
Подписано в печать 27.09.2026. Дата выхода в свет 30.09.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 50 экз.
Заказ
Цена свободная.
Отпечатано в типографии «Активист».
Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 74Б